

ОЛЬГА СОЛНЦЕВА

ТАУТА

ТИРОТАВЛИХ
КАДТИН

Annotation

У Арсении Ромашкиной есть удивительное свойство: она вечно вляпывается в разные приключения. Вот и на этот раз ей пришлось стать соучастницей преступления, без ее, между прочим, на это согласия...

В романе две параллельные линии: детективная (наши дни) и любовная история, которая перенесет вас в горячие времена революции и гражданской войны в России (прошрое).

Ольга Солнцева

Тайна пропавших картин

Глава 1. Старая любовь не ржавеет?

Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь.

Джордж Сантаяна

Наше время.

1

В детстве я всегда вляпывалась в какие-нибудь истории. Мама говорила:

– Господи, ну, когда же ты наконец вырастешь?

А папа усмехался и называл меня «девочкой, склонной к приключениям».

Я выросла. Но только и во взрослом облике продолжаю попадать в разные истории. Вроде не ищу их, а они сами меня находят и в свои лапы захватывают. Причем, ведь знаете, поначалу похожи они больше не на приключения, а на полосы в жизни: то черная, то серая, изредка белая... Я даже иногда увлекаюсь их подсчетом. Ну, для того, чтобы духом совсем не упасть...

И вот недавно со мной случилось очередное приключение, которое я сначала рассматривала исключительно как широкую чёрную полосу.

В общем, слушайте...

...В пятницу меня направили в служебную командировку в областной город Поляnsk. Дело это обычное, потому что я – работник музея, и ездить по делам в область – одна из моих обязанностей. Вожу исторические документы от нас к ним, от них к нам. Если мы накопили что-то интересное по истории Полянска – возим им. Иногда они отыщут информацию про наш городок Красный – мы едем забирать. Так что путешествую довольно часто. Устаю, конечно, в дороге. Ну, что поделаешь... Работа!

После очередной такой поездки, сделав все дела в Полянском областном музее, я возвращалась домой с вокзала – уставшая, словно отработавший смену цирковой акробат. Шла и ругала себя, глупую, что с какого-то перепугу утром надела босоножки на высоких каблуках. Поэтому сейчас чувствовала, будто ноги мои трансформировались в палки, которые преостро воткнулись в мое брненное тело, чем вызывали у меня страшные и болезненные страдания...

...Мой каблук отлетел от босоножки, когда до родных пенатов оставалось сто шагов. Я мгновенно вспомнила всех чертей, потому что только вчера отдала пятьсот рублей за то, чтобы в мастерской его поставили на место. Наклонилась, чтобы поднять каблук, но проходивший мимо мужчина, явно не привыкший смотреть себе под ноги, пнул его, и драгоценная часть моей босоножки угодила прямо в приоткрытый канализационный люк.

Я задохнулась от негодования и резко выпрямилась с горячим намерением высказать этому представителю сильной половины человечества все, что хотелось. Набранный в рот

воздух не понадобился, а я так и осталась стоять: грудь колесом и выпулленные глаза.

Спина удалявшегося мужчины была мне знакома до колিক в животе. Она принадлежала Глебу Сидорову – покорителю сердец старшеклассниц школы № 1 нашего города!

И что, вы думаете, случилось? Сначала я лишилась каблука. А через минуту еще потеряла и голову. Как же иначе? Ведь моя первая школьная любовь, только что отправившая мой каблук в канализацию, удалялась от меня в неизвестном направлении.

Прихрамывая, в своих наполовину негодных босоножках, я попыталась бежать за Глебом. И почти догнала его – свою старую, но как оказалось, не покрывшуюся пылью, любовь. Даже собралась радостно его окликнуть. Но тут меня осенило: сейчас *он* увидит меня – в походных джинсах, со старой сумкой, предназначенной для служебных командировок, с хозяйственным пакетом, да еще и хромающую, как подбитая лошадь. К тому же, неизвестно, что там у меня на голове и на лице – целый день не наблюдала себя в зеркало! В общем, шансов убить его наповал своей неземной красотой явно маловато. Скорее, он упадет, сраженный моим потрепанным видом. Поэтому решила ограничиться тем, чтобы подсмотреть, куда он направляется. Ну, а выяснив место обитания своей незабываемой любви, я всегда смогу прийти туда снова, но уже при полном марафете.

Подумано – решено – сделано!

И я припустила за *ним* со скоростью, на которую в данный момент была только способна...

Между тем, Глеб Сидоров шествовал по тротуару, не глядя по сторонам. Уверенный, с прямой спиной и широкими плечами, он всегда был неотразим. Но мне сейчас так хотелось увидеть еще и его лицо! На худой конец, профиль. Ведь с последней встречи уже прошло несколько лет.

С этой дикой идеей я помчалась оббегать с обратной стороны тот дом, мимо которого он через несколько секунд собирался проходить. Я неслась со скоростью подбитой лани, хромя ровно на высоту своего отвалившегося и навсегда пропавшего в люке каблука.

Пробежав дом по всей его длине и преодолев его ширину, а также заставив шархнуться в стороны от меня пару человек и напугав до слез маленького мальчика, я наконец резко затормозила у кустов, которые отделяли небольшую аллею двора и ту часть тротуара, где в любую секунду мог появиться мой ненаглядный. К счастью, кусты были густыми, и разглядеть сквозь них меня было бы проблематично. Я обрадовалась этому, ведь показываться перед *ним* в роли взмыленной коняки в мои планы не входило.

Внутри меня сидела уверенность, что он еще не прошел мимо. Подождав безрезультатно минуту, не выдержала и выглянула. Сначала посмотрела очень осторожно налево – туда, откуда он должен был идти: нет моего сокола! Посмотрела направо: на изрядном расстоянии наблюдалась его спина.

Дааа, Арсения, бегать быстро ты никогда не умела!

Включив максимальную скорость, на которую могла быть способна все та же «подбитая лань», но только уже удирающая от стаи голодных волков, я бросилась оббегать и следующий дом тоже.

Ширина дома... Дл-и-и-и-и-на дома... (О Боже, что ж она такая длинная, эта длина!)...
Ширина дома...

Черт! В этот раз кустов, отгораживающих двор от тротуара, не было! Но... и нигде не

видно моего ненаглядного Глеба! Нет с левой стороны. Нет – с правой. Исчез! Зашел в подъезд? Уехал на машине?...

Пропал, так и не показав мне своего личика?

А может, это был вовсе не он?!

2

...Совершенно измученная и хромающая на обе ноги (вторую намозолила, пока бегала «за тенью»), я приползла к своему дому. Подошла к подъезду и ...нос к носу столкнулась с дядей Ваней – он работает там же, где и я. То есть в музее.

Дядя Ваня чинно выходил из моего подъезда.

– О, Арсения! – улыбнулся он от души. – Что ты тут делаешь?

– Здравствуйте, дядя Ваня! Вообще-то я здесь живу! А вы что тут делаете?

Дядя Ваня слегка сконфузился и ответил:

– Не знал – не знал... Да я так... к знакомым заходил, – и похоже, не желая объяснять, к кому именно, заторопился: – Ну, ладно, Арсения, увидимся завтра. Пока!

И пошел своей дорогой.

– До свидания! – сказала я ему в спину.

Честно говоря, я тоже была рада, что разговор не затянулся. Наш дядя Ваня – поговорить, ну сам не свой. А мне сейчас единственное, что хотелось, побыстрее добраться до квартиры и задрать вверх уставшие ноги.

...Наконец я дома!

Бросив сумку и пакет на пол в коридоре, я прошла в свою комнату и, упав без сил, пластом растянулась на кровати во весь рост.

Ну и денек!

Эта погоня за Глебом почти меня доконала...

За Глебом или не за Глебом?..

Я закрыла глаза, и воспоминания нахлынули на меня.

...Глеб Сидоров пришел в нашу школу, когда я училась в восьмом классе. А он поступил в десятый.

Женская половина школы тут же обратила на него внимание. Высокий, с темными прямыми волосами как раз той длины, когда еще учителя не говорят «Пора в парикмахерскую!», с серыми выразительными глазами... Тогда все девчонки старших классов, начиная с восьмых, втрескались в него. Хотя, кто знает, может, диапазон влюбленных был шире.

Короче, девчонки на переменках и после уроков обсуждали только Глеба. Каждая пыталась привлечь его внимание на себя: проходили мимо, поглядывая с загадочным видом, писали записки с признаниями... А я... просто тихо мечтала и страдала, глядя на него со стороны. Вполне возможно: он так меня и не заметил.

Потом Глеб закончил школу. Поступил в институт народного хозяйства в областном Полянске.

Я долго не могла его забыть и разлюбить. Даже тайно стихи сочиняла о своих чувствах к нему. Например, такие:

Ты появился так внезапно.
Твой взгляд прожег меня насквозь.
Ночами плачу я в подушку,
А в сердце у меня торчащий гвоздь.

Хм! Сейчас мне кажется это немножко не складно. А в то время я думала, что сам Александр Блок ушёл бы на пенсию, поняв, что конкурировать со мной бесполезно.

Через три года я и сама закончила школу. Поступила в университет, на исторический факультет, в тот же Полянский. Там любовь к Глебу вытеснил Олег. Затем – Дима... В общем, я свою первую любовь почти забыла. Так, вспоминала иногда. Но эти воспоминания были больше с примесью ностальгии о беззаботных школьных годах.

И вот теперь, кто бы мог подумать, что Глеб вдруг оказался все еще до безумия притягателен для меня. Старая любовь не ржавеет?

Я прислушалась к своему сердцу. Все еще тревожно бьется. И зачем я снова встретила его? А может, это был не он? Хотя, какая разница! Главное сейчас, – моя реакция!

Глеб?..

Или не Глеб?..

Это уже спрашивала себя, засыпая. Сказался безумный день – я уснула без задних ног.

3

Проснулась ни свет ни заря: еще не было пяти утра. И сразу из меня поперла поэзия:

Я жила одиноко,
Забыв о тебе.
Мне пришлось...
Просто я
Покорилась судьбе.
Вдруг я знак получила,
Каблук потеряв,
В тот же миг
Тебя со спины увидав.

Меня не очень волновало, что получалось не совсем складно. Главное – чувства, которые рвались наружу из души.

До семи часов утра я пребывала в полуэйфорическом, полуистерическом состоянии, то от счастья поднимаясь к небесам, то готовая разреветься без надежды на взаимные чувства со стороны Глеба.

Потом засобиравшись на работу...

Так как я решила рассказать вам эту историю, стоит поведать о людях, с которыми я работаю. Ведь каждый из них примет участие в событиях, которые очень скоро начнут

разворачиваться в моей жизни.

Наш музейный коллектив состоит из пяти человек. Во-первых, меня.

Кстати, я – Арсения Ромашкина, для своих – Сеня. Мне двадцать три, не замужем. Живу с родителями в двухкомнатной квартире, которая находится в небольшом районном городке Красном. Дом наш старый – дореволюционная постройка. Когда-то здесь были апартаменты для господ. После революции их переделали на квартирки попроще и поселили рабочий люд. Дом периодически обновляют внутри и снаружи, но мои родители постоянно дискутируют по поводу переезда во что-то более новое.

В данный момент времени родители переехали на дачу, на летний период, и дома появляются только, если возникает что-то срочное. Так что я пока живу очень самостоятельной жизнью: сама готовлю, прибираюсь... Ну, в общем, вы поняли...

Работаю, как уже говорила, в нашем городском краеведческом музее. Зарплата, конечно, – завтрак у птички. Но зато так интересно! На полставки я числюсь гидом, провожу экскурсии. Это классно. Идешь, рассказываешь, тебя слушают... А на вторые полставки я – научный сотрудник музея. Что, между прочим, дает мне право копаться в архивах. А это до безумия увлекательно! В общем, три в одном, и все – сплошные удовольствия. Не работа, а хобби в рабочее время.

Директор нашего музея – Плохих Тимофей Борисыч. За глаза – Рисыч. Классный мужик! Хотя фамилия подкачала.

Женат. Двое детей-лоботрясов, поведение которых он то и дело обсуждает по телефону с женой или их классным руководителем.

Дальше... Смирнова Валерия. Она, как и я, гид и научный сотрудник в одном лице. Ей что-то около тридцати пяти. Но она не признается в своем возрасте. Любит молодиться. Носит короткие юбки такой длины, какой я уже в свои двадцать три себе не позволяю.

Валерия замужем. Но, почему-то все время находится в активном поиске. Что там у них за отношения с мужем – понятия не имею. Видимо, не самые лучшие... Она еще как бы моя наставница. То, чему в универе не доучили, выдается ею для меня короткими лекциями.

Еще у нас есть охранник Рома. Ему около тридцати. Охранник для нашего малюсенького музея – это, на мой взгляд, излишество. Но, тем не менее, положено. Рома не женат, на мою голову. Почему на «мою голову»? Да потому что наш дружный коллектив старательно пытается меня с ним поженить. Целый год над этим усиленно работали. Добились только того, что Ромка при виде меня начинает мгновенно краснеть до корней волос. Увы, этот «крепкий шкафчик» мне совершенно не интересен. Парень он неплохой, но боюсь, что в детстве, кроме «Приключения Буратино», он ничего не читал... А я люблю умненьких. (Хотя насчет Глеба не уверена, много ли он книжек читает. Но тут, как говорится, любовь!)

Следующая персона – наша колоритная тетя Мотя, которая выполняет все оставшиеся и положенные в музее должности: кассирша, гардеробщица, завхоз... Она, действительно, Мотя. Это не прозвище. Уж так родители нарекли. Ей около шестидесяти. Но она из тех, которым сидеть дома на пенсии – равносильно смерти. Вот и работает. Выглядит замечательно. Большой модницы я в жизни не встречала! Вся одежда у нее от дизайнеров (по крайней мере, она все время оперирует известными и неизвестными мне именами), косметика на лице – по высшему разряду. Признаться, я так за собой не слежу. Ну, может, начну, когда мне будет шестьдесят. Насчет ее семейного положения: не замужем, но есть взрослые дочь и сын.

Шестым можно было бы посчитать дядю Ваню, того самого, которого я встретила вчера у своего подъезда. Он – наш слесарь, электрик, плотник в одном лице. Вообще-то в штате дядя Ваня не числится. Приходит по приглашению директора, если что-нибудь необходимо отремонтировать. Приходит на полчаса, а пропадает у нас с утра до вечера. Человек на пенсии – времени вагон. Руки у дяди Вани золотые, и работать он любит. Но, кажется, больше, чем работать, он любит нашу тетю Мотю.

В общем, коллектив у нас хороший, дружный. Мы отмечаем все дни рождения и большие праздники застольем с домашними салатиками, тортиками и чаем...

4

Мой рабочий день начинается в 8.30, а открываемся мы в девять.

...В тот день, в пятницу, я, подходя к музею, мыслями была далеко-далеко. И конечно, не заметила стоявшей перед входом полицейской машины.

Всё было как обычно: на двери красовалась привычная для этого времени суток табличка.

МУЗЕЙ ЗАКРЫТ,
– значилось на ней.

В девять утра это объявление заменится другим: «Музей открыт».

Я нырнула под табличку, когда мои часы показывали восемь тридцать пять, и, как всегда первым, кого встретила, был наш охранник Рома.

– Привет! – сказала я ему, проходя мимо.

Вместо своего приветствия он мне сообщил:

– Арсения, тебя ждут в кабинете директора!

– Уже? Я вроде только на минуту задержалась, – пробурчала я, не обратив внимание на то, как Рома построил фразу, обращаясь ко мне. Обычно в таких ситуациях он говорил:

– Сеня, тебя Рисыч искал.

Но моя голова все еще не переключилась на работу – мысли витали вокруг Глеба.

Короче, ничего не подозревая, я двинулась к кабинету нашего дорогого Плохих...

...Первое, кого я увидела, открыв дверь, был весь наш коллектив, дружно сидевший у стены на стульях. Весь, во всей красе: тетя Мотя, дядя Ваня, Валерия и даже Рисыч. Они одновременно, как по команде «Равняйся!», повернули ко мне головы.

А за столом, вместо и на месте нашего директора, сидел какой-то «фрукт»: коротко подстриженный мужик, в потертом пиджаке, с двухдневной щетиной на лице.

Картина чуть-чуть не дотягивала до финальной сцены в «Ревизоре». Правда, роли поменялись. «Ревизор», то есть я, замер на пороге в немом недоумении: мол, люди, что происходит?! Все же остальные явно понимали, *что происходит*.

– Присоединяйтесь! – сказал неизвестный с места директора. – Кажется, вы – Арсения Васильевна Ромашкина?

– Да, это я, – сказала я.

– Проходите! – скомандовал небритый. – Садитесь сюда! – и он показал на самый ближайший к столу (ну, и к нему самому) стул.

Я не очень-то обрадовалась этому месту. Лучше бы что-нибудь подальше от

незнакомому мужчинки, который не произвел на меня приятного впечатления... Но препираться не стала: прошла и села.

Теперь этот товарищ был очень близко ко мне, и у меня появилась возможность разглядеть его получше. Лет под сорок, глаза слишком изучающие – чувствуешь себя насекомым под колпаком, темные круги под глазами, извещающие, что их хозяин или мало спит, или много пьет. Ну, может, еще о чем-то говорящие... Я не врач, не знаю. Кто он, этот гражданин? Новый директор? Почему вдруг? А что будет с нашим обожаемым Рисычем?

Только сейчас я заметила, что напротив меня, у другой стены, сидел еще один человек: молодой парень лет двадцати пяти. Симпатичный. Но кажется, чересчур скромный. Он все время нервно ёрзал на стуле и взволнованно-неуверенно смотрел на небритого. Кто он, интересно?

Только спросила себя об этом и тут же узнала.

Небритый вдруг резко повернулся к пареньку и громко приказал:

– Митяев, пойдика, пригласи сюда охранника. А входную дверь пусть на замок закроет. «Помощник!» – озарило меня.

Митяев тут же вскочил со стула и помчался выполнять поручение.

Странно-странный! Новый начальник со своим новым помощником? Что такое натворил наш Рисыч? За что его собираются смещать?

Вскоре своей неспешной походкой пришагал Рома и уселся на стул рядом с дядей Ваней.

Митяев тихонько прикрыл дверь и остался стоять около нее. Я подумала, что теперь вся эта картина – уже не из пьесы Гоголя «Ревизор», а больше смахивает на сцену из фильма о заложниках. Правда, «компаньон главаря» слегка подкачал: я мельком взглянула на виновато-заискивающую мордочку Митяева.

– Итак, начнем! – произнес небритый и обвел всех нас своим пронизывающим взглядом. – Меня зовут Прыгунов Андрей Филиппович. Я – из отдела по борьбе с хищением культурных ценностей. Не все знают, что произошло вчера вечером или сегодня ночью в вашем музее...

Ух ты! Это уже интересно? Что ТАКОЕ могло произойти в нашем микроскопическом музее, что даже ТАКИЕ ЛЮДИ к нам пожаловали?

– ...А в вашем музее произошла кража историко-культурных ценностей. Украли картины...

Ой! Вот это да!

Я сразу поняла, что за картины украли, потому что у нас их всего три. Ну, по крайней мере, постоянно находящихся в зале для просмотра. Правда, всё это как-то странно. Картины, конечно, имеют некоторую культурную и историческую ценность, но не настолько, чтобы их красть из музея. Это не Клод Моне или Пикассо, это просто картины, нарисованные, скорее всего, в начале двадцатого века. Все они принадлежат руке одного художника – это установлено точно. Без сомнения, он был достаточно талантлив. Но не гений. Обычный человек, которого научили хорошо рисовать. Это мое мнение... Мы с Валерией, как научные сотрудники, копаем потихоньку, пытаюсь понять, какую же именно ценность они, эти картины, имеют. Но пока похвастаться особо нечем. Художник неизвестен. Откуда и когда появились картины в музее, тоже покрыто мраком. В нашей архивариусной книге записано, что их принес неизвестный (или неизвестная – видимо, никто не видел, как это произошло) и оставил в углу около раздевалки... Пожалуй, эта

архивариусная книга и то ценнее. Все-таки записи начались вестись в ней еще до революции, с 1907 года...

Интересно всё-таки, кому понадобилось красть картины никому неизвестного художника?

Между тем, товарищ следователь продолжал:

– Картины, предположительно, пропали, когда никого в музее не было. Так как сигнализация не сработала, можно сделать вывод, что человек был свой, то есть работник музея, и знал, как зайти внутрь. Или свой для кого-то из своих. Вы понимаете, о чем я?

– Нет, – испуганно пискнула тетя Мотя.

Хотя я бы сказала, что она – женщина отважная; слово «испуганно» к ней плохо подходит. Впрочем, хотя она и «пискнула» испуганно, но именно тетя Мотя первая что-то позволила себе произнести в той атмосфере, которую удалось создать строгому следователю.

Тот хмуро посмотрел на нее и пояснил:

– Родственники! Или знакомые.

Все понятно. Виноваты мы или опять мы, которые позволили совершить кражу кому-то еще.

Между тем Прыгунов Андрей Филиппович продолжал:

– Поэтому сейчас, в этом кабинете, я начну расспрашивать каждого из вас по очереди. Остальные будут ждать снаружи, каждый – в отдельном помещении. И я вас попрошу: никаких разговоров между собой не заводить! Вы должны понимать: все вы – под подозрением!.. Впрочем, мой помощник проследит...

Все, как под гипнозом, одновременно повернули головы и посмотрели на Митяева. Тот торопливо закивал головой начальнику и виновато улыбнулся нам. Но тут же нахмурился, вспомнив о своей должности помощника следователя.

Все снова повернулись к Прыгунову, который продолжал:

– Я надеюсь: вы меня хорошо поняли?

Не видела других, потому что сидела первой к следователю, но думаю, что все в этот момент дружно кивнули головами. И я сделала то же самое. Тут же невольно обернулась от неприятного ощущения тишины за моей спиной, будто только я осталась в комнате один на один с этим небритым Прыгуновым... Нет, сидят. Лица напряженные, сосредоточенные. Никогда никого из них такими не видела. Может, только Ромку. Но ему по должности положено быть хмурым.

– Итак, Арсения Васильевна, – вдруг обратился ко мне Прыгунов. – Вы – первая!

– Я?! – удивилась я. – А почему я?

Следователь, которому доверенная ему миссия не предусматривала слышать подобные вопросы, нисколько не смутился.

– Вам что-то не нравится? – железным тоном спросил он, и его взгляд пробил меня насквозь.

– Н-нет, м-мне всё н-нравится, – заикаясь, ответила я.

– Товарищи, попрошу вас выйти и занять помещения, которые укажет вам мой помощник! – это уже к моим коллегам.

Все сотрудники музея встали и послушными овечками направились к двери. Да-а, понять их можно: не каждый день картины из музея пропадают и следователи являются. И

не каждый день тебя подозревают в краже народного богатства.

– Митяев, следи!

Митяев выскочил в коридор, и я видела, как он суетливо опередил всех. Потом услышала, как бедный помощник Прыгунова взволнованно стал обращаться к «подозреваемым»:

– Прошу вас, вы пройдите в эту комнату... А вы – сюда...

Я увидела, что Прыгунов раздраженно поморщился. Видимо, человеколюбием он не страдал. Понимания природной индивидуальности, которая у каждого человека своя, ему было не дано.

Следователь перевел свой внимательно-проницательный взгляд на мою нервно замершую персону, и у меня возникло ощущение, что он сейчас спросит:

– Ну, что, Ромашкина, будем признаваться или как?

Однако он, выдержав паузу, которой бы позавидовал любой начинающий артист – приверженец Станиславского, и, дождавшись, когда я начну ерзать на стуле да волноваться так же, как его помощник Митяев, задал не этот, а другой вопрос:

– Арсения Васильевна, что вы делали с шести часов вечера до восьми утра с четверга на пятницу?

Я вдруг не вовремя вспомнила фразу, что с четверга на пятницу сны сбываются. И даже попыталась вспомнить, что мне сегодня ночью приснилось. Но под тяжелым взглядом Прыгунова вспоминать получалось плохо. Потому осознав, что мне был задан вопрос, переспросила:

– С какого четверга на какую пятницу?

Даже бывалый Прыгунов слегка опешил от моего вопроса, затем, как для идиотов, очень медленно пояснил:

– Вчера вечером и сегодня ночью.

– А-а-а, – понятно протянула я. И зачем-то опять переспросила: – Сегодня ночью?

Его брови медленно поползли кверху, и он было открыл рот, чтобы повторить вопрос, но я уже выпалила:

– Спала!

– С шести вечера? – зубоскалясь, переспросил он.

– Нет. Не с шести...

Я вспомнила свои вчерашние бега за ускользающей и манящей спиной Глеба Сидорова, а также то, как пришла домой, рухнула на кровать и отключилась. И прикинув про себя время, уточнила:

– Не с шести... С семи... Или чуть позднее.

Брови его снова дернулись, однако в этот раз эмоции не коснулись его небритой физиономии. Он взял ручку, поискал на столе среди листов бумаги тот, который, видимо, предназначался для меня, вытянул его, положил сверху и после этого, сладко улыбнувшись, сказал:

– Так и запишем: спали с семи вечера и до восьми утра... Здоровый богатырский сон!

– Эээ, может быть, точнее, до пяти утра.

– А что так рано проснулись? Совесть? Или любовь? Не рановато ли для такой юной леди вставать в пять утра?

Ух, как он мне не нравился!

А Прыгунов уже задал другой вопрос:

– Где?

– Что «где»?

– Где вы спали с семи вечера вчерашнего дня до пяти утра сегодняшнего дня?

Я задохнулась от возмущения:

– Как это «где спали»? Дома спали, разумеется! В своей кровати...

И тут же, опережая другой неприятный вопрос, уточнила:

– ... одна!..

– А кто может это доказать?

– Что доказать?

– ...Что вы спали все это время.

– На что вы намекаете?! Вы считаете, что это я украла картины?

– Я ни на что не намекаю. Это моя работа.

И правда, что я на него взъелась? Да, неприятный тип. Но он хочет того же, что, в принципе, и я: найти пропавшие картины. Однако быстро переключиться на сотрудничество с ним еще не могла.

Теперь, кстати, пришла моя очередь медленно объяснять идиотам вполне понимаемые вещи:

– Для того, чтобы украсть, нужен мотив. У меня его нет. Я воспитана так, что чужое брать не буду. Тем более воровать картины из музея, где я работаю.

Ой! Не так выразилась. Подумает еще, что из другого музея я бы вполне могла что-нибудь стащить!

– И потом, вообще, очень странно, что кто-то позарился на эти картины. Ведь большой исторической и культурной ценности они не представляют. Это я вам как историк говорю...

– У вас всё? – вдруг нервно перебил меня Прыгунов.

Я оторопело уставилась на него, чувствуя, что вместе с этой пламенной речью-монологом мои спесь и гонор испарились так же неожиданно, как и появились.

– Всё!

– Вот вам моя визитка! Если что вспомните, можете позвонить. И в ближайшее время пока никуда не уезжайте. На сегодня ваш рабочий день закончен. Попрошу уйти домой. До свидания!

– Хорошо! – послушным зайчиком ответила я, взяла протянутую мне визитку и вышла из кабинета.

5

В коридоре было пусто, если не считать Митяева. Все наши сейчас затворниками сидели по разным комнатам.

Вежливый помощник следователя проводил меня до выхода из музея, открыл замок, выпустил, сказал «Всего вам хорошего», и после этого дверь за мной закрылась. Я обернулась: на ней висела все та же вывеска:

МУЗЕЙ ЗАКРЫТ

Спешить было некуда. Как бы предполагалось, что у меня рабочий день. А на самом деле – непредвиденный длинный выходной: впереди не только полпятницы, так еще и

суббота с воскресеньем.

Погода сегодня удалась на славу: солнышко, тепло, лето... Птички поют, цветочки цветут... Живи и радуйся!

Купив эскимо, я, не спеша, направилась в парк – очень благодатное место в нашем крохотном городке: зеленый оазис с маленьким искусственным прудом, в котором плавают утки.

Усевшись на скамейку и устремив свой взор на воду, я задумалась.

Какой дурак украл эти картины? Продать их дорого он все равно не сможет. Таких картин по субботам на рынке – завались! Ну, не совсем таких. Не старых. А от современных местных художников. Хотя многие из них создают свои шедевры и получше, чем наши музейные украденные «ценности». Предположим, если все-таки кто-то – «ну очень умный» – решил эти картины продать? Допустим, сядет он с этой живописью на базаре – так ведь мигом арестуют! Картины-то теперь в розыске.

Я восстановила в памяти, как они выглядели. Все примерно одинакового размера: около двадцати пяти сантиметров в ширину и тридцати пять – в высоту. Рамки, конечно, старые. Но просто – старые. Ничего ценного. Может быть, сам музей вставил в них картины.

На первой – у открытого окна сидит девушка в легком светло-зеленом платье, в белой воздушной шляпке. А за окном – сад с фруктовыми деревьями. На второй картине – мальчик с собакой у моря, смотрит вперед, на того, кто его рисует, и улыбается, а собака подняла голову и глядит с любовью на маленького хозяина. Фон – спокойная, темно-синяя гладь моря. Третья картина изображает молодого мужчину в шляпе. Он улыбается беззаботно. Смотреть на него приятно: симпатичный, позитивный человек.

Мда, очень странная история! Кому понадобилось похищать эти картины? Может, здесь, не корысть, а кроется какая-то тайна?

Интересно, как быстро полиция найдет виновных? А может, – такое ведь тоже случается, – что и не обнаружит похитителей никогда. Уйдет тайна в полицейский архив... Грустно! Хотелось бы знать, почему картины украли. И кто.

...Я доела эскимо, посидела немного, а потом решила топать домой: время приближалось к обеду, пока приготавливаю, в животе уже «червячок» заводится.

6

Переступив через порог родной обители, я тут же споткнулась о свои босоножки, те самые, в которых вчера делала марш-бросок за Глебом.

Глеб... Боже мой! Мысли о нем улетучились в тот самый момент, когда я зашла сегодня утром в кабинет нашего директора музея Рисыча!

Что ж. Сейчас музейные проблемы были вытеснены, и я снова погрузилась в грезы любви. Чистила картошку и думала о Глебе. Резала овощи для салата и мысленно разговаривала со своей любовью...

В зале зазвонил телефон, прервав мои горько-сладкие думы.

Я заспешила туда, взяла трубку:

– Алло!

Тишина.

– Говорите!

Тишина.

– Алло! Вас не слышно!

С той стороны отключились.

Я задумчиво хмыкнула и опустила трубку на рычаг. Кому-то нечем заняться? А может, это мой тайный поклонник? – разыгралась фантазия. Мечтательно улыбнувшись, я повернула свои стопы к кухне. И...

И в этот момент я увидела такое, что мои ноги подкосились. Благо, что была близко к дивану, так что плюхнулась прямо на него.

Передо мной, у противоположной стены, на полу, стояли три до боли знакомые картины. На меня дружно смотрели своими нарисованными глазами девушка в бледно-зеленом платье, мальчик с собакой и мужчина в шляпе.

Глава 2. Первая любовь

Прошлое.

7

Как хочется поплакаться кому-то в жилетку, сбросить с сердца камень, который мешает дышать легко и свободно... Но это невозможно... Время такое, что лучше помалкивать и никому не доверять. А родных мои жалобы только еще больше расстроят, ведь им тоже непросто...

Жизнь стала другой до неузнаваемости. Как будто каждый предмет, каждое лицо, каждое действие кто-то заменил на негатив: все белое стало черным. А всё черное? Наоборот, стало нормальным, повседневным: узаконенное убийство, предательство, хамство...

От меня, смешной наивной девочки, какой я была три года назад, ничего не осталось. Мало того, живу как в тумане. Ощущение, что я – это не я. И всё, что происходит со мной, ко мне никакого отношения не имеет. Как будто вижу себя со стороны, смотрю на себя, чужую, незнакомую, слишком быстро повзрослевшую, и испытываю странные чувства. Жалость? Пожалуй, нет. Скорее, горькое сочувствие: то, о чем мечталось, не сбылось, и уже вряд ли сбудется.

Моя сегодняшняя жизнь... На что она похожа?

Утро наступает. Я встаю и без единой эмоции начинаю день. Что-то делаю, с кем-то разговариваю, куда-то хожу... Все, как в тумане. Каждую минуту внутри меня нарастает что-то темное, полное боли, которое в какой-то момент может вырваться наружу и принести много неприятностей: и мне, и моим родным.

Но сегодня приснился сон. Он был очень ярким и светлым. И очень реальным... Это я уже потом поняла, почему «реальным», когда проснулась.

Я видела маму, у нас в доме, сидевшую в комнате прямо на полу и окружившую себя дорогими сердцу вещами: детской одеждой, фотографиями, старыми безделушками... Сквозь тюль проникали солнечные лучи и делали комнату теплой, уютной...

Был такой день в моей жизни, как раз до того глупого поступка, который и загнал меня в эту темную щель жизни, из которой нет выхода.

Семья, моя первая любовь, гимназия – все это осталось в далеком прошлом. И уже давно перестало мне сниться. А вот сегодня – вернулось. Но только, увы, во сне.

...Сон оборвался от выстрела на улице... Я вскочила, как ошпаренная. Сердце начало бешено колотиться в груди. Так сильно, будто кто-то внутри раскачивал его из стороны в сторону, словно это было вовсе не сердце, а медный колокол... Господи, опять кого-то расстреляли! До чего обесценилась человеческая жизнь!

Я почувствовала себя еще более несчастной. Внутри снова появилась тяжесть. Как будто больной зуб, на котором до лечения долго лежал лед, опять стал ныть, и вернулись старые неприятные болевые ощущения.

Именно в этот момент я осознала, что мне так хочется поговорить с кем-то. Но не с

кем, увы!..

А сегодня вдруг неожиданно пришла, откуда не ожидалось, подсказка, что делать, чтобы это темное и страшное не росло во мне до опасного непредсказуемого момента.

Случилось это так.

Я стояла в очереди за хлебом. В длинной очереди... Вообще, мне редко это приходится делать. А тут тетя слегла с высокой температурой, Гертруда побоялась оставлять ее одну. Ну, я и вызвалась сходить за хлебом.

И вот стою в очереди. Мерзну. Холодный ветер насквозь продувает мое пальтишко. Чтобы как-то отвлечься от непогоды считаю, сколько человек стоит передо мной. Сбиваюсь. Начинаю считать снова. И опять сбиваюсь, потому что вдруг слышу разговор за моей спиной и заинтересовываюсь.

– ...Мир, душечка, не меняется. Вы думаете, что для вас сейчас – самое худшее время? Нет, это не так. Во все времена жилось плохо. Только не всем. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Нам с вами повезло при рождении. Однако, как видите, потом все изменилось...

Я осторожно обернулась. Уж очень было любопытно посмотреть, кто это за моей спиной философствует. Стоит мужчина, высокий, статный. Как сейчас говорят, из бывших. Но в стареньком старом двубортном пальто, на котором не хватает нескольких пуговиц, в валенках, в шапке-ушанке. С виду, рабочий. Ну, а по разговорам, человек образованный. И лицо не пролетарское.

Я стала прислушиваться дальше. Даже о холоде забыла.

– Может, вы и правы, батенька. Смириться надо и жить дальше, – это собеседник лжерабочего заговорил. Он – в старом потрепанном длинном темном пальто, худой, бледный, с запавшими щеками, с торчавшими в разные стороны волосами бородки. – Да только как это сделать, если постоянно болит внутри, гложет? Просыпаться утром не хочется. Сон – как другой мир, как реальная жизнь. А то, что в дневное время, – как ночной кошмар.

Боже мой! Так же, как и у меня!.. Я стала слушать еще внимательнее.

– А вы, душечка, книжку начните писать, – посоветовал «рабочий».

– Книжку? Какую книжку?

– Ну, не знаю, что вам ближе. Роман любовный или сказки. Можете сделать героем себя. И пусть в книге у вас все получается. А может, пишите дневник... Главное, умом отвлечься. Сосредоточиться на чужой или на выдуманной жизни. Начнете писать вымышленную историю, ударитесь в поиск идей для своего романа. Захотите писать о себе, погрузитесь в воспоминания. Займете свои мысли делами, а не думами о том, как все плохо вокруг. Поверьте, тут вам сразу и полегчает...

Да, это была подсказка. Пожалуй, заведу я дневник и буду вспоминать, что было со мной – той, другой, в жизни, от которой сейчас и следа не осталось.

Вернувшись домой, я нашла старую тетрадь, в которой несколько страниц были исписаны, без сожаления вырвала ненужное и начала дневник...

Пусть хоть воспоминания вернут меня в тот милый моему сердцу мир...

В начале лета я закончила гимназию. Мои мечты радужно склонялись к дальнейшему образованию где-нибудь в Москве или Петербурге. Но мама твердо сказала: нет! Уже почти два года в мире шла война, и Россия тоже участвовала в ней. Там, на фронте, конечно же, было очень тяжело. Но с каждым днем становилось тревожнее и беспокойнее даже в нашем маленьком городке. Как будто фронт сжимал свои израненные исхудавшие от голода, боли и страха руки вокруг свободной от войн территорий.

Родители читали газеты и поражались тому, как скоротечно меняются привычные вещи. Петербург так уже не назывался. Немецкое слово «бург» было заменено русским аналогом «град». И теперь столица гордо именовалась Петроградом... Начались перебои с продуктами. Подпрыгнули цены. Наша больница была переименована в военный госпиталь, куда теперь привозили раненых с фронта...

Но я находилась в том светлом возрасте, когда еще не понимаешь и не чувствуешь беду. Душа пела и просилась в свободный полет, и только так я себе представляла настоящую жизнь. Хотелось уехать куда-нибудь из дома. Тянуло познать мир, ощутить, понять, как это – жить самостоятельно... Здесь же, в нашем маленьком городке, я чувствовала себя как в клетке. Юность, пока не столкнется с опасностью, не знает страха. Кажется, что ты будешь жить вечно, и ничего не может стать для тебя препятствием для восхитительного будущего.

В городе Полянске у меня жила тетя, у нее имелся большой дом в самом центре, и она была директрисой собственной гимназии для девочек-сирот, построенной и существовавшей на деньги ее богатого покойного мужа, а также на благотворительные средства. Если уж Петроград и Москва для меня закрылись из-за войны, то почему бы мне не поехать к тете? Я бы могла поработать у нее, не ради жалования, а ради желанной свободы: сбежать из малюсенького родного городка, из-под родительской опеки. Хотя, если тетя будет мне платить, тоже неплохо: я смогу заработать свои первые собственные деньги.

Ох, как меня будоражили стихи Бальмонта о свободе! Читала, перечитывала строчки, и сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди:

*И что мне лишенья, и что мне страданья,
И что мне рыдающих струн трепетанья, –
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьме испытанья, –
Но только бы верить всегда,
Но только бы видеть из бездны преступной,
Что там, надо мной, в высоте недоступной,
Горит – и не меркнет Звезда!*

Где же моя Звезда, счастливая Звезда, которая горит и не меркнет?

...Наконец я решилась на серьезный разговор и отправилась к маме. Она должна разрешить мне поехать к тёте в Полянск!

Мама спокойно выслушала мое желание. Погладила по голове, как маленькую девочку, и ответила, что подумает.

Со своей стороны она хотела другого: моего замужества, – в чем тут же честно мне призналась. Я вроде бы и не возражала. Ведь замужество – это так приятно! У нас все девочки в гимназии думали об этом. Белое роскошное платье, влюбленный жених... Разве это не счастье?..

Никогда еще не влюблявшаяся, я даже не рассматривала вариант, что муж может оказаться нежеланным и нелюбимым. В моих представлениях он обязательно будет красивым, понимающим, будет смотреть мне в глаза с обожанием и наслаждаться каждым мгновением со мной. Ведь я провела детство в семье, где между родителями была идиллия, и предположить что-то другое в моих будущих семейных отношениях не могла...

Пока планы на будущее оставались туманными, я отдыхала. Каждый день ходила к морю, чаще всего с нашим Ветерком – неизвестной породы псом, грозным с чужими, но безмерно ласковым с нами. Мой брат Никитка, который был младше меня на пять лет, тоже никогда не отказывался прогуляться. Но иногда у него появлялись свои мальчишечьи дела. В таком случае, мы бродили с Ветерком по берегу вдвоем. Собака была хорошим слушателем, и я разговаривала с ней, как с человеком, делаясь своими девичьими мыслями.

Лето было жарким, солнечным. Только мы вступали на песчаный берег, я тут же разувалась и, весело размахивая босоножками, с наслаждением зарывала ступни в прогретый солнцем песок. Со мной всегда была книга. Усевшись на затененный кустарниками пятачок, покрытый травой, я то рассеянно читала, то наблюдала за Ветерком, носившимся непрерывно по пляжу, то смотрела вокруг и наслаждалась шумом волн, криками чаек, еще какими-то звуками и видами, о которых сейчас вспоминаю как о чем-то далеком, безмерно счастливым, но ставшим прошлым.

Да, то прекрасное время моей наивной юности было подпорчено одним событием – войной. Разговоры о ней не умолкали где бы ты не был. Шла ли я на литературные встречи или сидела за вечерним чаем с семьей и с нашими гостями, беседы о военных событиях вытесняли все другие диалоги.

Мой отец был убежден, что война не должна стать затяжной. Одним из его аргументов выдвигался факт, что Николай Второй и Вильгельм Второй все-таки были двоюродными братьями. Как можно воевать родственникам? Нет, такое – невозможно. Так рассуждал он.

Время шло. Разговоры продолжались. А война, которая не могла быть затяжной, все не прекращалась.

К тому же, она постепенно меняла нашу жизнь. И мою – тоже. Никуда меня родители не захотели отпускать. Ни в Москву, ни в Петроград, ни даже к тете.

Папа стал ощущать влияние войны и в банке, где он работал. Я слышала, как он возмущался той политикой, которую вел Государственный банк Российской Империи.

– Ты представляешь, Леночка, – говорил отец маме, – они повышают налоги, хотя народ уже итак истощен этой войной. Куда смотрит царь? В стране – бардак. В

Петрограде – бесконечные выступления рабочих. Вся интеллигенция смакует тему предстоящей революции. Но, по моему мнению, это лихо лучше бы спало. Проснется – поймут, что ничего путного из этого не выйдет, да поздно будет.

– Андрей, но ведь царь сейчас больше думает о войне. Заниматься другими делами ему просто некогда.

– У него есть море помощников, – отвечал отец. И продолжал: – А что делается с ценами? Лучшие клиенты забирают деньги из нашего банка, некоторые меняют их на золото или драгоценные камни. Рублю перестали верить!

Эти разговоры тянулись часами. Я невольно прислушивалась к ним, переживала, как тяжело на фронте, цифры о погибших приводили меня в ужас. К тому же, иногда горе оказывалось совсем рядом: у молочницы погиб муж, а садовник, ушедший на фронт, пропал без вести...

Впервые мы вдруг начали считать деньги. Хотя папа дневал и ночевал в банке, но это не сказалось на улучшении нашего финансового состояния. А мама даже взялась за частные уроки музыки.

Я тоже стала подумывать о том, чтобы пойти на службу.

Папа вдруг нашел мне место стенографистки в жандармерии через своего одноклассника из детства Георгия Ксенофонтовича Кончаловского. Я к тому времени уже прошла краткосрочные курсы по стенографии и теперь могла работать. Это было совсем нетрудно: два раза в неделю, по вторникам и средам, по пять часов в день. Папа говорил, что эта работа рассчитана для жандарма, но сейчас мужчин не хватает – забирают на фронт, и вместо них на такие работы вынуждены брать женщин.

На своей службе я впервые узнала о преступном мире не из книг Конан Дойла. Правда, мне доставалось слушать все большие дела о кражах. Я подозревала, что здесь постарался Георгий Ксенофонтович, пожалев мои девичьи чувства. Этот секрет действительно открылся позднее, когда однажды мне довелось услышать, что дела об убийствах рассматриваются в другие дни недели.

Редко, но мне, однако, доставалось стенографировать допросы и с революционерами. Возможно, если бы они продвигали свои идеи без убийств и краж, я бы им сочувствовала. Но, работая в жандармерии, я такого наслушалась, что понять их не могла. Они готовили покушения, вершили расправы над отцами семейств (пусть даже их врагов), подкупали суд и совершали вооруженные налеты на банки. А так как город у нас был маленьким, пару раз мне пришлось услышать фамилии их жертв. Одним из них был папа девочки из нашей гимназии, убитый по дороге домой. Он был судьей, отказавшимся от предложенных революционерами денег: те хотели руками судьи отменить приговор об убийстве, которое совершил их товарищ.

В общем, время было тревожное, непонятное и не такое, которое бы мне хотелось.

Один Никитка у нас отдыхал: у него все еще продолжались летние каникулы. Но папа обмолвился как-то, что еще неизвестно, начнутся ли уроки в гимназии осенью. Уж очень беспокойно было в стране.

И все-таки ожидание мной чего-то особенного, оправдалось: я встретила свою первую

любовь. Ко мне пришло не мимолетное увлечение, а настоящее взрослое чувство. Оно было не только безмерно сильным, оно изменило мою жизнь.

Я помню тот день очень хорошо. До мельчайших подробностей. Как будто это было вчера.

Стоял теплый сентябрь, примерно его середина. Уже не жаркое солнце все еще старательно трудилось, обогревая землю и морскую воду. У него это получалось неплохо. Только по утрам и вечерам я накидывала шерстяную кофточку. В течение же дня в этом нужды не было.

В тот день я сидела в саду, в гамаке, и читала книжку, когда со школы вернулся Никита. Несмотря на папины мрачные предсказания, занятия у брата в гимназии начались вовремя. Но сегодня он вернулся домой раньше обычного: кто-то из учителей заболел, и их класс отпустили. Мальчик примчался домой сияющий, румяный, громогласный.

Почти сразу за ним пришел папа. Это было странно, потому что отец редко возвращался домой днем. По его хмурому, посеревшему лицу легко было догадаться: что-то случилось. Он, кивнув нам, быстро исчез в своем кабинете. Мама, тревожно посмотрев ему вслед, постояла в задумчивости, потом пошла следом. Остановилась на полпути, обернулась к нам.

– Сашенька, – обратилась она ко мне. – Пообедайте на кухне и потом идите с Никиткой на прогулку.

Я сразу поняла, почему она об этом попросила: не хочет, чтобы мы слышали их с папой разговор. Он редко бывает таким. Значит, действительно случилось что-то серьезное. Тревога за папу передалась и мне.

Мы с братом, быстро пообедав, взяли Ветерка с собой и направились к морю...

...Собака носилась вдоль берега, Никита бегал за ней и смеялся. А я все думала, что же такое могло произойти у папы.

На берегу, кроме нас, никого не было. Курортники уже уехали обратно, в свои холодные далекие города. А местные жители, как правило, – не частые гости к морю.

Нет, оказалось, мы были не одни. На приличном расстоянии от нас, около берега, я увидела мужчину. Последний отдыхающий?

Никита умчался вперед и вскоре был уже рядом с тем человеком. Когда я приблизилась, увидела, что он – художник. Мужчина сидел у мольберта и рисовал море. Я подошла ближе и поздоровалась. Он обернулся. Наши взгляды встретились, и мое сердце вдруг учащенно забилося. Какая-то сила была в его глазах? Почему же иначе после этой встречи я потеряла покой? Разве может кто-то ответить на эти вопросы, если даже я не знаю, почему.

– Здравствуйте, – приветливо произнес мужчина и улыбнулся.

Ему, наверно, было лет тридцать пять. Может, больше. Может, меньше. Лицо чисто выбрито, но с усами. Волосы темные, прямые. Глаза... Глаза, я уже говорила, такие особенные!.. Но цвет я с первого раза не поняла. Даже как-то и не думала об этом.

А потом уже старалась не встречаться с ним взглядом. Боялась выдать ниоткуда возникшее чувство.

Никита все это время бегал неподалеку, бросал камни в воду и не обращал на нас никакого внимания.

А мы все говорили и говорили. О живописи, о море, о погоде... И мне казалось, не могли

остановиться. Чувство, что я знаю его всю жизнь, поглотило меня: так было легко и просто с ним беседовать. Но с другой стороны, каждый раз, когда наши глаза встречались, я боялась, что он услышит стук моего сердца...

Потом мы с ним попрощались и пошли с братом домой. Я шла и не оборачивалась. Хотя так хотелось узнать, смотрит он мне вслед или нет. И еще я сожалела, что он не спросил, как меня зовут. А я, разумеется, постеснялась первой задать вопрос о его имени.

11

Похоже, мама с папой не хотели сейчас быть в окружении своих детей. Мы с Никитой поужинали без них и отправились каждый в свою комнату.

Я причесывала волосы, сидя перед зеркалом, и думала о художнике. Где он сейчас? Что делает? Вспоминает ли о нашей встрече?

Потом разделась и забралась под одеяло. Взяла книгу поэта Александра Блока... С девочками в гимназии мы гадали, используя строчки стихов: просто открывали первую попавшуюся страницу и смотрели, что там написано. Заглядывали, если не в свое будущее, то хотя бы в настоящее... Я повторила это гадание из детства, открыв книгу наобум. Начала читать, и сердце тревожно заиграло как одинокая скрипка в большом пустом зале:

***И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...***

Боже мой! Ведь обо мне же это, обо мне!

Дверь скрипнула, и в комнату тихонько вошла мама. Я торопливо захлопнула книжку, как будто боялась, что она поймет, чем я тут занимаюсь, и осудит: ведь у папы сейчас проблемы.

Но мама, если и заметила что-то, ничего не сказала.

– Сашенька! Вы гуляли очень долго сегодня. Я уже стала волноваться, – мягко проговорила она, опускаясь на кончик кровати.

Я тут же спросила про папу. Мама ответила, что все в порядке. Я открыла рот, чтобы задать новый вопрос, но мама остановила меня, подняв руку, и, пожелав спокойной ночи, вышла из комнаты.

«Все-таки не все в порядке», – подумала я, нахмурившись.

Но юность эгоистична. Через минуту я уже забыла о папе и погрузилась в мысли, которые были мне сейчас ближе и важнее...

Этой ночью я долго не могла заснуть. Все думала и думала о незнакомце-художнике на пляже. Я смотрела на луну, просвечивавшую сквозь тюль, и глупо улыбалась непонятно чему. Вспоминает ли он обо мне в эту минуту? Вот бы узнать... Может, тоже лежит в постели, смотрит на белый диск луны и думает о нашей случайной встрече... Потом мне вдруг стало страшно при мысли, что вовсе он обо мне и не думает. Зачем ему обо мне думать? Что во мне такого особенного, чтобы обо мне думать?.. Ох, как стучало и ныло

мое сердечко от таких мыслей.

Я вроде бы задремала. То ли спала, то ли мне это казалось. Только внутри меня как будто кто-то пел до зари:

*То ни ветер ветку клонит,
Ни дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет...*

Да, я еще не понимала в тот вечер, что в мою жизнь пришла первая взрослая любовь: с настоящими женскими переживаниями и безумиями. И именно она должна была повернуть мою жизнь совсем в другую сторону.

Глава 3. «Не пора ли замуж, дочка?»

Прошлое.

12

На следующий день у меня был выходной. Проснулась я, однако, ни свет ни заря, хотя спешить было некуда. Выскочила на завтрак вместе с Никитой – он собирался в гимназию.

– Чего это вы, барышня? – спросила Мария.

– Не спится! – я постаралась не показывать ей своего внутреннего волнения: Мария знала нас с Никитой с пеленок, все наши детские хитрости и настроения улавливала лучше мамы.

После завтрака, позвав Ветерка, я побежала к морю.

Но зря торопилась: художника там не было.

Мне так грустно стало! Очень хотелось увидеть и услышать его снова. А он не пришел. Я почувствовала глубокое разочарование...

Любовь эгоистична: влюбленным хочется, чтобы все складывалось так, как он или она этого желают. И еще я верила во взаимную любовь. У меня даже в мыслях не возникало сомнений по поводу, что, если я люблю человека, то у него на этот счет может быть свое собственное мироощущение.

Побродив по берегу, я свистнула Ветерку и не солоно хлебавши побрела домой...

Днем, только пообедав, я опять заспешила на берег. Увы! Сегодня мне не везло: берег был пустынным. Только чайки деловито искали в песке, чем поживиться...

Вечером даже мама заметила, что я непривычно хмурая.

Еще бы не хмуриться! Завтра я иду на службу, а вечером – в оперу, всей семьей. Значит, не смогу пойти к морю, и опять не увижу его... Второй день.

Два дня без человека, который вдруг стал так сильно нужен мне, – это так долго!

...Вечер я провела у окошка. Сидела, смотрела на медленно погружавшийся в темноту сад, вдыхала прохладный запах наступившей осени.

Мысли мои бродили вокруг милого сердцу художника, а потом в голове моей стали складываться какие-то полустиииии:

**Сердце мое рвется туда, к морю,
как птица из клетки стремящаяся,
стучит беспокойно и с болью.**

**А мозг усиленно ищет решение,
как снова увидеть его?
Чтоб сердцу дать утешение...**

Мир мне казался в ту минуту глупым и несовершенным. Почему, если я полюбила человека, должна пытаться что-то делать? Почему люди просто, когда встречаются друг друга и влюбляются, не могут быть вместе и уже никогда не расстаются?

Мне захотелось поплакать по этому поводу. Но я решила не превращать себя в глупую барышню, чуть что распускающую нюни. Может, уже завтра что-то изменится в лучшую сторону...

13

Удивительное состояние – любовь. Настроение как у моря погода. Вот ты чувствуешь себя безумно счастливой. Тебе хочется петь, танцевать, смеяться без причины, восхищаться разными глупостями, такими, как бегущий с соломинкой муравей, летящая в небе птица, цветок, желтеющий огоньком среди травы. Ты чувствуешь запахи острее, чем обычно. Ты наполнена энергией. И вдруг все меняется в мгновение. Чувство одиночества наваливается на тебя. Кажется, что тот, кого ты любишь, даже не вспоминает, не думает о тебе. И от этих мыслей сжимается в комок сердце, хочется тихо плакать, забравшись в уголок...

То же самое «заболевание» началось у меня в тот теплый летний вечер, когда я встретила художника, рисовавшего море. Я влюбилась. И меня совершенно не смущала разница в возрасте. А ведь он был старше меня, наверно, лет на восемнадцать.

14

Я сегодня самая-самая счастливая! Ходить спокойно не могу: иду и пританцовываю. Нет, лучше расскажу по порядку.

...К вечеру притворилась, что у меня болит голова. Мама заволновалась, но я успокоила ее, сказав, что просто плохо спала ночью, не выспалась, и поэтому чувствую себя не очень. Полежу, мол, и все пройдет.

Внутри меня грызла совесть, что обманываю родителей. Но желание увидеть ЕГС было настолько сильным, что я уже не могла руководить собой. Мама и папа ничего не заподозрили, потому что знали мою влюбленность в театр. В другой раз я бы рыдала, что не могу пойти с ними. Но сегодня... Родители с большим сочувствием, что я не посещаю оперу, пожелали мне всего хорошего и оставили дома на попечении Марии.

Через час я сказала ей, что прогуляюсь по воздуху. Мария не возражала: вечер был теплый, мягкий, даже без намека на ветерок. Я, одевшись в свое любимое светло-зеленое платье, позвала нашего пса и побежала с ним к берегу моря.

ХУДОЖНИК! БЫЛ! ТАМ! Как и позавчера, он рисовал, сидя у мольберта.

Увидев его издали, я почти побежала, но одумавшись, остановилась: это неправильно – показывать чрезмерную радость мужчине. Однако он вдруг сам заметил меня и приветливо помахал рукой. Сердце запрыгало от радости, и я, позабыв об этикете, заторопилась к

нему.

...И опять это был чудесный вечер. Не похожий ни на один другой из моей жизни до того момента, когда я встретила ЕГО. Вечер, как волшебная шкатулка, вмещал в себя длинный разговор, мое внутреннее ликование, а также ощущение, что я знаю этого человека давным-давно...

Разумеется, художник был не местным жителем – я об этом и так догадывалась: местных – хотя бы в лицо – я знала всех, ведь наш городок такой крошечный.

Когда он сказал, что живет в Полянске, я захлопала в ладоши.

– Там живет моя тетя! – с восторгом и торжественностью в голосе объявила я.

– О! – воскликнул он. – Значит, наша встреча не случайна.

Я смущенно улыбнулась, щеки загорелись от счастья.

– Кто она? Как ее зовут?...

– Тамара Александровна. Она – сестра моего папы. В Полянске у нее своя гимназия для девочек-сирот. Тетя – замечательная! – ответила я.

– Не сомневаюсь. Гимназия для сирот – это так благородно!.. Итак, вашу тетю зовут Тамара Александровна. А как зовут вас, прекрасная незнакомка? – вдруг, хитро улыбнувшись, спросил он.

– Александра, – ответила я и почувствовала, что щеки мои, и без того – я уверена – красные как помидоры, перешли в еще более пылающее состояние. Мне было так безумно приятно наконец-то услышать этот вопрос! А слова «прекрасная незнакомка» прозвучали как «сказочная принцесса».

– Какое чудесное имя! – воскликнул он, чем заставил меня смутиться еще больше. – А меня, между прочим, зовут Алексей. Наши имена созвучны. Это хороший знак. Большой шанс для нас – быть хорошими..., – он помолчал, как будто подбирая правильное слово; я замерла в ожидании конца предложения – ...друзьями.

Я счастливо улыбнулась: этот данный им «титул» несомненно сближал нас.

...Когда начало смеркаться, я заторопилась домой. Но он не позволил мне идти одной и проводил до нашей улицы... Да, он замечательный, великолепный, самый лучший!

Было совсем темно, когда я зашла во двор. К счастью, родители еще не пришли – дверь мне открыла Мария. Она посмотрела на меня подозрительно и спросила:

– Барышня, я уже волноваться начала. Где же вы пропадаете?

Ох, как близко к истине была она! Я действительно пропадала. Мое сердце выпрыгивало от волнения из груди, щеки пылали. А глаза, думаю, светились так, что не нужно было дома зажигать свечи в это вечернее время.

Но я постаралась ответить Марии как можно спокойнее и сдержаннее:

– Все хорошо. Я прогулялась, и моя голова больше не болит.

После этого поторопилась прошмыгнуть в свою комнату, чтобы избежать дальнейших вопросов. И еще я боялась, что сиявшее от счастья лицо выдаст все мои внутренние волнения.

настолько громко и ярко, что нуждались в конце в восклицательных знаках.

Какое у него замечательно красивое имя: Алексей! Я мысленно повторяла его про себя, а когда никого не было рядом – вслух, ощущая его сладкий вкус на языке.

Какой он умный! Сколько много знает! Как с ним интересно!..

И этот список можно бы было продолжать бесконечно.

Жизнь для меня изменилась, потому что сейчас мое сердце было наполнено любовью. И это новое чувство поглотило всю меня: ни о чем другом я думать не могла.

Мне помнилось каждое ЕГО слово, каждый взгляд. Я прокручивала в голове каждый миг общения с ним, и мысленно повторяла эти мгновения все снова и снова.

Мы стали встречаться с Алексеем каждый день. Для этого я старалась уйти из дома одна, без Никиты, прихватив с собой только Ветерка – ведь собака не может рассказать домашним о том, что я встречаюсь с мужчиной. Не знаю, почему, но я не торопилась поведать маме о своем знакомстве с художником. Я успокаивала себя: делаю это просто из-за того, что у папы сейчас какие-то проблемы. А тут я со своим счастьем... Но как это обычно бывает: внутри нас сидит существо, которое знает правильный ответ – почему-то я была уверена, что мама не одобрит этого знакомства.

Я уже знала, что его глаза – цвета гречишного меда, что он закончил университет в Москве – изучал искусство, а потом вернулся домой, в свой родной Поляnsk; что ему тридцать четыре, и он живет один, в небольшом доме, доставшемся ему по наследству от дяди. А сюда он приехал для того, чтобы рисовать море. Точнее, он приехал отдохнуть немного около моря, ну, и заодно, порисовать.

У него была удивительная привычка: когда он смеялся, то запрокидывал голову назад. В этот момент я могла видеть его ставший родным профиль и темные струящиеся вниз волосы... Сердце мое в такой миг беспомощно падало вниз, а внутри возникала странная, непонятная тяга прикоснуться к нему или прижаться. Я тут же с силой зажмуривалась глаза, чтобы не наделать глупостей...

Папа вдруг объявил сегодня вечером за ужином, что я – девица взрослая, и пора бы мне замуж. Сначала мне показалось, что он шутит, но оказалось, – нет.

Я стала думать, почему он об этом заговорил. Может быть, они прознали о том, что я встречаюсь с Алексеем, и их родительские сердца подсказали: дочка влюбилась, время подумать о свадьбе?

Спрашивать открыто я не решалась: а вдруг папа сказал об этом по другой причине? Недавно вышли замуж две девушки из моего бывшего класса. Может, в этом причина? И это просто намек, что мне надо тоже подумать о женихе?

...На следующий день было воскресенье, и к нам на обед приехали гости, семья Кончаловских: отставной генерал Георгий Ксенофонович, который когда-то учился с моим папой в гимназии, (а недавно помог мне в устройстве на работу), его жена Эльвира Павловна и их сын Антон.

Ужин был долгим и скучным. Разговаривали все больше о политике, о войне, о

волнениях среди рабочих.

Я витала в облаках и не участвовала в разговоре. Пришедшая ко мне любовь закрасила все страшное и черное в разноцветные краски. А ведь время было таким тревожным для России. Мировая война – кровопролитная и изматывающая, постоянные забастовки по всей стране... В нашем городе все это происходило не ярко: иногда и кое-где. Больше выражалось в разговорах. Да еще можно было услышать недовольные выступления рабочих в очередях за хлебом, мукой или мясом... Основные события развивались где-то там, далеко, в Москве, в Петрограде. И для меня это было «проходившим мимо». Особенно сейчас, когда я влюбилась.

Какое уж там волнение в стране, если оно сейчас в моем сердце!

Ни политика, ни другие кавалеры меня не интересовали. А ведь передо мной сидел тот, кому я была не безразлична.

Антон, двадцати лет от роду, полноватый, щекастый молодой человек, с очками на носу, напоминал мне внешне Пьера Безухова. Только характером он был совсем другим.

Хотя родители наши частенько навещали друг друга в гости, мы с Антоном никогда не ладили. Маленьким он был страшным задирой: не разбирал, кто перед ним – мальчик или девочка... А лет в пятнадцать неожиданно переменился ко мне и стал оказывать знаки внимания. Однако, похоже, он слишком подпортил свою репутацию в детстве, и я с ним общаться никак не хотела. Хотя наши мамы всячески поощряли желание Антона дружить со мной. Но мнение, которое сформировалось о человеке в детстве, изменить сложно. А познакомились мы с Антоном совсем не благодаря родителям, а по-другому. Дело было так.

Хотя нет... Сначала была предыстория.

Когда моя мама пребывала в юном возрасте, за ней ухаживал курсант. Однажды они с ним поехали кататься на лодке – по морю. И перевернулись. Мама умела плавать (все-таки выросла на море), но длинное, пышное платье, впитав воду, потащило ее на дно. Спасение пришло неожиданно не от ухажера – он тоже нуждался в помощи, потому что был оглушен деревянным боком лодки, когда та перевертывалась. Вытащили из воды маму и курсанта два паренька из рыбацких семей, которые, к счастью, проходили мимо. Один из них был Михаил Краюшкин.

Через много лет, когда мама была замужем, и у нее уже родилась я, они встретились с Михаилом. Тот тоже обзавелся семьей и детьми. Мама пригласила их всех к нам в гости на обед... Жена у Михаила оказалась славной женщиной. Она подрабатывала швейей, сам Михаил стал почтальоном.

Мне только исполнилось восемь, а Вася – их сын – был на два года младше. Мы нашли много совместных забав и с удовольствием вместе играли в саду, когда семья Краюшкиных появлялась в нашем доме...

...Однажды, в зимний день, у нас не было последнего урока. Я в нетерпении выскочила на улицу – посмотреть, не идет ли Мария. Стояла, мерзла, переступая с ноги на ногу, как вдруг увидела, что и в мужской гимназии, которая была напротив, закончился урок. Мальчишки выскочили на улицу, шумя и толкая друг друга. Среди них я заметила Васю и уже собиралась помахать ему рукой, как на моих глазах какой-то мальчишка, на голову выше моего друга, толкнул его. Тот упал на колени, а старшеклассник бесцеремонно сел ему на спину и стал цокать, погоняя как лошадь. Я от гнева потеряла голову. Как коршун, бросилась на обидчика и начала колотить его своей сумкой. Тот сразу не понял, что

случилось, но успел двинуть мне локтем в живот. Я не удержалась на ногах и полетела на землю. Обидчик вскочил и только тут понял, что защитницей Васи была девочка. Он гневно посмотрел на меня и потянулся к торчавшей из-под шапки косе... Но тут подоспела Мария и прогнала старшеклассника. Помогла подняться мне, Васе, заботливо отряхнула нас. Потом мы проводили до дому Василия, а после этого, с чувством выполненного долга и сами отправились в родные «стены».

Каково же было мое удивление, когда этот «обидчик» однажды со своими родителями появился к нам в гости...

Так я познакомилась с Антоном Кончаловским. Хотя наши отцы никогда не были друзьями в детстве, но, встретившись, стали поддерживать отношения, периодически посещая друг друга.

Вся проблема для Васи, созданная Кончаловским-младшим, состояла именно в папах. Всемогущий папа и папа, просто работавший на почте, – вот что вызывало у Антона Кончаловского беспокойство. Когда же он узнал, что Вася – мой друг, неравный конфликт обострился, и Кончаловскому-младшему оказалось всё равно, что разница в возрасте у мальчиков была четыре года.

Конечно, мы сейчас выросли. Антон теперь открыто не воюет с Василием. Если только выражает свое отношение взглядом. Я тоже научилась скрывать свой негатив к Кончаловскому. Тем не менее, неприязнь внутри меня к нему осталась...

И вот сейчас мы сидели за столом напротив друг друга – я и Антон. В молчании. Периодически наши взгляды встречались, и я вежливо улыбалась ему. Он отвечал мне тем же. Но в его взгляде, как мне казалось, мелькало что-то непонятное: как будто вчера он выиграл в лотерею. (В последнее время они стали достаточно популярны и часто организовывались. Средства, которые собирались, отправлялись для оказания помощи раненым фронтовикам.)

Я мысленно гадала, кажется ли мне это или действительно у него есть повод для какого-то торжества. Мне было интересно и необъяснимо тревожно.

Вечер казался безумно длинным. Мне чудилось, что он никогда не закончится. Я пропустила свой поход к морю, не встретила с Алексеем. Это вызывало у меня особое раздражение. Но я мило проулыбалась весь вечер, хотя мысленно молила Бога о том, чтобы все это поскорее завершилось.

Наконец-то этот миг наступил: гости засобирались домой, и я подавила вздох облегчения.

Антон на прощание подержал мою руку в своей. Ничего не произнес при этом. Но опять тревога, как сквозняк, заставила меня поежиться.

Я уже лежала в постели, думая с грустью о безвозвратно потерянном вечере, когда в комнату вошла мама. Она присела на край кровати, долгим и изучающим взглядом посмотрела на меня, потом нежно погладила по голове.

Мое сердце сжалось. Предчувствия не обманули меня? Мне предстоит узнать сейчас

что-то плохое?

– Девочка моя! – тихо сказала мама. – У нашего папы большие неприятности.

– А что случилось, мамочка? – спросила я тревожно.

– В банке, где он работает, несколько дней назад пропала крупная сумма денег. А так как папа в тот день был ответственным, ему придется покрывать пропажу.

– И что же делать, мама? Ведь это не папа! Папа не мог взять чужие деньги.

– Да, конечно, доченька. Но тем не менее, ответственность лежит на нем... Правда, сейчас вроде ситуация немного улучшилась. Георгий Ксенофонтович поручился за папу. Полиция пытается найти виновных. Но боюсь, что это будет очень долгий процесс. И заберет много нашего здоровья. С другой стороны, пока Георгий Ксенофонтович помогает папе, он как бы защищен – ему вроде нечего бояться.

«Как бы», «вроде»... Мама почему-то не уверена. И все же...

– Какой Георгий Ксенофонтович благородный человек! Слава Богу, что есть такие люди! – искренне воскликнула я.

Мама не улыбнулась, а тяжело вздохнула. Потом снова нежно прикоснулась рукой к моим волосам.

– Ладно, доченька, спи! Не буду тебе мешать.

Мама, мягко ступая, вышла из спальни и тихо прикрыла за собой дверь. Хотя новость, которую она сказала, была не такой уж плохой – вроде как теперь бояться папе нечего, если у него появился покровитель, – и все равно в моей душе продолжали скрестить кошки. Почему? Я не понимала.

Но, тем не менее, очень скоро эти темные мысли сменились светлыми. Я легко переключилась и погрузилась в другой мир, в мир любви, мечтаний и грез.

Уже через несколько минут я спала, и мне снился замечательный сон, как мы гуляем с Алексеем по городской набережной, а он с любовью заглядывает в мои глаза...

Утром я проснулась раньше обычного. По слабым солнечным лучам, проникавшим сквозь тюлевую занавеску, я поняла: погода сегодня по-прежнему хорошая. С удовольствием потянувшись, почувствовала, какое у меня замечательное настроение. Да и что унывать? Во-первых, папины проблемы постепенно решаются. Во-вторых, мой вечер сегодня свободен, и я собираюсь отправиться к морю. А там встречу с Алексеем... С некоторых пор он приходит туда регулярно...

Я вскочила с кровати и в длинной ночной рубашке, босиком, выбежала на порог.

Утро действительно было теплое и яркое, что еще больше взбудоражило меня.

«Жизнь прекрасна!» – подумала я, вдыхая пряный, с осенними запахами, воздух.

Выйдя на террасу, я увидела родителей, сидевших за столиком и заканчивавших завтрак. Они сидели ко мне спинами. И я услышала конец их разговора.

– ...Прости, дорогой, я не смогла ей вчера это сказать. У меня ощущение, что она в кого-то влюблена...

«О ком это они?» – испуганно подумала я.

– ...Я поговорю с ней обязательно. Найду время и поговорю.

– Пойми, Елена. Георгий пока добрый. Но ты знаешь этого человека. Если он чего-то

не получает, вокруг него летят щепки. Мы должны уже начать подготовку к свадьбе!.. И потом: Антон – вполне приличный молодой человек. Он будет хорошей партией для Сашеньки.

– Но ты же знаешь, что она его никогда на дух не переносила. Как нам ее убедить? – это сказала мама.

Я с ужасом поняла, что речь идет несомненно обо мне (кого еще папа может назвать Сашенькой?). Что же это? Мои родители собираются выдать меня замуж за Антона Кончаловского?! И это – цена за то, чтобы решить папины проблемы? Так вот оно какое – благородство Георгия Ксенофонтовича! Вот почему так тяжело вчера вздохнула мама!

Я, в порыве отчаянья и гнева, бросилась обратно в комнату. По дороге налетела на Марию, которая несла на подносе фрукты. Яблоки покатались вниз, глухо застучали об пол, а гроздья винограда упали бесшумно... Но мне было не до извинений. Я вбежала в комнату, закрыла за собой дверь, бросилась на кровать, и только после этого слезы, как по команде, брызнули из моих глаз. Я тихо всхлипывала, а мой построенный радужный мир, где мы были с Алексеем, шумно начал разрушаться. Этот шум болезненно звучал в моем сердце. Долг или любовь – вот выбор, который меня хотели заставить сделать, – и он неожиданно закрыл дорогу к моему счастью быть с любимым человеком.

Но ведь сейчас двадцатый век! Заключать брак по расчету – это уже в прошлом. Сейчас все женятся по любви. Это так несовременно – заставлять меня выйти замуж за сына того, кто может спасти папу.

Анализировать что-то в ту минуту и находить правильное решение я не могла: события развивались очень стремительно.

Зашла мама и села на край кровати. Мимо комнаты прошел папа – я услышала его тяжелые шаги. Краешком души, по одним только шагам, я поняла, как плохо ему сейчас.

– Теперь ты все знаешь, Сашенька! – тихо начала мама, положив руку на мои распущенные волосы. – Да, имеется только один способ помочь папе. И это озвучил вчера Георгий Ксенофонтович. Он хочет, чтобы ты вышла замуж за его сына. Антон давно влюблен в тебя и...

Я не дала маме договорить. Как фурия, красная и разъяренная, выскочила из-под одеяла и закричала:

– Нет! Никогда! Я не выйду за него замуж!.. Это глупо... Это жестоко...

Больше я не смогла сказать ничего. Чувства настолько переполняли меня, что словесный запас весь пропал. Из груди вырывались какие-то непонятные всхлипывания, похожие на крики чаек у моря. Я могла сейчас совершить только что-то спонтанное, что незамедлительно сделала: выскочила из комнаты, пронеслась по коридору и, в чем была – босая и в ночной сорочке, – бросилась из дома прочь. Услышала, как за моей спиной залаял Ветерок: жалобно и просительно (он явно обиделся, что я побежала гулять без него!); мы привязывали его обычно во дворе, чтобы он не проявил чрезмерную самостоятельность.

...Наш дом был крайним в городе, очень близко к морю. Туда-то я и устремилась. Не знаю, видел ли меня кто. По крайней мере, я не замечала никого. Бежала и не могла остановиться. Слезы застилали глаза, но так как знала эту дорогу наизусть, даже не споткнулась ни разу...

...Берег оказался пустынным. И Алексея у моря не было. Конечно, еще утро. До вечера далеко.

Я забежала в лес, рядом с морем, спряталась в кустах и, сжавшись в комочек, предалась грустным мыслям. Слезы скоро закончились, теперь я просто сидела в каком-то забытии. Что-то копошилось в голове, не помню что именно. Время, место – все потеряло для меня значение. Я находилась в оцепенении, ничего не чувствуя и не осознавая.

Сколько часов прошло, не знаю. А может, пробежало только несколько минут.

Вдруг я услышала лай и сразу узнала Ветерка. Вскочила. Конечно же, собака легко найдет меня здесь. Но сейчас я этого не хотела. Найдет Ветерок, найдут и родители.

Как испуганный заяц, бросилась вглубь леса. Там, недалеко, я знала, была лесная речка. Удивительно, как трезво заработал мой мозг в эту минуту! Я бежала к речке, чтобы сбить собаку со следа. Даже Ветерок в качестве самого лучшего утешителя на свете мне был сейчас не нужен. Его теплый шершавый язык, умывавший мое мокрое от слез лицо в трудные минуты, что всегда смешило меня, сейчас бы не помог. У меня плакали не глаза. Плакало сердце.

Вот и речка. Осторожно ступив в воду, я почувствовала почти ледяную прохладу и ощутила подошвами неровность камешков. Медленно прошла несколько метров, ежась от холода, потом выскочила на противоположный берег и побежала дальше, вглубь леса. Я не боялась заблудиться. Места были знакомы мне с детства.

Я убегала, потому что меньше всего мне сейчас хотелось встречаться с родителями.

...Так я и прожила в лесу этот день: тихо, в одиночестве, поедая последние, чудом сохранившиеся ягоды и жуя уже начинавшие подсыхать лесные травинки. За все это время никто мне не встретился.

Наконец я почувствовала, что немного успокоилась и могу более или менее рассуждать. Мне казалось, что есть только один выход: рассказать все Алексею. Он обязательно подскажет, что делать. Он старше, он мудрее... Но только не сегодня. Наверняка у меня глаза красные от слез. И к тому же, я убежала из дома в ночной сорочке. Это будет ужасно нелепо встретить его сейчас.

Я сделаю это завтра. У меня еще есть время что-то изменить. Я не буду покорной дурочкой и не выйду безропотно замуж за человека, которого я не просто не люблю – он мне не приятен.

Мне все равно пришлось вернуться – не жить же в лесу. Когда стемнело, я тихонечко пробралась к дому.

Окно в мою комнату было открыто. Сколько раз в детстве, к большому неудовольствию мамы, я вылезала через него на улицу. Или наоборот, возвращалась таким образом домой. Но детство закончилось, и я уже забыла, как это делается. А вот сегодня пришлось вспомнить тот детский трюк...

Дверь в мою комнату была приоткрыта. Я на цыпочках шагнула в коридор, подошла к гостиной и услышала голоса мамы и папы.

– Где же Саша? – взволнованно спросила мама. – На улице уже темно.

– Не беспокойся! – отозвался папа. – Ничего с ней не случится. Вернется.

По его тону я поняла, что он сердится.

– Впервые в жизни, – продолжал папа, – случилась ситуация, когда она должна была подумать не только о себе. Однако...

– Дорогой, не осуждай ее. Девочка напугана. Возможно, она подумает и согласится.

«Никогда!» – с чувством обиды подумала я.

Я вдруг рассердилась на папу, что он решает свои проблемы так неправильно – ставит на кон счастье собственной дочери!

Однако, несмотря ни на что, мне очень хотелось есть. Я вернулась в свою комнату и натянула домашнее платье прямо на ночную рубашку. Затем, все также на цыпочках, прошла по коридору и тихо проскользнула на кухню. Там Мария готовила булочки к вечернему чаю. Увидев меня, она всплеснула руками.

– Барышня, где вас носило? Да еще в таком виде! – ужаснулась она, когда заметила, что из-под рукавов и подола платья выглядывает ночная сорочка. – Вы уже взрослая. Не ребенок!

– Мария, милая! – перебила ее я. – Я ужасно хочу есть! Покорми меня, пожалуйста.

Женщина тут же захлопотала, собирая мне на стол.

Через несколько минут я уже уминала за обе щеки чуть теплый капустный пирог и запивала это удовольствие молоком. Мария сидела рядышком, с любовью и жалостью смотрела на меня.

От нее я узнала последние новости. Я всегда удивлялась, как она узнавала обо всем, что происходило в доме. Ведь ей специально никто ничего не рассказывал.

Оказывается, все было достаточно серьезно. Я имею в виду папины проблемы. Сейчас, по законам военного времени, когда страна нуждается в деньгах, и государственные банки на особом счету, никто долго разбираться не будет. Папу могут даже посадить в тюрьму (сердце мое тут же болезненно сжалось). Поэтому родители будут настаивать на женитьбе...

После этого сообщения кусок не полез мне в горло. Оставив недоеденный пирог и забыв поблагодарить Марию, я поплелась в свою комнату...

...Я очень плохо спала этой ночью. Все возилась и думала, что же делать? Как помочь папе в его бедах, да так, чтобы при этом Кончаловские в этой помощи не участвовали? Вот негодяи! Воспользовались ситуацией.

Потом я все-таки заснула... Не знаю, что мне снилось. И снилось ли вообще. Казалось, что я всю ночь напролет думала, что делать? Но к утру в голову пришло то же самое решение, что и в лесу: попросить совета у Алексея.

Немного странное решение, думаю я сейчас. Наверно, мне просто казалось, что если он тоже любит меня, то сделает все, чтобы помочь и защитить нашу любовь...

Завтра – глава 4. НАШИ ДНИ.

Закончился день, наступил вечер, а я все еще была в полушоковом состоянии от того, что обнаружила украденные из музея картины у себя дома. В моей голове уже несколько часов подряд шла телепрограмма «Что? Где? Когда?» Вопросов было не три, а больше, а вот ответов на эти вопросы не было ни одного.

КАКИМ ОБРАЗОМ украденные картины оказались в моем доме?

КТО украл их из музея?

КТО принес их сюда и ЗАЧЕМ?

ЧТО мне теперь с ними делать?

Если меня заподозрят в краже, КАК доказать, что это сделала не я?..

В общем, ситуация – хуже не придумаешь.

Я слонялась по квартире как тень, не зная, что предпринять.

...Когда за окном начало темнеть, у меня внутри появился страх. Я вдруг четко осознала, что в квартире побывал чужой человек. Тот самый, кто оставил здесь картины. Он каким-то образом зашел сюда. И если этот самый ОН был здесь однажды, то может прийти снова.

Я бросилась закрывать дверь на щеколду, на цепочку, – слава Богу, и то, и другое было на нашей двери – и на ключ. Как только вся эта операция была проделана, мне в голову прилетела другая ужасная мысль: а что, если этот КТО-ТО все еще в нашей квартире? Сидит себе под диваном или в шкафу и ждет, когда я улягусь спать. А потом... Ой, мамочка!

Я, стараясь действовать очень тихо, открыла ключом дверь, отодвинула щеколду и оставила только цепочку (это для быстрого отступления, если я обнаружу кого-то; скину цепочку и – только хвост мелькнет).

Потом, крадучись на цыпочках, подошла к папиной тумбочке с инструментами, тихо выдвинула верхний шкафчик и, стараясь не греметь, вытащила молоток. Вооружившись «до зубов», двинулась вперед. По «дороге» зажигала свет и оставляла его включенным везде: в коридоре, комнатах, туалете, ванной и на кухне. Заглядывала в шкафы, шифоньеры, под диваны и кровати. Посмотрела под ванну и за занавески. Заглянула даже в унитаз...

В конце экспедиции, к моему огромному облегчению, я смогла сделать вывод: в квартире никого нет. Оставалась только лоджия. Хотя мой мозг понимал, что там тоже никого быть не может, я все-таки осторожно просунула голову и туда: конечно же, наша огороженная решетками лоджия была пуста.

Уставшая до изнеможения, как после тяжелой физической работы, я вернулась в коридор и снова закрыла дверь на все приспособления. Потом потопала обратно и уселась на

диван в ярко освещенном зале. Пять лампочек внутри люстры исправно выполняли свою работу. У противоположной от дивана стены по-прежнему стояли картины – на том же самом месте, разумеется, и в том же порядке.

– Что же мне с вами делать? – вслух спросила я девушку, мальчика и мужчину.

И тяжело вздохнула.

Мужчина, хоть и улыбался, смотрел на меня, как мне показалось, сурово, девушка – с легкой дружелюбной улыбкой, а взгляд мальчика приглашал окунуться в мир приключений. Я совсем некстати вспомнила о приеме, который используют художники, чтобы создать эффект, будто нарисованный на картине человек смотрит на тебя. Снова тяжело вздохнула, затем встала и направилась в свою комнату за блокнотом и ручкой. Пришло время для того, чтобы проанализировать создавшуюся ситуацию! Попробуем понять, КТО мог побывать в нашей квартире и оставить мне на память о себе три украденные из городского музея картины.

Вернулась, залезла с ногами на диван и, открыв чистую страничку, записала:

«Кто это сделал? Кто мог открыть дверь?»

Мне предстояло составить список тех, у кого мог побывать ключ от нашей квартиры. Я решила, что надо подозревать всех.

Первыми в списке очутились родители. Хотя смешно думать, что они могли украсть картины и принести их в свою же квартиру. Но... кто знает... Жизнь порой выписывает странные пердимонкли. К тому же, они могли ни о чем не подозревать, а просто дать наш ключ кому-то, точнее тому, кто все это сделал.

Родители

Потом я подумала о себе. А вдруг у меня какое-нибудь заболевание? Типа «лунатизм». Ночью встала, пошла в музей, украла картины, принесла домой, поставила их в зале около стены... Утром вполне могла не заметить этого. Ведь я сплю в своей комнате, там же и одеваюсь. Утром, позавтракав на кухне, убежала на работу, ничего не заметив.

Брррр! Ужас! Да быть такого не может! Если бы я чем-то болела, давно бы знала от родителей.

Но все-таки дрожащей рукой я поместила в этот список и себя. К тому же, и я могла стать жертвой обстоятельств, то есть дать ключ потенциальному похитителю картин и приносителю их в наш дом.

Я

Далее – мои друзья. Кому из них я давала ключ? Да пожалуй, только своей подруге Вере. Однажды. Кажется, ей нужно было встретиться с кавалером. Не подумайте, ничего плохого! Просто она живет в общежитии. И не каждого кавалера можно туда привести. В общем, это к делу не относится. Но в подозреваемые Веру записать придется.

Вера

Еще как-то пришлось оставить ключ соседке Валентине Петровне, бабушке, живущей в квартире напротив. К нам должны были прийти электрики, чтобы проверить электроплиту на кухне. Осуществлялся обычный плановый осмотр во всем доме... Но бабушке уже восемьдесят три. И живет она одна. Нет, вряд ли... Однако, всех так всех. И вздохнув, я записала и ее:

Соседка Валентина Петровна

Больше я ключ никому не давала.

Другой вариант: ключ у меня могли незаметно вытащить, а потом вернуть обратно. Где

такое было бы возможно? Только на работе. Там есть специальное служебное помещение, где все работающие в музее оставляют свои вещи. У каждого работника есть ключ от этой комнаты. Дверь закрывается всегда – это правило. Посторонние могут зайти туда ну разве только с отмычкой. До сих пор у нас никогда и ничего не пропадало. Хотя мой ключ от квартиры, если задуматься вовсе и не пропадал: просто кто-то мог взять его, снять слепок, а потом незаметно сунуть в сумку обратно.

После этой логической цепочки в моем списке оказались все работники музея.

Рисыч

Лера

Тетя Мотя

Дядя Ваня

Рома

Потом, немного поразмыслив, я написала еще одного подозреваемого:

Незнакомец

Это слово звучало несколько романтично для такой щекотливой ситуации. С минуту я в задумчивости погрызла кончик ручки, потом, решительно зачеркнула слово «незнакомец» и написала более прямолинейно:

Вор

Да, это тот, кого я, возможно, и не знаю. У него мог быть и не ключ вовсе, а отмычка. Но как все это странно! Украсть и оставить краденое не поймешь где. Хотя, кто знает, может, именно в этом и заключается разгадка. Точнее, замысел – поместить картины в месте, где никто искать не будет. Только не понятно, а почему именно в моей квартире? Что, других претендентов для этого не нашлось?

Короче, в моем списке сейчас было десять подозреваемых – я пронумеровала всех, кто был написан, чтобы подсчитать:

1. *родители,*

2. *я,*

3. *подружка Вера*

4. *соседка Валентина Петровна,*

5. *Рисыч,*

6. *Валерия,*

7. *тетя Мотя,*

8. *дядя Ваня,*

9. *Рома,*

10. *вор.*

Во всех детективных историях пытаются найти мотив. Я прочертила на листе черту сверху вниз, отделив подозреваемых и оставив место справа. У меня получилось что-то вроде таблицы. Справа планировалось написать мотив для каждого.

Я притащила из своей комнаты подушку и одеяло, улеглась, устроившись на диване поудобнее, и задумалась. Самые подозреваемые из списка – это все-таки те, кто работают в музее. Им проще красть. Но зачем? Никакой идеи о мотиве у меня в голове не

возникало! Что сделаешь с этими картинами? Ни продашь, ни обменяешь. И наши об этом знают лучше, чем кто-то другой. Хотя... Все ли?..

В общем, пребывая в таком дедуктивно-индуктивном состоянии, я опять заснула. У меня есть такая особенность – отключаться во время стрессовой ситуации. Правда, среди ночи я могу проснуться и куковать до утра.

К счастью, в эту ночь спала я крепко. И кошмары мне никакие не снились. Поэтому, возможно, утром голова работала лучше. Мозг отсеял все ненужное и четко выдал еще одно предположение и задачу.

Возможно, картины в моем доме появились потому, что кто-то меня захотел подставить. Чем не мотив? Хотя вроде бы врагов у меня нет. И все-таки...

Я посмотрела в список на имена моих коллег.

Охранник Рома... Как бы в меня влюблен. Или, по крайней мере, я ему нравлюсь. Но я веду себя не так, как ему бы хотелось. Подшучиваю над его попытками ухаживать или просто не замечаю их. Мог он за это на меня разозлиться и напакостить мне?

Я вздохнула: верится с трудом. На Ромку это не похоже. Вид у него, конечно, суровый. Но не помню, чтобы он кого-нибудь обидел словом или взглядом.

Идем дальше.

Валерия Смирнова... Единственное, что мне приходит в голову, – это последний проект, который Рисыч поручил мне, а не ей. Кажется, Лерке это не понравилось... Она ведь старше и работает дольше. Но из-за такого гадить? Нет, вряд ли. К тому же, если задуматься, здесь уже уголовное дело.

Рисыч... Ни одной идеи!

Тетя Маня, дядя Ваня... Даже предположить ничего не могу!

Похоже, в моем списке скоро останутся в качестве подозреваемых только папа, мама да я. Смешно! Так я никогда не доберусь до разгадки этой тайны. Да и всем известно, что в книгах и в фильмах преступление совершает тот, на кого меньше всего думаешь. Может, и в жизни то же самое?

Ладно, книги книгами, фильмы фильмами, а мне сейчас надо как-то крутиться. И эту упавшую на меня сверху проблему решать. Вот ведь появилась в моей жизни черная полоса! Всем полоскам полоса!

Поэтому лучше подумать о другом, а именно... В голове моей четко обозначился пункт, который я должна решить в первую очередь: пока эти картины у меня дома никто не видел, надо от них избавиться. Преступник где-то гуляет, а я могу оказаться виновной в краже.

Но как от них избавиться? Выбросить потихоньку в мусорку? Нет! Ни в коем случае! Какая-никакая, а все-таки историческая и культурная ценность. Да и жалко их, эти картины. За что их на свалку-то?

С другой стороны, а меня за что?

А если отнести их ночью подальше от моего дома и выставить куда-нибудь на улицу,? Кто-нибудь найдет и в полицию отнесет. Хотя ... могут и не отнести, а забрать себе. Тогда картины исчезнут навсегда, в чьей-нибудь квартире.

А если самой оттащить в полицию и сказать, что нашла на улице? Хм... Поверят ли мне, что я говорю правду, или, наоборот, меня же в краже и заподозрят?

А если... От идеи, которая пришла мне в голову, я даже подпрыгнула. А что, если отнести картины потихонечку в музей и поставить в архив? Найдут, конечно, не сразу, но зато я от них избавлюсь.

Архив – это такая служебная комната, где мы храним исторические документы и предметы. Ходим туда редко, только в случае необходимости.

Комната достаточно большая: около тридцати квадратных метров. Занята книжными стеллажами, шкафчиками. И если я поставлю картины в самый дальний угол помещения, их могут обнаружить через год или даже позднее. В принципе, я сама могу «заметить» их раньше. Случайно.

Впрочем, там посмотрим...

В общем, приняв решение, я начала готовиться к операции... хм... под кодовым названием «Возвращение блудных картин». Настолько эта идея мне самой понравилась, что даже проснулось желание пошутить, поэтому название операции получилось такое... как бы сказать... изысканное.

Мой мозг работал как часы.

Первое, я отыскала в шкафу перчатки и надела их – на рамках не должно остаться моих отпечатков пальцев. Спасибо, конечно, детективным историям. Научили такому простому правилу. Я даже начала философски рассуждать, что, пожалуй, обилие детективов сейчас работает не на пользу полиции. Преступникам эти книги служат как учебники.

Подняв картину с изображением мужчины, я почувствовала, что она тяжеловата. «Взвесила» рукой другую. Полегче, но тоже не пушок. Видимо, рамки из тяжелого дерева. Как же, интересно, их вынести за раз? То есть сразу. Возможно ли?

Что же получается? Если три картины вместе весят килограммов двадцать (я в этом без весов не разбираюсь), воров был не один человек. Или очень сильный. Мужчина, например, а не женщина. Это о чем говорит? Что из моих подозреваемых можно вычеркнуть женщин? Нет, пока не буду этого делать. Может, группа работала... К тому же, *он* вполне мог ходить туда-сюда несколько раз. Или *она*...

Итак, за раз мне картины не унести. Что же получается? Придется брать по одной? Впрочем, даже лучше. Как бы я пронесла три картины сразу? Это придется с чемоданом на работу идти...

Решено: отношу по одной в день. Но в чем? В обычном пакете? Так, попробуем упаковать.

Я сходила на кухню и, взяв пару непрозрачных разноцветных пакетов побольше размером, вернулась в зал. Один оказался маловат – ни одна рамка в него не входила, а второй подошел в самый раз. Но пакет тут же принял форму рамки: по четкому рельефу сразу можно было догадаться, что внутри – картина.

Конечно, я могу сказать, что после работы иду на день рождения к подруге, а в пакете подарок. Но наша женская часть коллектива обязательно попросит показать. И как им откажешь? Какую причину можно назвать, чтобы не показывать?

Что же делать?

И вправду воспользоваться чемоданом? Есть у меня один, очень удобный, на колесиках. Сложить туда сразу три картины и отвезти утречком на работу. Нашим сказать, что еду... (куда бы поехать?)... к родителям на дачу! Хм... Придется в таком случае брать

отгул. Ведь не могу же я с чемоданом ехать к родителям на один вечер. Можно, в принципе, на следующий день с утра заявиться на работу и сказать, что планы поменялись – пришлось отменить поездку. А что? Это мысль!

Я притащила чемодан из кладовки.

Но в тот момент, когда я уже открыла его и взяла одну из картин в руки, позвонили в дверь...

Утром я проснулась раным-рано, надела свое любимое платье, долго прихорашивалась у зеркала, а потом, выбравшись в окно, перебежками добралась до калитки...

В центре города уже было достаточно оживленно: ездили пролетки, ходили прохожие.

Я без труда нашла дом, в котором Алексей снимал комнату – он мне называл адрес. Но звонить в дверь мне показалось не очень удобно. Все-таки приходить без приглашения к мужчине – неправильно. Поэтому я решила подождать. Стала ходить по улице то в одну сторону, то в другую, ожидая, когда Алексей выйдет сам.

Прошел примерно час. По крайней мере, мне так думалось. Но ничего не произошло: нужная мне дверь ни разу не открылась.

Я уже начала нервничать и усиленно придумывать, как поступить в такой ситуации. Может, позвонить и притвориться, что я ошиблась адресом? Если мне откроет хозяйка (или хозяин), я так и скажу: простите, не туда попала. Но может, мне повезет, и выйдет сам Алексей?

Пока я думала, как поступить, то дошла до перекрестка и повернула обратно. И в этот момент на улицу вышел художник.

Я чуть не закричала на всю округу его имя! Но вовремя опомнилась. И почти бегом направилась к нему. Он, не заметив меня, пошел в противоположную сторону.

Однако я не отступила от задуманного...

Почему идущего быстро мужчину так трудно догнать? Я то шла торопливо пешком, то переходила на бег. Но удалось настигнуть его только у набережной.

– Алексей! – тяжело дыша, решила окликнуть его наконец.

Он сразу обернулся, как будто был готов услышать свое имя. Брови его поползли вверх, когда он меня увидел. А в следующий момент Алексей уже улыбался.

– Сашенька? Какая приятная встреча! – радостно воскликнул он.

Я пыталась незаметно перевести дыхание и привести его в нормальный ритм. Мне уже не хотелось говорить Алексею, что я преследовала его от самого дома. Пусть думает, что мы встретились случайно.

– Давайте посидим где-нибудь, попьем чай, – предложил он. – Или лучше мороженого?

– Да, с удовольствием! – ответила я.

Мы уселись под разноцветный зонт, принадлежавший летнему кафе. Тут же подскочил официант:

– Что желаете-с? – профессионально приветливо улыбаясь, спросил он.

У него были смешные усы, торчавшие в разные стороны, но не симметрично: один – вверх, другой – вниз. Мне показалось это очень забавным, и я почувствовала, что ко мне подбирается приступ хохота. Такое со мной случается. Нечасто, но всегда не вовремя. Я

начинаю безудержно смеяться над любой вещью и не могу заставить себя остановиться. Наверно, это нервное. По крайней мере, сейчас я была вся на взводе: все клеточки моего тела дрожали как колокольчики на стебельке.

– Мороженое, пожалуйста, – попросил Алексей, глядя на меня с улыбкой.

Кажется, он догадался, что ко мне в рот заскочила смешинка.

– Какое изволите-с? С клубникой, с шоколадом, ванильное?

Я старалась не смотреть на официанта, и поэтому ответ получил Алексей:

– Шоколадное.

– Шоколадное, – перевел Алексей официанту.

Ко мне подобрался новый приступ. Я набрала воздух в легкие и боялась шелохнуться, чтобы хохот не прорвался наружу.

Наконец официант удалился. И я, хихикнув напоследок, расслабилась.

– Рассказывайте! – вдруг сказал Алексей.

– О чем? – удивилась я.

– Ну, что вы делаете утром на пристани?

Я смутилась. У меня мелькнула мысль, что он видел меня, следовавшую за ним от самого его дома.

– Я просто гуляла, – я решила пока не сознаваться. Так, на всякий случай. Посмотрим, что будет дальше.

– Хорошо, что мы с вами встретились, – подвел итог Алексей, и мне сразу стало легче.

Принесли мороженое. По белому шарiku растекался черный жидкий шоколад, и у меня от этого вида потекли слюнки...

Мы сидели, ели мороженое и разговаривали о всяких пустяках. А я никак не могла решиться рассказать о своей беде. Почему мне до этого казалось, что он – единственный человек, который способен помочь?

– Знаете, Саша, а ведь я вам подарок приготовил, – вдруг заявил Алексей.

Это было неожиданно.

– Правда? – переспросила я растерянno. – А какой?

Он засмеялся.

– Он у меня дома. Пойдемте? Или еще мороженого?

– Нет, спасибо...

Он расплатился, и мы зашагали обратно по той же дороге, по которой я недавно старательно преследовала Алексея.

И вот я стою в его комнате.

Чужая, незнакомая обстановка. Высокая кровать, дубовый шифоньер, огромное зеркало на стене, темно-вишневые тяжелые занавеси, открытое окно...

Алексея в комнате нет – он вышел, чтобы принести мне свой подарок. Но я не думаю и не гадаю, какой. Мне не до этого.

Во мне сейчас дрожит каждая жилочка. Нервы напряжены до предела. Мне кажется, в любой момент я могу сорваться, выскочить в открытое окно и убежать... Я – почти невеста – стою в комнате холостого мужчины. Ох, если мама узнает!

Наконец в комнату входит Алексей, и все тело мое, продолжая дрожать, покрывается мурашками. Что сейчас будет? Зачем он пригласил меня к себе? Действительно, дать подарок? Наверно, я зря согласилась прийти...

– Сашенька, это вам! – говорит он и протягивает мне рамку, в которую вставлена картина.

Я беру ее в руки... Внутри меня – недоумение. Что это? Зачем?

Я смотрю на картину, вижу море, а на его фоне – мальчика с собакой. Сразу узнаю Никиту и нашего Ветерка. Братик смотрит на меня своими смеющимися Никиткиными глазами и широко улыбается. А Ветерок глядит на мальчика так, как только может смотреть Ветерок, то есть с большим обожанием.

Я переворачиваю рамку. На ней, с обратной стороны, написано:

«Сашеньке от Алексея.

Буду вспоминать эти дни с теплотой в сердце».

Моя голова кружится от счастья, а сердце радостно бьется в груди...

Я поднимаю глаза на Алексея.

– Так красиво! – искренне говорю я. – Спасибо большое!.. А мне вам нечего подарить, – тут же с сожалением замечаю я.

Он смеется.

– Ерунда!

– Мне очень приятно! – с чувством говорю я и снова смотрю на картину.

А мозг мой, между тем, начинает лихорадочно думать о том, как начать разговор, который я планировала. Ведь, если я уйду сейчас, ничего не рассказав, уже вечером буду очень сильно об этом сожалеть.

Наверно, мой вид подсказывает Алексею, что со мной что-то не так: я стою, смотрю на картину, хмурюсь, и мое молчание затягивается.

– Сашенька, с вами все в порядке? – спрашивает он.

Я поднимаю на него глаза, и вдруг начинаю плакать, горько и безутешно.

– Н-н-нет, – сквозь слезы произношу я. – Со мной все очень плохо!.. Я выхожу замуж.

Его брови поднимаются вверх. Он берет меня за руку, подводит к кровати, сажает на нее. (Она оказывается очень мягкой). Садится рядом. Обнимает за плечи. Молчит. И я начинаю ему всё рассказывать: о папиных проблемах, о Георгии Ксенофоновиче, о том, что я должна выйти замуж за его сына Антона, потому что так хочет Кончаловский-старший. Но я этого совсем не хочу, потому что мне не нравится Антон, и теперь просто не знаю, что делать.

Весь мой рассказ со всхлипами и слезами неожиданно вызывает очень странную реакцию у Алексея. Он вдруг предлагает:

– А давайте я нарисую ваш портрет.

Теперь моя очередь удивляться.

Не дав мне возразить, он начинает активную деятельность: вскакивает, ставит стул около окна, предлагает пересесть. Убегает куда-то, возвращается с красками.

Я пытаюсь ему возразить: мне не хочется сейчас сидеть и позировать. Может, в другое время я бы была счастлива делать это. Но не сейчас. Алексей, кажется, этого не понимает. Он почти силой сажает меня на стул и мгновенно погружается в работу, сев

напротив.

Я смиряюсь, сижу покорно, смотрю на него. Улыбаюсь, если он просит. А в душе так плохо, что хочется выть. Сижу безучастная, совершенно обессиленная.

Но любовь умеет оправдывать даже самые нелепые поступки возлюбленного. Вскоре и я нахожу объяснение поведению Алексея. Просто он хочет меня таким образом отвлечь от грустных мыслей.

И все-таки у меня нет сил быть в бездействии. Отчаянье гонит меня куда-то, заставляет делать хоть что-нибудь. Но только не сидеть, позируя. Я говорю Алексею, что мне пора. Он – как странно! – не пытается удержать меня.

– Я выполнил самую главную работу, – вдохновенно заявляет он. – Все остальное я могу доделать и без вас, Сашенька.

...Я медленно плетусь домой, а в голове беспрерывно, под какой-то нудный надоедливый мотив, поются три последних его слова: «Без вас, Сашенька... без вас, Сашенька... без вас... без вас... без вас...»

27

Вспоминаю те серые дни моей жизни, когда я стояла на пороге нежеланного замужества. Хотя сейчас, через несколько лет, они мне уже таковыми не кажутся.

...В тот день я пришла домой после полудня. Папа и мама встретили меня без упреков, хотя отлично поняли, каким путем я покинула свою комнату утром. Они разговаривали со мной мягко, по-доброму, что-то пытаюсь объяснить. Я больше молчала. Только слушала. Родители, наверно, думали, что я уже на все согласна.

Но мой мозг работал как механизм: он напряженно искал выход из создавшейся ситуации. Замуж я не собиралась, но как этого избежать, пока не знала. Я глупо понадеялась, что Алексей поможет мне. Но видимо, только я сама могу найти выход и изменить что-то.

В течение недели дважды заходил Антон. Мы – папа, мама, я, он, иногда Никита – сидели, пили чай в саду. Я практически не слушала, о чем они там говорили. Думала о своем. Иногда пыталась вникнуть в беседу. Просто из вежливости. Не всегда это получалось. И вот именно в момент, когда мне это удалось, пришло решение.

А дело было так.

Антон стал перечислять родственников, которые уже были приглашены на свадьбу. Назвал какую-то тетушку Елизавету, которая живет в ста километрах от нашего города. И меня вдруг осенило: у меня ведь тоже есть тетя! А я у нее любимая племянница. Уеду к ней, и она не даст меня в обиду!

Спасибо, Антон, хотя бы за это!..

Так я решила свою судьбу...

28

Теперь я ждала встречи с Алексеем по-другому, не как раньше. Что-то притупилось внутри. И в моей голове все перепуталось. Хотя, по-прежнему, я пылала от любви к

художнику, но появилось странное чувство замедленности. Как будто две волны столкнулись. Одной было мое чувство к Алексею, другой – ответственность перед родителями. Сила «волн» пропала после столкновения, а вместе с силой – и моя энергия.

Я все делала неосознанно, отстраненно: два раза в неделю ходила на службу в жандармерию, вечерами гуляла с собакой. Каждое мгновение ждала нашей встречи с Алексеем и боялась ее. Наверно, я выросла. В душе ясно звучал ответ, что только я сама, а никто другой – даже любимый человек – не поможет мне решить задачу, которую подбросила жизнь.

Странно, но мой страх снова встретить Алексея после того дня, когда я побывала у него в комнате, приводил к дурному последствию: он перестал ходить к морю. Как будто чувствовал мое смятение.

Я пыталась найти ответ: почему? Что я сделала не так? Проявила слабость, а он не любит девичьих слез? Разочаровался во мне моим легкомысленным поступком: пять минут до свадьбы, а я без колебаний пришла в дом холостого мужчины? Что еще может быть причиной его неоявления у моря?

Прошла неделя. И вдруг однажды, в один из вечеров, я обнаружила, что Алексей поджидал меня у берега. Именно ждал – это не получилось случайно. Когда я появилась там с нашим Ветерком, он торопливо побежал мне навстречу, оставив свои мольберт и кисти.

– Сашенька! Я понял! – горячо воскликнул он. – Я вёл себя ужасно! Вы пришли ко мне за помощью, а я – со своим рисованием!

Он был бледен сегодня, и я почувствовала к нему сильное сострадание.

– Нет, нет, Алеша! – я часто называла его так про себя, но никогда вслух, сейчас это было впервые, и с переполнявшим меня чувством тревоги взяла его за руку. – Вы были очень внимательны! Это я невежливо ушла слишком быстро!

Кажется, он воспрянул духом от моих слов. Сразу заулыбался и протянул мне сверток, который я только сейчас заметила в его другой руке.

– Я нарисовал вас! – просто пояснил он.

Когда он передавал мне сверток, мы смотрели в глаза друг другу, и я не успела ничего понять, как через мгновение наши губы слились в поцелуе.

Это был первый поцелуй в моей жизни, и голова так закружилась, как будто я долго каталась на карусели. Мне показалось, что сейчас я упаду. Но Алексей – то ли понял это, то ли просто так – обхватил меня за талию.

...Потом мы гуляли с ним по берегу, еще целовались, болтали, смеялись. Я забыла обо всем. Мой мир превратился в сказку, где нет зла и тревог – только добро, где все счастливы и влюблены.

Но вечером, вернувшись домой и встретив осуждающий взгляд отца, я опять вернулась в мир, называвшийся «действительностью». Сказка закончилась. Мои проблемы никуда не исчезли. И решать мне их все равно придется.

– Где ты была так долго? – осторожно спросила мама. – Мы волновались.

Но когда я, нахмурившись, ничего не ответила, не стала переспрашивать. А во мне зародился протест: буду бороться за свою любовь, это главное всего на свете.

Я поужинала и тут же ушла в свою комнату. Едва переступив порог и закрыв за собой дверь, почувствовала, как краски жизни светлеют и становятся ярче. И снова сказочный мир принял меня в свои объятия.

Я развернула сверток, с любопытством посмотрела на картину. Там, у окна, сидел мой образ, улыбающийся и счастливый. Алексей немножко приукрасил меня ту, которая была у него дома, вся зареванная, погруженная в горькие мысли, не готовая позировать... Волна блаженной радости поглотила меня, и я тихо засмеялась...

...В ту ночь мне снова не спалось: я вспоминала наши поцелуи, трогала губы и счастливо улыбалась. Но, когда вроде как погрузилась в дрему, неожиданно проснулась от мысли: ведь я забыла рассказать Алексею, что решила уехать к тете в Полянск, чтобы избежать свадьбы!

Ну, хорошо. Я могу это сделать завтра.

И, успокоившись, крепко заснула...

Итак, мной было принято решение уехать в Полянск.

Я хорошо знала тетин характер. Она – единственная сейчас, кто действительно не даст меня в обиду.

Мысль о моем решении настолько будоражила, что на следующий день я проснулась ни свет, ни заря. Посмотрела на часы: шесть десять! Тихо выбралась из-под одеяла и сразу же начала осуществлять свой план. Мне нужно было приготовить кое-какие вещи, чтобы отправиться в путь. Я освободила выдвижной шкафчик в комод, чтобы складывать туда то, что возьму с собой. Положила нижнее белье, чулки, пару книг, два любимых платья... Я была намерена взять вещей как можно меньше. Чего не хватит, можно купить в Полянске.

Но самое главное, что я возьму с собой, это – две картины, подарки от Алексея. Я снова взглянула сначала на первую, где был Никитка, потом на ту, где сидела у окошка я. Хорошо, что они в тонких рамках. Сделай бы Алексей обрамления потяжелее, мне бы было трудно в дороге с картинами.

Вспомнился вчерашний день, и я счастливо вздохнула. Всё образуется! Мы ещё будем вместе!

Посмотрела на часы. Прошло только двадцать минут, а я уже собралась. Постояла посередине комнаты, думая, что же еще важно сделать. Ах, да! Мне всё-таки нужно объяснить родителям мои мотивы... Достала бумагу с книжной полки, взяла чернильницу, перо и села писать письмо.

Как бы я не хорохорилась, совесть внутри тихо читала мораль: плохо оставлять их сейчас, когда они надеются на меня. Но мысль о замужестве с Антоном Кончаловским просто разрывала сердце. Возможно, не встретить я Алексея, я бы смирилась с неизбежным. Но теперь...

Я начала старательно выводить буквы, взвешивая каждое слово. Перышко скрипело по бумаге.

«Дорогие мои папочка и мамочка!

Простите меня, что я так поступила...»

В комнате тикали настенные часы. Так хорошо и уютно! Вдруг стало жаль, что мне придется оставить родной дом. Еще недавно я рвалась на свободу, а в тут всё вокруг стало до боли родным и милым. Я оглядела свою комнату. Вон в углу сидит большой желтый

медведь, подарок на мое семилетие. Я уже давно не играю с ним. А ведь когда-то он был моим близким другом, которому я нашёптывала в плюшевое ушко свои детские обиды и радости. До сих пор помню день, когда мама и папа зашли в комнату с большой коробкой, перевязанной красной ленточкой...

Фотографии на стене... Там я маленькая, а мама и папа – моложе, чем сейчас. И Никитка еще не родился. На другой – мы уже все четверо. Но мой братик – совсем крошка – сидит на руках у мамы в белом платьице – не поймешь еще, девочка или мальчик.

А вон на той стене, прямо на обоях, – мой рисунок карандашом: кораблик на волнах, солнышко, облачка... Помню, как тогда ругался папа...

Слезы вдруг закапали на письмо, и я торопливо отодвинула листок. Собралась с мыслями, продолжила писать.

«...Но я не люблю Антона. И, так страшно представить, что до конца жизни мне придется жить с нелюбимым человеком. Поэтому я решила уехать.

Простите меня. И не беспокойтесь. Я не пропаду.

Ваша любящая дочь Саша».

Дел сегодня у меня было не так много. Но среди них – одно, самое важное: встретиться с Алексеем и спросить, где он живет в Полянске. А также дать ему свой адрес. (Точнее, тётин). Ведь Полянск – это не наш маленький городок. Там найти человека без адреса будет непросто...

После завтрака я начала с главного: побежала на берег, в надежде, что Алексей будет там. Удивительно, что море в это утро напомнило мне сказку Пушкина о рыбаке и рыбке.

«Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная туча:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так и воем воют.

Природа была как будто обеспокоена тем же, чем и я – моим поступком, разлукой с домом и родными. Сердце тоскливо сжалось в непонятном предчувствии. Я походила у моря туда-сюда и ...направилась к дому Алексея...

...Мне не хотелось идти к нему без приглашения, и я опять, как несколько дней назад, стала кружить около дома, в надежде, что Алексей выйдет сам. Время шло, но дверь, похоже, никто не собирался открывать. Тогда я решила: подошла и нажала на кнопку звонка.

Дверь открыла приятная пожилая женщина. Она ответила на приветствие и замолчала в ожидании объяснения, что мне нужно.

– Могу ли я видеть Алексея? – спросила я, почувствовав, что начинаю краснеть.

– А его нет, – ответила женщина, с любопытством разглядывая меня. – Он уехал сегодня рано утром домой.

– Уехал?! Сегодня? Рано утром? Домой? – растерянно задавала я вопрос за вопросом (чего-чего, а этого я не ждала). – Простите. До свидания.

Как странно... Уехал, не сказав ни слова... Как будто сбежал... Почему? Что не так? Я торопливо развернулась, опережая слезы, уже готовые вылиться из глаз.

– Барышня, – окликнула меня женщина. – Вас Сашей зовут?

Я обернулась, посмотрела на нее с надеждой, кивнула. Может, Алексея нет для других, но он есть для меня?

– Алексей оставил вам письмо. Подождите, я сейчас принесу.

Женщина исчезла, прикрыв за собой дверь. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя себя глупо перед закрытой дверью. Минуты через две – долгие две минуты – хозяйка вернулась, держа в руке запечатанный конверт.

– Вот, возьмите.

Сердце тревожно заныло, когда я брала письмо из ее рук. Что же там?

Поблагодарив женщину, я сунула конверт в рукав платья и заспешила домой.

31

Я так и не смогла прочитать письмо до вечера. Только перепрятала его из рукава под подушку. Вся семья находилась дома. Весь день была какая-то суета, как будто перед отъездом (конечно, не перед моим; ведь никто не подозревал о моих намерениях).

И только вечером, лежа в кровати, я аккуратно достала письмо из-под подушки. Конверт был абсолютно чистым – ни одной буквы на нем.

Почему ОН не написал хотя бы «С»? Или «Саше»? А еще лучше, «Дорогой Сашеньке»? Нет, ничего. Никакого знака его любви...

Я осторожно надорвала конверт сверху и достала письмо. Руки дрожали от волнения, в горле першило: неизвестность пугала меня – что там написано, на этих белых листочках бумаги?

«Дорогая Сашенька!» – так начал Алексей, и мое сердце радостно откликнулось. Он просто боялся написать то же самое на конверте. Боялся за мою честь. Зачем хозяйке дома знать о нашей любви? Конечно, ни к чему. Какой он мудрый и предусмотрительный!

Я была сильно растрогана его внимательностью. И надежда, что он придумал что-то, чтобы помочь мне, затеплилась в душе.

Я торопливо продолжила чтение:

«...Боюсь, что мое присутствие заставляет тебя делать глупости. И поэтому я решил уехать немного раньше, чем планировал.

Я намного старше тебя. Я не могу дать тебе всего того, что ты получишь от своего жениха. Возможно, лучше и мудрее, если ты послушаешься родителей и выйдешь за него замуж.

То, что было между нами, – это приятно. Когда я вспоминаю тебя, душа моя согревается, как камешки на пляже под горячим солнцем. Но... у нас не может быть будущего. Именно поэтому, пока не поздно, я уезжаю.

Прости и прощай.

Алексей».

Что? Почему? Ничего не понимаю!

Он уехал и сказал мне «Прощай»?!

Да, это было безумно больно! Я прорыдала в подушку почти всю ночь. А при воспоминании о словах «то, что было между нами, – приятно», мне хотелось ему отомстить и выйти замуж за Антона. Но в глубине души всё-таки понимала, что это будет месть не ему, а мне самой. За мою наивную веру во взаимную любовь, за моё доверие ему, за мою собственную глупость... Я думала, что Алексей тоже полюбил меня, а ему было просто «приятно».

Но, проснувшись утром, неожиданно осознала, что сейчас мне обязательно нужно поехать в Полянск. Уже не только ради того, чтобы спастись от замужества с Антоном Кончаловским. А еще для того, чтобы найти Алексея и объяснить ему: он не прав. Ведь он же, правда, не прав! Разве можно бояться любви и говорить о каком-то возрасте? Это глупость! Главное, счастье быть вместе! И любовь... А она между нами есть, я уверена... Я чувствовала это, когда он целовал меня...

Глава 6. Что ни сделаешь ради любви!

Прошлое.

32

Почему любовь так меняет нас? Почему она делает нас взрослее? Почему, осознав, что не всегда случается, как нам хочется, мы не принимаем это так, как есть, а испытываем боль и страдание?

Я ехала в поезде, сидела у окошка, смотрела на пейзажи, проплывавшие мимо. Грусть одолевала меня. Еще вчера я прыгала как ребенок по пляжу, могла залезть на дерево в порыве детских чувств, а сегодня чувствую себя взрослой женщиной. Мне не хочется ни скакать, ни смеяться...

*Внутри болезненно отдаётся любая мысль об Алексее и о том, **что** я сделала ради него.*

Конечно, папа и мама уже нашли записку в моей комнате. Им бесконечно стыдно, грустно и неудобно перед людьми, что я так поступила. У меня сейчас тоже нехорошо на душе: тоже и стыдно, и грустно, и неудобно перед родителями. Особенно перед папой, которого я просто бросила на произвол судьбы. Но и перед мамой тоже, наверняка сильно страдающей от этой ситуации: ведь ей и мужу хочется помочь, и меня жалко.

Однако страх, что я должна была выйти за Кончаловского, до сих пор заставлял меня ёжиться. Антон – не тот человек, жизнь с которым в конечном счете встанет на нужную колею. Возможно, если бы я его совсем не знала, было бы проще. Пока привыкала, пока понимала, что он за человек... Глядишь, и стерпелось бы, и слюбилось. Но я знаю, что он притворяется лучше, чем на самом деле, что душа его в некоторых поступках – чёрная. Быть с ним – это пойти против всех моих принципов.

Мои милые папа и мама... Они все равно рано или поздно простят меня. А я пока поживу у тети в городе Полянске... Все утрясется, и я вернусь.

Вдруг меня озарило: я поговорю с тетей. Она – очень мудрая и справедливая. Тетушка обязательно поможет мне найти решение, что делать. Если же она скажет: «Дорогая, ты должна вернуться и выйти замуж», я сделаю это...

Потом мысли вернулись к Алексею. Мне нужно во что бы то ни стало встретиться с ним в городе, объяснить ему всё, признаться, если уж это так необходимо, в своих чувствах. А дальше – будь что будет...

Мечтания о том, что всё можно исправить, согревали душу. Я уже давно простила Алексею те слова в письме и то, что он уехал, не поговорив со мной.

Да и как я могла осуждать его, если сама поступала некрасиво?

33

Вот с такими мыслями я приехала в город Поляnsk.

На вокзале было шумно из-за извозчиков: они кричали, зазывая себе седоков. Вся эта орущая братия пугала меня, поэтому я выбрала самого спокойного, кто просто сидел на

козлах и ждал. Спросила о цене, мысленно согласилась. Извозчик спрыгнул с козел, помог мне поставить сумку и забраться в повозку...

...Тетин дом был в центре города.

Дверь открыла старая Гертруда, вечная помощница в этом доме. Имя ей совсем не подходило. Она была круглолицей женщиной славянской внешности. Ничего немецкого. Но возможно, у нее присутствовали немецкие корни, если родители нарекли ее именно так.

– О! Сашенька! – воскликнула Гертруда и крепко обняла меня. – Вы приехали сюда всей семьей? – спросила она, выглядывая за дверь, но никого не обнаружив, удивленно обернулась ко мне: – Вы приехали одна?!

Я опустила голову и тихо произнесла:

– Да, Гертруда! Я приехала одна!

Чувства, прятавшиеся в душе всю дорогу, переполнили меня, и я, припав к плечу женщины, расплакалась.

Гертруда, мягко обхватив меня за плечи и что-то приговаривая, завела в дом. Я слышала, как хлопнула за нами дверь.

– Ну, не плачьте! Все перемелется, – усаживая меня в кресло в гостиной, ласково приговаривала она. – Посидите здесь. Я сейчас пошлю кого-нибудь за Тамарой Александровной. Она в гимназии.

Гертруда накрыла меня большим пушистым пледом и вышла из гостиной.

Я почувствовала себя лучше. Может, действительно, всё образуется? Не может быть, чтобы было иначе. Ведь все любят меня. Зачем им делать мне больно? Когда-нибудь мне будет смешно вспоминать этот период своей жизни, а также побег из родного дома...

...В тепле и тишине я задремала. Когда открыла глаза, моя тетушка сидела в комнате, в кресле, напротив, с любовью смотрела на меня и улыбалась. А мне показалось, что прошла ровно одна минута, пока я спала.

– Здравствуй, моя дорогая! – она привстала, наклонилась и обняла меня.

Я соскочила и прижалась к ней.

– Сиди-сиди! – она ласково усадила меня обратно и сама снова присела в кресло напротив. – Ну, рассказывай, что случилось?

Я слегка смутилась.

– Тетушка, почему вы думаете, что что-то случилось?

– Если бы все было хорошо, думаю, одну бы тебя сюда не отпустили.

– Вы правы, – прошептала я, сдерживая слезы.

И я поведала ей все, как на духу: и о моей любви к художнику, и о том, что у папы были большие проблемы на службе, и о моем предстоящем замужестве, на которое рассчитывали родители, чтобы уладить отцовские дела. Удивительно, что я не проронила ни слезинки, пока рассказывала. А когда закончила, произнесла грустно:

– Но если, тетя, вы мне скажете, что я не права, должна вернуться домой и выполнить волю родителей, я сделаю это, – вот после этих слов я дала волю слезам.

Тетушка не бросилась меня утешать. Она просто взяла мою руку, поддержала в своей, как бы согревая, а после этого сказала:

– Ты поживешь у меня, поработаешь в гимназии, а я напишу письмо родителям, чтобы понять ситуацию. Может быть, уже все изменилось, пока ты сюда добиралась.

Я снова вскочила и обняла тётю. В сердце моем снова появилась радость и даже какое-то ребячество. Я закружилась по комнате, танцуя вальс и напевая сама себе.

Тетушка засмеялась:

– Сразу видно: ты – дитя, выросшее у моря.

– Почему? – останавливаясь, спросила я.

– Настроение меняется, как у моря погода.

Тетушка громко позвала:

– Гертруда!

Та, похоже, стояла за дверью, потому что тут же появилась на пороге.

– Гертруда, милая! Приготовь, пожалуйста, комнату для барышни.

...Уже засыпая, я думала о том, что теперь все обязательно изменится, все станет снова хорошо: родители откажутся от нелепого желания выдать меня замуж за кого попало, я найду Алексея, здесь, в городе. И, конечно же, у нас с ним все получится. А потом мы вдвоем вернемся к родителям за благословением...

Прошла неделя. Тетя, казалось, не замечала моих вопросительных взглядов. Хотя – нет, замечала. Не выдержав однажды, она сказала:

– Пока новостей нет, а если появятся, я незамедлительно расскажу тебе об этом.

Я чувствовала, что тетя Тамара на моей стороне: ей совсем не хочется, чтобы любимая племянница вышла замуж за «не поймешь кого». И тихо радовалась ее поддержке, но в открытую этого не демонстрировала.

Однажды утром тетя предложила пойти в гимназию. Я даже обрадовалась. Сидеть все время дома было скучно, а ходить одной по городу меня не отпускали.

Гимназия, (или приют для сирот), мимо которой я неоднократно проходила, но ни разу не заглядывала внутрь, была небольшим двухэтажным зданием. На первом этаже помещались столовая, актовый зал и три класса. На втором – спальни для девочек, комната для учителей и директрисы (то есть для моей тети), а также еще две комнаты, где ученицы делали домашнее задание и отдыхали.

Воспитанницы – около тридцати девочек – были от семи до семнадцати лет. Новых брали редко, потому что в приюте не хватало места для большого количества детей. Только когда выпускали старших девочек, брали новеньких.

Когда я пришла в гимназию, меня встретило множество любопытных взглядов. Выглядела я очень юно, не на свои семнадцать лет. Поэтому, возможно, они приняли меня за новенькую.

С тетей все время здоровались. Она чинно отвечала на каждое приветствие.

Мы прошли в ее кабинет. Когда дверь за нами закрылась, я услышала звук колокольчика, призывавшего на урок. Вскоре школа погрузилась в тишину.

– Садись, Сашенька, – сказала тетя, указывая на мягкий стул, стоявший рядом со столом.

Сама она села напротив меня.

– Я хочу предложить тебе поработать здесь не как моя племянница, а как обычная

учительница или наставница. Я буду платить тебе жалование, помогать всячески, если что-то будет не получаться. Но и спрашивать буду с тебя так же строго, как с других. Ты сама поймешь потом, что так лучше: быть любимицей начальницы – это значит, что найдутся те, кто тебя будет недолго любить. Поэтому мы даже не будем рассказывать никому, что ты моя родственница... Согласна?

– Конечно, тетя, – обрадованно ответила я. – Мне бы очень хотелось здесь работать! А что я должна делать?

– Ты будешь наставницей у младших девочек. У нас их двенадцать человек. Возраст от семи до десяти. С утра они с учителями в классах. Твоя роль – просто сидеть с ними на уроках. Если возникает какая-то ситуация, помогай учителю. А после обеда – они в полном твоем распоряжении. Сначала они отдыхают, а потом садятся за уроки. Это, наверно, самое тяжелое время дня, потому что тебе нужно будет много им помогать. А в конце – проверить каждую девочку. Хотя мы приучаем их быть ответственными и самостоятельными, но, к сожалению, пока еще младшие могут влиять и притворяться, чтобы не делать домашнюю работу...

– Я согласна, тетя! – в восторге воскликнула я и повисла у нее на шее.

– Ну-ну, мы же договорились: никто не должен знать, что ты моя племянница... Что ж. Сейчас я тебя провожу до класса, где сидят младшие девочки. Провожу и представляю... Пойдем.

Пока мы спускались на первый этаж, я заволновалась и даже немного запаниковала. Просто боялась того, как воспримут меня мои будущие воспитанницы. Ведь когда я сама была гимназисткой, то не все учителя нравились мне. И сейчас вдруг поняла: мне хочется, чтобы девочки меня полюбили...

Время шло. Закончилась осень, наступила зима.

Я с удовольствием работала в приюте. Девочки полюбили меня, и я чувствовала себя нужной и желанной, когда приходила в гимназию.

Почти каждый день после работы я отправлялась бродить по городу. Тётя не догадывалась о моих самостоятельных прогулках. Цель их была единственной: у меня не пропадала надежда встретить Алексея. Казалось, не осталось места в городе, где бы я не побывала. Но моего любимого мужчину так ни разу и не встретила. У меня уже стали закрадываться мысли, что он не живет в этом городе совсем. Может, и жил раньше, но не сейчас... Впрочем, Поляnsk был достаточно большим: шансов встретиться случайно с нужным человеком было не так много.

Удивительно, но я начала скучать по дому, по родителям, по Никите, по прогулкам около моря. Иногда мне казалось, что Алексей все еще ходит туда рисовать свои картины, а я пытаюсь найти его здесь. Поэтому, когда пришло письмо от родителей, что у них все нормализовалось, и они бы очень хотели моего возвращения домой, я с радостью поделилась об этом с тетей и засобиравалась обратно.

Наступил последний урок, на котором я присутствовала как наставница девочек.

Шел урок арифметики. Я сидела в классе за партой – та стояла сбоку от учениц, и мне с этого места хорошо были видны все мои подопечные. Они еще не знали о том, что я собираюсь оставить гимназию. Грустно будет сообщить им об этом.

У доски отвечала Маша.... Арифметика для нее была чем-то абсолютно недостижимым. Вот и сейчас она пыталась решить задачку про купца, который продавал свой товар в лавке. Девочка старательно морщила лоб, надеясь, что это поможет ей понять задачу лучше. Учитель, старый Порфирий Иванович, смотрел на нее с грустью и ждал решения...

Я вдруг болезненно почувствовала, что эта часть моей жизни заканчивается навсегда. Господи, как часто в последнее время возникает это чувство: расставание с родным домом, потеря Алексея. А вот теперь еще и гимназия.

...Девочки плакали, когда провожали меня. Младшие собрали в один альбом нарисованные ими картинки – на память, старшие пытались сунуть какие-то безделушки. Я так расчувствовалась, что выскочила из дверей гимназии со слезами на глазах. Шла по улице и вспоминала каждую деталь прошедшего часа...

Но когда вышла на городскую площадь, на какое-то время забыла о приюте. Еще бы! Ведь там красовалась большая Рождественская елка. Пахло хвоей. И... приближавшимся праздником.

Я подошла ближе и, как ребенок, забыв обо всем, разглядывала висевшие на елке большие игрушки, фонарики, хлопушки, белые сверкающие сосульки... Гирлянда из разноцветного стекла опоясывала лесную красавицу.

Кроме того, на площади поставили большую деревянную горку и, предварительно засыпав ее снегом, залили водой. Детей на ней не было – слишком высокая, да и темно уже. А взрослые катались с удовольствием.

Я смотрела на предрождественскую суету и радовалась ей.

И поэтому, когда увидела ЕГО, проходившего мимо под ручку с красивой, богато одетой дамой, не сразу поняла, что это Алексей. Он, поравнявшись со мной, скользнул по мне взглядом и никак не отреагировал. Я замерла как вкопанная. Через мгновение с надеждой обернулась назад – вдруг он просто не узнал меня только в первое мгновение, а сейчас уже остановился, чтобы радостно поздороваться. Алексей удалялся со своей спутницей. Я видела, как его голова склонилась к ней, как будто он что-то говорил ей на ушко.

Сердце мое бешено заколотилось. И заплакало. Что же это получается? Он встретил другую? А как же я?

Я повернулась и, как тень, побрела за парой. Они шли, разговаривали между собой, улыбались друг другу и, конечно, не замечали меня. Я едва волочила ноги, жадно смотрела им вслед и не чувствовала, что по моим щекам бегут слезы.

Наконец они подошли к красивому небольшому домику, стоявшему напротив городского парка. Алексей вытащил из кармана ключ, стал открывать калитку. А ведь я столько раз была здесь! И ни разу наши с Алексеем пути не пересеклись. Теперь же, когда я собралась вернуться домой, он снова появился в моей жизни!

Кто эта женщина? Сестра? Жена? Невеста? И вообще, зачем я иду за ними? Увидяя – это будет ужасным унижением!

Когда они заходили в дом, Алексей обернулся по сторонам. Я отшатнулась и спряталась за прохожего. Тот странно посмотрел на меня и обошел стороной. Когда я снова посмотрела туда, где только что стояли Алексей и его спутница, уже никого не было.

Я остановила мужчину, проходившего мимо.

– Простите, вы не знаете, кто живет в этом доме?

Он посмотрел на меня удивленно. Но ответил:

– Не знаю.

И заспешил по своим делам.

37

Вечером я заявила тете, что передумала ехать домой и хочу встретить Рождество здесь, в Полянске. Тетушка Тамара посмотрела на меня с большим изумлением.

– Что случилось, Саша? – спросила она.

– Ничего, – отозвалась я, отводя глаза.

До Рождества оставалось только неделя. Я написала письмо родителям, где спрашивала разрешения позволить мне встретить праздник с тетей и девочками. Сама же обещала, что немедленно приеду в январе.

Иван, работавший в доме тёти, поехал с письмом к моим родителям.

Я ждала его с нетерпением, попросив Гертруду сообщить мне немедленно о приезде Ивана.

Вернулся он через три дня поздней ночью с ответом.

Неожиданно мои родители ответили отказом. Они хотели, чтобы в святой праздник Рождества я была дома, с семьей. Папа и мама также приглашали тетю Тамару приехать к нам в гости.

38

Любовь делает человека счастливым или несчастным.

Любовь наполняет его своей энергией или вытягивает силу из души настолько, что любой отказ болезнен как свежая глубокая царапина.

Любовь помогает заметить то, что ты не замечал раньше, или погружает тебя в туман, и ты живешь, не видя ничего вокруг себя.

Это чувство – для кого-то как прекрасная песня, для другого как протяжный стон...

Увы, меня любовь не сделала счастливой. Она жила тихой болью в сердце и не хотела покидать его. Она обожгла душу, заставила понять, что не всегда получается так, как хочется.

Я жила как будто не жила. Возможно, никто и не замечал этого. А может, просто не понимали, ЧТО со мной случилось. Грустная? Всегда найдется причина, почему. Молчит все время? Ну и что? Пустословие – не лучшее качество человека. Всем известно: молчание – золото.

Мимо меня проходили все важные события в стране. Именно, мимо. «Туман» в сердце

и голове не давал понять, насколько тревожно вокруг: февральские события в столице, отказ царя от престола, временное правительство, волнения рабочих. А в связи со всем этим – менее заметное, но более неприятное: появилось множество жулья вокруг, чаще стали случаться убийства. Теперь мама боялась отпускать меня и Никиту одних. С нами ходил Богдан – помощник по хозяйству и муж Мариш. Раньше бы я начала доказывать маме, что бояться нечего. Я взрослая. К тому же, могу взять с собой собаку. А Ветерок – пес серьезный, крупный, не каждый рискнет подойти к нам, если он рядом. Но сейчас я молча покорялась всему, что говорили родители. Случись бы этой зимой с папой то, что произошло прошлым летом, я бы, наверно, молча и покорно позволила себя выдать замуж.

...Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как я, опустошенная и разбитая вернулась домой. Я была еще слишком юна, чтобы понять: время лечит. Однако моих познаний из художественной литературы хватало лишь на то, чтобы иногда в моем мозге наступало временное просветление. В такие моменты я мудро думала: дай Бог, снова встречу хорошего мужчину, и ко мне придет взаимная любовь. Потом я начинала плакать от таких дум. Мне казалось, что никого и никогда лучше Алексея я не встречу.

Замуж силой, слава Богу, меня не выдали – и то хорошо. Все как-то утряслось. Хотя я подозревала, что просто моя дорогая тетушка покрыла весь денежный долг отца, чем спасла меня – от ненужной свадьбы, а папу – от тюрьмы.

Антон, кстати, – мой несостоявшийся муж – заходил как-то к нам. Признавался, что действительно любит меня и хотел бы стать моим супругом. Но когда он узнал, что его отец хотел воспользоваться обстоятельствами, чтобы поженить нас, воспротивился этому... Видно, ему очень хотелось выказать себя честным и благородным. Но я не верила ни одному его слову, хотя, мягко улыбаясь, изображала благодарность.

Антон на прощание целовал мне руку и удалялся, каждый раз спрашивая разрешения снова навестить меня. Я благосклонно соглашалась. Мне даже нравилась эта странная игра между нами – в честного и благородного и в доверчивую и глупую. Что-то вроде рыцарского романа...

Вообще, плохо помню этот период времени. Я жила в своем мире грустных грез и не интересовалась ничем...

...Однажды, в конце октября папа рассказал за обедом, что в Петрограде творится невообразимое – беспорядки, стрельба, отставка временного правительства.

– Посмотри, что пишут, – читал папа газету. – «К гражданам России. Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата в гарнизоне»...

Я и тут не была внимательной. Думала: повоюют и успокоятся. А зря! Возможно, проанализировав всё это, я бы не сделала страшную ошибку в собственной жизни, когда моя семья...

Ну, впрочем, об этом позднее...

В один из вечеров к нам приехала тетушка Тамара Александровна. Это было так неожиданно и радостно! Только представьте себе: темный вечер за окном, мы сидим дома у камина, и вдруг – звонок в дверь. И тетя, наша милая тетя Тамара, – на пороге!

...Долгий чай с разговорами затянулся до полуночи. Никитка уже начал клевать носом, поэтому его отправили спать. А мы сели поближе к камину – папа, мама, тетя, я – и продолжили беседу.

Вдруг тетя объявила:

– Дорогие мои! Я приехала не просто так, а чтобы пригласить вас пожить в доме моего мужа в Швейцарии. Этот дом, если помните, достался ему по наследству от двоюродной бабушки. Сейчас там никто не живет. Дом пустует, грустит, – она улыбнулась своему сравнению. – В России же становится очень беспокойно и даже опасно. Поэтому мне бы хотелось, чтобы мы все вместе на время уехали отсюда. У меня еще остались кое-какие дела в Полянске. Поэтому я вынуждена задержаться: передать дела в гимназии одной из учительниц, которая будет управляющей на время моего отсутствия. Как только всё закончу, тут же присоединюсь к вам. А у вас дети. Вам нельзя терять ни дня! Собирайтесь и как можно скорее уезжайте. Боюсь, что здесь вся эта заваруха закончится не скоро! Да как бы ни стало еще хуже. Детям же нужна спокойная и нормальная жизнь: Никитке следует учиться, а Сашеньке пора выходить замуж. В Швейцарию сейчас едет много русской аристократии. Думаю, что найдется подходящий жених для нашей красавицы...

Огорошив нас таким образом, тетя уже утром уехала обратно.

Мои домашние – папа, мама, Никита – долго обсуждали тетино предложение. Особенно сомневалась мама.

– Может, скоро все успокоится? – вздыхала она.

– Успокоится, мы сразу вернемся, – пообещал папа, которому идея сразу понравилась, в отличие от мамы и меня.

Мои мысли пришли в еще более хаотичный беспорядок. Я опять стала думать до боли в душе об Алексее... А вдруг мы уедем настолько долго, что он навсегда забудет меня? Вдруг я там действительно выйду замуж, и уж тогда точно потеряю его? Вдруг...? В общем, моя рана в сердце еще сильнее закровоточила...

...В конечном итоге, взрослыми все же было принято решение уехать, и мама стала собирать вещи.

Папа попросил ее брать только самое необходимое.

– Я думаю, мы пробудем там месяцев шесть, а то и меньше, – глубокомысленно произнес он.

Дом превратился в вокзал. Везде лежали сумки, чемоданы, саквояжи. Мама переворачивала все выдвижные ящики и перебирала одежду, безделушки и другие предметы, как будто боялась забыть что-то важное. Она разглядывала каждую вещь, извлеченную наружу. Ведь в любой из них был маленький кусочек нашей жизни: в Никитиных крошечных ботиночках, в моем крестильном платьице, в ее свадебной шляпке... Все вещи были для нее ценными. Но взять так много мы не могли. Поэтому выбор был долгим, сборы – болезненными, и растянулись они на целую неделю.

Папа сердился и говорил, что нельзя так привязываться к вещам. Когда увидел на глазах у мамы слезы, бессильно развел руками:

– Ну, ведь не навсегда уезжаем!

Только Никитка был абсолютно счастлив и безмятежен. Он бегал по дому с горящими глазами и все время задавал какие-нибудь вопросы:

– А в Швейцарии на каком языке говорят?

– А там есть море?

– А мы возьмем с собой Ветерка?

Конечно, для братишки это было большое приключение. Ведь отъезд в другую страну обещал быть долгим! К тому же, Никита никогда не был за границей. Да и вообще, никуда далеко не ездил. А тут ... за тридевять земель – в Швейцарию!

Я каждый день ходила к морю. Родителям было сейчас не до чего, кроме сборов, и меня никто не сопровождал, как совсем еще недавно. А мне и не было страшно, я верила, что Ветерок не даст меня в обиду.

Грусть не только не покидала меня, она разрасталась, становилась все больше и больше. Сердце с болью осознавало, что, уехав отсюда, я лишаю себя шанса быть с Алексеем. Ведь так легко однажды для него встретить другую, а для меня – другого, и забыть наши встречи и чувства навсегда.

Увы, такого я допустить не хотела. И поэтому в моей буйной головушке медленно, но уверенно рос собственный план, в котором цели уезжать из России не было...

40

Наступил день отъезда.

Было только начало ноября, но день стоял замечательный – теплый, солнечный. Хотя прохладный ветер давал почувствовать, что зима вскоре станет здесь главной хозяйкой.

Мы погрузили все свои вещи в экипаж, посидели на дорожку, попрощались с Марией и Богданом и, помахав родному дому, с грустью отправились в неизвестность.

Меня, как и всех, одолевали похожие чувства, но только они были связаны не с отъездом в Швейцарию. Очень скоро мне предстоит расстаться со своей семьей. На долгих шесть месяцев. Хотя они об этом еще не знают. И только сейчас я не вовремя поняла, как сильно их люблю и как страшно распрощаться с ними. Пусть даже не навсегда. Слезы ручьем побежали из моих глаз. Мама обняла меня за плечи, я прижалась к ней, не в силах унять рыдания.

– Мы обязательно вернемся сюда, Сашенька, – прошептала моя милая мамочка, и ее голос дрогнул – нетрудно было догадаться, что у нее сейчас глаза тоже были на мокром месте. Только не знала она, что задумала ее непокорная дочь.

41

В порту было очень оживленно. Коляски, двуколки, чемоданы, саквояжи, пассажиры с детьми, животными... Оказывается, не мы одни покидали страну. У большинства людей были озабоченные лица: каждый понимал, что это не увеселительное путешествие, ведь приходится оставлять родные места на несколько месяцев. А может, и на более долгий период.

Грузчики помогли нам занести вещи в каюту. В ней было две комнаты: одна – для родителей, другая – для нас с Никитой.

Когда все наши чемоданы и саквояжи были на пароходе, а мы в каюте, я отпросилась погулять по палубе.

Мама тревожно взглянула на меня:

– Хорошо, только недолго.

Она как будто чувствовала что-то.

Я тихо зашла в нашу с Никитой комнату и положила заранее приготовленное письмо брату под подушку, так, чтобы бумажный уголок торчал наружу.

После этого взяла свою сумочку, в которой лежала та сумма денег, которую я заработала в тетушкиной гимназии. Стараясь быть незаметной, смешалась с толпой и, поминутно оборачиваясь туда, где могли появиться на палубе мои родители, выскользнула на берег.

Через десять минут я уже была на таком расстоянии, с которого разглядеть меня в толпе было невозможно. Я собиралась сегодня отправиться к тетушке в Полянск. В город, где жила моя любовь. Я верила, что такая самоотверженность – остаться в России ради любимого человека – будет оценена Алексеем по достоинству. И еще надеялась, что та женщина, которую я видела вместе с Алексеем, была просто его родственницей...

ЗАВТРА – ГЛАВА 7 – НАШИ ДНИ.

...Звонок прозвенел отрывисто и звонко. Это случилось настолько неожиданно, что чемодан вынырнул из моих рук, как будто тоже вздрогнул от испуга. Я замерла, прислушиваясь.

Кто бы это мог быть? Как не вовремя!

Я на цыпочках подошла к двери и заглянула в глазок. За дверью стояла Валерия Смирнова, собственной персоной.

«Не буду открывать!» – решила я и тихо засеменила обратно.

Но за дверью сказали:

– Сенька! Я знаю, что ты – дома. Открывай!

«Вот принесла нелегкая!» – раздражённо подумалось мне.

Сразу пришли в голову мысли о «моих» подозреваемых. Может, именно Смирнова притащила картины сюда? Взяла ключик из моей сумочки, сделала дубликат, украла картины из музея и приволокла их в нашу квартиру. А теперь пришла проверить, стоят ли они тут или уже исчезли. А может, шантажировать меня собирается? А может...

Брр... Моя фантазия всегда зашкаливала! Зачем ей это надо, бедной Валерии, которую я так быстро записала в преступницы века? Ладно, надо бы замести в зале следы. Ну, то есть, я имею в виду, спрятать куда-нибудь картины. А там – видно будет.

– Минуточку! – громко прокричала я закрытой двери и бросилась в зал.

Подхватив две картины под мышки, я устремилась с ними, тяжелыми, в свою комнату, развив самую быструю из моих возможных скоростей. Недавняя тренировка погони за Глебом явно улучшила мою спортивную форму, потому что осуществила я всё молниеносно.

В спальне попыталась запихнуть картины в шифоньер. Но он был слишком забит всяким барахлом, и места для произведений искусств там не нашлось. Точнее, одна из картин уже почти вошла внутрь, но дверцу за ней я закрыть не смогла.

Пришлось запихивать обе картины под кровать. А потом мчаться за третьей.

Валерия между тем, похоже, плавила от нетерпения:

– Арсения, ты что там – умерла?

– Сейчас. Одеваюсь, – прокричала я и, схватив оставшуюся картину под мышку, а чемодан – за ручку, снова рванулась в спальную.

– Ну, принес же черт! – цедила я сквозь зубы по пути.

Неожиданно чемодан с грохотом упал на пол, а ручка от него осталась у меня в руке.

– Что там у тебя, Сеня?

– Не твое дело! – злясь, прошипела я.

Подталкивая чемодан и рукой, и ногой, попыталась продвигаться такой каракатицей в спальню. Потом, видя бесперспективность данной идеи, оставила его валяться на полу, а сама сконцентрировалась на картине.

Под кроватью места уже не было. Поэтому сунула картину за занавеску. Наконец

выскочила из спальни, поплотнее закрыла дверь и побежала в прихожую... Чуть не грохнулась, споткнувшись о чемодан. Подхватила его и снова рванула в маленькую комнату...

Первая (ядовитая) фраза от Валерии прозвучала так:

– Интересно, и что ты на себя надевала все это время?

Только тут до меня дошло, что я все еще в своей летней пижаме: коротких шортах и маечке.

– Заходи! – вместо ответа сказала я. – Что-то случилось?

– Нет, ничего! Просто заглянула поболтать! – был ответ.

Блин! Что, больше не с кем?!

Валерия по-свойски разулась и протопала в зал.

– Что делаешь?

«Хм! Хороший вопрос!» – подумала я.

– Да так..., – это было уже сказано вслух.

– Ты что, не одна? – округлив глаза, прошептала Валерия.

– Ну да, – неопределенно пожав плечами, отозвалась я.

После этого полуприкрыла глаза, сделала томный вид и глубоко вздохнула.

Глаза Лерки загорелись любопытным огнем:

– А кто он?

– Лер! – осуждающе протянула я.

Мол, некрасиво задавать такие нетактичные вопросы.

– Да ладно. Я никому не скажу... Это Ромка?

– Какой Ромка?!

– Как «какой Ромка»? Наш! Ромэо.

– О, нет, нет... Ты его не знаешь.

– И что, у вас всё серьезно? Или так...?

Я поняла, что поток Леркиных вопросов просто так не остановить. Поэтому, сделав круглые глаза, я прошептала заговорщицки:

– Я расскажу тебе о нем в понедельник. Сейчас не могу. Он меня ждет. Там, – я повела глаза в сторону, сигнализируя, где примерно меня ждет таинственный «он». – Так что иди, иди...

И я бесцеремонно начала подталкивать Валерию к выходу.

– Ах! Понимаю-понимаю... Он у тебя в спальне? – любопытство прямо распирало бедную Лерку.

Оказавшись снова в коридоре, она даже вытянула шею, чтобы попытаться увидеть того, кто прячется в моей спальне. Но дверь туда самым жестоким образом была предусмотрительно закрыта.

– Потом! Всеу свое время! – подняв палец, строго изрекла я.

– Понимаю... Ну, ладно... Пойду тогда, – и «понятливая» Лерка потяпала к двери.

Я, подавив вздох облегчения, сопровождала ее до выхода. Здесь я – не наигралась в самостоятельность! – умоляюще попросила:

– Только ты – никому!

– Ты что? За кого ты меня принимаешь? – сделала обиженную гримасу Лерка; обулась, попрощалась и, выскочив в подъезд, застучала каблучками вниз по лестнице.

Закрывшись, я уже вздохнула с облегчением полной грудью. Но тут же меня кольнула мысль, и облегчение растворилось, как кусочек сахара в горячем чае:

«А зачем она приходила? Странно!»

Я снова подумала о списке, где были написаны все подозреваемые, в том числе и имя Смирновой Валерии...

Через пять минут Леркин звонок на мой мобильный усилил мои подозрения.

– Слушай, Сеня... – спросила Смирнова на той стороне линии. – Я ведь чё приходила. Так хотелось с тобой обсудить... Ты думаешь: кто эти картины украл? Кто-то из наших?...

– А ты что думаешь?

– Давай потом поговорим. Тебе же некогда, – неожиданно пошла на попятную Валерия...

Я положила трубку на телефон и задумалась: то ли Лерка притворяется, будто ничего не знает (это в случае, если она виновна в краже), то ли действительно не в курсе, и ее просто снедает горячее любопытство, очень свойственное женщинам любого возраста, о том, кто вор и куда исчезли картины...

Все выходные я посвятила подготовке операции по возвращению «блудных» картин в музей.

Сломанный чемодан подлежал ремонту, чем я старательно и занялась в первую очередь. Он никак не хотел ремонтироваться: то ручка, которую я приматывала изолентой, опять отваливалась, то сам выскальзывал из рук...

Наконец ремонт был завершен, и я начала укладывать картины внутрь. Но, увы: смогли уместиться только две картины.

Закрыв чемодан, я подошла с ним к зеркалу: проверить, как буду выглядеть – подозрительно или не очень? Представила себе, как приду на работу: с большим баулом в руке. Нет, не то: бедный злосчастный аксессуар дорожных путешествий выглядел странно для визита в музей. Но даже, если в первый раз моя ложь типа «собралась на дачу к родителям», прокатит, что я скажу в следующий раз, когда придется тащить третью картину всё в том же конспиративном чемодане?..

А тут я еще кстати (или некстати) вспомнила, что следователь Прыгунов запретил мне выезжать за пределы города...

Что ж получается, чемодан отпадает? Ну, то есть отменяется...

Села на диван в задумчивости.

Вот ведь свалилась проблема на мою голову!

Или кто-то мне ее свалил?..

«А что, если взять мамину дамскую сумку?» – вдруг мелькнула мысль в моей продуктивной на эти самые мысли голове.

Конечно, дамской назвать ее сложновастенько: слишком огромная. Пожалуй, только

чуть-чуть меньше чемодана. Наши леди из музея обязательно съезжают что-нибудь по поводу моды ретро... Ну, это уже не важно.

Мама, как только вышла на пенсию, не использовала ее ни разу. А до этого частенько дамская сумочка, по размеру напоминавшая баулы челночников из девяностых годов, совершала с ней рейды за продуктами. И надо отметить, в сумку входило все! Удобно, так сказать, после работы пробежаться по магазинам...

Куда мамульчик могла убрать ее?

Посмотрим на антресолях... Ага, вот она, родимая!

В сумку одна картина помещалась легко. Но... молния не застегивалась. Чуть-чуть высота рамки картины превышала желаемое... Это не страшно, тут же сообразила я. Сверху положу свою шерстяную кофту. Она длинная и широкая. Прекрасно закроет верхушку рамки! Конечно, придется трижды совершать рейс туда-обратно с этим «баулом» и секретным грузом внутри. С другой стороны, хотя я потрачу на это три дня, зато, надеюсь, после удачно осуществленной операции, я освобожусь от статуса «подозреваемая», и мои бедные нервные клетки, которые я порастеряла за последнее время, начнут восстанавливаться.

Я подошла с маминной сумкой к зеркалу. Ну да! Намного лучше! А полусломанный и подозрительный чемодан может меня скомпрометировать...

Так, а что надеть? Ведь с такой огромной сумкой не каждый наряд будет в гармонии. Надену, пожалуй, джинсы. В них, кстати, карманы есть, что немаловажно в той ситуации, когда кто-то берет чужие ключи из чужих сумок. Больше я без надзора мои ключики не оставляю!

...За всей этой активной деятельностью я не заметила, как подкрался вечер. На улице уже смеркалось, и я включила свет в зале... Не знаю, почему, но здесь, в большой комнате, я себя чувствовала безопаснее, чем в своей спальне.

Вдруг домашний телефон, весь день простоявший в молчании, затрезвонил.

Я взяла трубку.

— Алло!

Молчание.

— Алло!.. Эй, кому там делать нечего? — гневно заорала я, больше от страха, чем от раздражения.

И швырнула трубку на рычаг. Телефон отозвался болезненным и несчастным звуком обиженного ни за что котенка.

А что, если это вор? Он решил забрать картины и звонит проверить: дома я или нет?!

Развить эту мысль я не успела, потому что телефон зазвонил снова.

Я осторожно взяла трубку и прислонила ее к уху. На той стороне была тишина.

— Сеня, это я! — неожиданно проблеял слабый голос с того конца провода, и я вздрогнула от неожиданности.

— Кто "я"? — испуганно спросила я.

— Я... Роман...

— Роман?! А... что тебе нужно?

— Я хотел бы поговорить.

Но я уже пришла в себя и по ходу — ну, типа, пока входила в себя, — видимо, потеряла всякую тактичность и вежливость. Мне подумалось, что опять этот Ромéo со своей

любовью. И я твердо заявила:

– Не сегодня! Все разговоры в понедельник.

И решительно бросила трубку...

После того моего спонтанного поступка прошел год. В стране творилось ужасное. Хаос, хаос, хаос. Везде. В любом городе, деревне, уголке.

Наши приют закрыли за «ненужностью». Девочек просто выпустили на улицу. Кого-то тётке удалось пристроить в семьи, старшие воспитанницы начали взрослую жизнь: работа, поиск жилья...

Тетя лишилась всех денег, которые у нее были в банке. Потом в ее дом стали подселять чужих людей. Чудесные комнаты разбивались на клетушки, их отгораживали друг от друга тонкими фанерными стенами.

Тётя, к счастью, успела занять свою собственную спальню, где стоял камин. Теперь мы жили втроем: я, она и Гертруда. Отдельную комнату нашей бывшей помощнице по хозяйству никто не дал, и мы пригласили ее к себе – у Гертруды совсем не было родных, поэтому ни ехать, ни идти ей было некуда. Теперь мы с тетей спали вдвоем на кровати, а для Гертруды приспособили маленький диванчик.

Впервые нам пришлось узнать, что такое нищета. Денег не хватало. Тетя потихоньку продавала вещи, которые успела перенести в спальню. На вырученные деньги мы покупали еду. Но банковские бумаги всё больше ничего не значили.

Становилось труднее и труднее. К тому же, начались перебои с продуктами. Приходилось отстаивать длинные очереди, чтобы купить хлеб. А на рынке цены были огромными.

Однажды тетя вернулась с рынка с мешком, внутри которого лежали потрепанные заношенные пальто и грубой вязки шапки, старые юбки и блузки неопределенного то ли серого, то ли коричневого цвета – сильно застиранные, а в некоторых местах заштопанные.

– Выменяла на рынке на нашу одежду, – пояснила она.

– Зачем?! – поразились мы с Гертрудой.

– Нам лучше быть одетыми как все, и не выделяться.

Я поняла, что имела в виду тетя. Прошлое довлело над каждым человеком, который недавно жил в достатке.

С дровами в ту зиму было плохо. Вечерами, сидя у едва горевшего пламени в камине и кутаясь в пальто и одеяла, мы больше молчали, чем говорили. Поэтому нам очень хорошо была слышна жизнь в других комнатах. Бранная речь, которую я практически не слышала в течение моей жизни, вскоре стала привычной. Бесконечные пьянки – тоже. По коридору шлепались какие-то мужики, которые вечно пытались задеть меня. Я боялась выйти в коридор даже для того, чтобы сходить в туалет.

Так мы и жили всю зиму: в страхе, в холоде, нужде.

Я ничего не знала о своей семье: почта не работала. В прошлом году, когда я приехала в Полянк, сбежав из порта, тетя послала письмо в Швейцарию, в свой дом, чтобы

успокоить родителей: «Сашенька со мной. Не волнуйтесь! Как только я закончу свои дела, мы вдвоем приедем к вам».

Но этого не случилось. События, стремительно развернувшиеся в России, не позволили нам покинуть страну. Однако ответ мы получить успели. Точнее, три, которые пришли в одном конверте и были написаны каждым из моих родных в отдельности.

Папа, тайно от мамы, упрекал меня в том, что я расстроила ее своим безрассудным поступком, и мама ночами не спала, плача тихо в дальней комнате. А мама, секретно от папы, сообщала, что он принимал сердечные капли, когда узнал о случившемся. Никитка же просто написал, что скучает по мне. Так же, как Ветерок: даже сейчас, далеко от дома, на каждый звонок, собака бежит в прихожую с радостным лаем, думая, что это – ее молодая хозяйка.

Я каждый раз плакала, перечитывая письма, написанные такими родными и знакомыми для меня почерками. Знали бы вы, мои милые, как и я сама сожалела о том поступке в прошлом году! Но что теперь можно изменить?

Одно радовало: устроились они хорошо, и теперь с нетерпением ждут нас с тетей. Ждут... Все изменилось, и уехать к ним мы уже не могли...

Увы, это было единственное известие о родителях и братике. Большие мы писем не получали. Но я надеялась, что у них по-прежнему все хорошо. По случайно услышанным разговорам мы знали, что в Европе только Швейцария избежала революции.

А в России мир перевернулся. То, что было белым, стало черным, что было черным, окрасилось в белый цвет. Теперь заповеди Божьи были отменены в связи с тем, что большевики не молились, не крестились, не признавали церковь. Оказалось, если нет Бога в душах людей – нет порядка. На улицу вечерами лучше было не выходить: ограбят до нитки. В удачном случае. В худшем: вместе с кошельком заберут и жизнь. Да и днём было небезопасно. Появилось множество бездомных голодных детей, которые рыскали по улицам в поисках еды и при случае вырывали у прохожих сумки из рук...

Ну, а Алексей?

Он так больше и не появился в моей жизни.

Первое время я еще могла ходить к его дому. Однажды даже набралась смелости и нажала кнопку звонка. Никто не вышел... Наверно, он, по примеру многих, покинул Россию. Откуда ему было знать, что глупая влюбленная девчонка вернулась в Полянск только за тем, чтобы быть с ним рядом?..

Однажды вечером в дверь громко забарабанили. Мы, испугавшись, посмотрели друг на друга и замерли в нерешительности, боясь подойти к двери. Но сделать нам это всё равно пришлось, потому что иначе дверь бы просто выломали.

В комнату вошло трое мужчин. Каждый из них имел какой-то атрибут, говоривший о том, что человек относит себя к новой власти. На одном были солдатские сапоги. Обладатель их выглядел суровым и неразговорчивым. Темная лохматая борода, закрывавшая верхние пуговицы шинели, смотрелась пугающей и делала похожим его хозяина на лесного разбойника из старых детских сказок. Бородатый сжимал в руках винтовку и косо поглядывал на нас. Второй – тощий, длинный, с самокруткой в зубах –

курил, и от его предмета курения исходил едкий дым. Гертруда тут же закашлялась. Курыка только презрительно хмыкнул.

А третий был одет в кожаную куртку. Он выглядел совсем молодым, чуть больше двадцати, но, стараясь казаться старше своих лет, все время хмурился так, что брови на переносице почти сходились вместе. Как оказалось позднее, именно он был главным в этой группе.

– Мы проверяем, сколько человек живет в каждой комнате, – произнёс парень в куртке и осмотрел нас всех по очереди.

На мне его взгляд задержался дольше, и я испуганно сжалась. Новые люди власти вызывали у меня чувство паники и страха. Они были агрессивными, бесцеремонными и непредсказуемыми.

Однако тетюшку смутить было сложнее, чем меня. Она очень спокойно стала объяснять:

– Нас живет здесь трое. Я, моя племянница и ...Гертруда.

Слова «служанка, прислуга» были вычеркнуты из современного лексикона. Эксплуатация человека человеком отменена. Хотя я и в мыслях не думала о Гертруде как о человеке ниже нас по положению. Она нам была как родная: много лет Гертруда работала в доме тети, а последний год сблизил нас еще больше.

Парень снова посмотрел на меня. И спросил, обращаясь ко всем сразу:

– Кем вы работали до революции?

Тётя заговорила, он обернулся к ней.

– Я была директрисой в женской гимназии, которую вы закрыли за ненадобностью, а моя племянница работала там наставницей для девочек. Гертруда сидела дома, помогала по хозяйству.

Парень внимательно выслушал тетю, помолчал, потом снова перевел взгляд на меня. Я испугалась, что он сейчас рассердится, услышав такое прямое обвинение: «закрыли за ненадобностью». Но он ничего не сказал и, кажется, раздумывал о чём-то своём.

– Очень хорошо, – наконец произнес гость, которого не звали. – Революции нужны грамотные люди. Вы будете обучать рабочих читать и писать.

В его тоне звучал приказ, не предложение, не просьба.

– Что?! – переспросила в недоумении тетя. – Что вы имеете в виду?

– Мы организовываем вечерние занятия для взрослых. Вы и ваша племянница будут учить рабочих и солдат грамоте.

– Но... где?

– Об этом не беспокойтесь. Помещение я вам подыщу. – Он снова взглянул на меня, а я торопливо опустила глаза. – Думаю, занятия начнутся через неделю...

Но он вернулся уже через два дня. Вошел решительно. Долгим взглядом посмотрел в мою сторону, чем поверг меня в очередной испуг. Потом повернулся к тете.

– Все готово, – объявил он. – Заниматься будете в церкви.

– В церкви? – поразилась Гертруда; она была очень набожная. – Как же можно в церкви? – конечно, ей показалось, что это неправильно: расположить школу для рабочих в

храме.

Для парня ее беспокойство было абсолютно непонятным. Поэтому объяснение прозвучало странно:

– Там много места пропадает... Мы поставим столы, стулья, пригласим людей... Только вот что... Я видел старые дореволюционные буквари. Они не подходят. Нам нужны в букваре новые слова: Ленин, коммунизм, свобода, равенство. Вы меня понимаете?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я хоть и понимала его, но что ответить, не знала. Поэтому тревожно помалкивала и внутренне дрожала. К тому же, этот парень в кожаной куртке слишком часто смотрел в мою сторону, и мне от этого становилось всё больше не по себе.

Меня выручила тетя.

– Мы с вами согласны, – проговорила она. – Новое время всегда приносит новые слова. Но кто же создаст такой букварь? Нужен специальный человек, который умеет писать именно буквари. Ведь там слова на самых первых страницах очень зависят от порядка изучаемых букв.

Парень задумался на минутку, потом ответил.

– Я думаю, что возьму это на себя. Просто больше некому. Вы понимаете: война. Найти такого специалиста сейчас будет непросто. А вы, – он обернулся ко мне, – мне поможете.

– Я?! – в панике переспросила я.

Больше не нашла, что сказать: стояла и моргала.

Он как будто не заметил моего испуга. Добавил только:

– Я приду к вам завтра утром, часов в десять, и мы посмотрим, что можно сделать.

Только дверь за ним закрылась, я бросилась к тете, прижалась к ней и зашептала:

– Я его боюсь! Почему он на меня так смотрит?

Тетя обняла меня за плечи, и я услышала, как она подавила вздох:

– Не бойся, девочка. Страхи притягивают к нам то, чего мы боимся. Лучше думай, что он не собирается причинить тебе зла. И ничего плохого не произойдет.

Гертруда подошла и погладила меня по голове.

– Мне кажется, он – неплохой! По крайней мере, не слишком наглый и агрессивный.

Таким образом, и она внесла свою лепту в мое успокоение...

Парня в кожаной куртке звали Матвеем.

Утром он добросовестно пришел в установленное время, отказался от предложенного чая, заявив, что «делу – время, потехе – час».

Тетя еще с вечера оборудовала «рабочее место». Так как мебели в комнате было мало, тетушка положила откуда-то принесенную столешницу прямо на приближенные друг к другу спинки кровати и кресла. Получилось что-то вроде стола. Правда, высоковатого. Увидев, что в комнате нет ни одного стула, Матвей вышел и через несколько минут вернулся с двумя табуретками.

– Раздобыл у соседей, – пояснил он.

«Они когда-то были нашими», – зачем-то подумала я.

Но сейчас, по новым законам, все стало общим. Так что бывший фронтовик, которого поселили в одну из комнат тетиного дома, с удовольствием их оприходовал.

Мы с Матвеем сели за «стол» и принялись за работу. Я чувствовала себя очень неловко и зажато рядом с ним. Но все время помнила: он – человек новой власти, поэтому бастовать не пыталась. Знала, что неподчинение может привести к проблемам для меня и моих близких. Придется мириться с той ролью, которая сейчас была им мне отведена.

Он, казалось, не замечал моих боязней. Возможно, решил, что все барышни такие. Много ли ему приходилось общаться с девушками моего круга? Вряд ли.

– С какого слова нужно начать? – спросила я робея.

– «Ленин», – ответил он без раздумий.

Я написала слово «Ленин».

– Если мы на первом уроке выучим это слово, ученики сразу будут знать четыре буквы: Л, Е, Н, И. Это не много?

– Ничего страшного. Люди взрослые, осияют.

– Из этих букв можно составить слова ЕЛИ, ИЛИ, НИЛ...

– Что такое «Нил»? – спросил Матвей.

– Это река такая, в Египте.

– Понятно... Ну, пусть будет река в Египте.

– На первом уроке мы научимся писать эти четыре буквы и слова. Хорошо?

– Хорошо. А потом, Саша, вы почитаете им газету. Я принесу... Ну, вот, видите, не так все и сложно. А вы боялись...

Он ободряюще улыбнулся мне. Я в очередной раз предпочла отвести глаза, но улыбнулась в ответ, только в сторону...

...Мы просидели еще часа два, составляя «новый революционный букварь». Порядок изучения букв вскоре был установлен. Новый букварь утонул в революционной тематике. Предполагалось, что к концу обучения рабочие уже смогут прочитать не только лозунги типа «Долой угнетателей всего мира» или «Вся власть народу», но и смогут осилить газеты.

Уходя, Матвей крепко мне пожал руку и неожиданно сказал:

– Большое спасибо, Александра!

Мне стало смешно от этого рукопожатия. И я впервые посмотрела прямо ему в глаза и улыбнулась. Неожиданно он засиял мне в ответ.

Видимо, Матвей обладал хорошими организаторскими способностями, потому что занятия начались уже через день.

Непривычно приходиться в церковь для того, чтобы кого-то учить грамоте. Однако именно это мы теперь с тетей и должны были делать.

Матвей планировал, что будут одновременно заниматься две группы. Парты были поставлены в противоположные стороны церкви, чтобы классы могли учиться спокойно и не мешать друг другу. Тетя и я учили одному и тому же, а выбор нас, как учителей, определялся просто: кто в каком углу церкви сел, в том классе и оказался.

Желающих заниматься набралось много: человек восемьдесят. Это были самые разные люди: солдаты и рабочие, старые и молодые. Некоторые из них хропали, у одного не было руки. А когда один из молодых солдат снял буденовку, я увидела, что на месте уха у него кривой шрам. У меня запершило в горле от жалости: парень был моим ровесником, а то и младше.

В основном, нашими учениками должны были стать мужчины. Хотя среди пришедших оказалось несколько женщин. Одевались те по-современному: юбки, едва закрывавшие колени, кожаные куртки, косынки на голове... Некоторые из них без смущения курили и могли ответить на грубую мужскую шутку матерным словом.

«Долго мне придется привыкать к таким ученикам!» – мысленно вздохнула я.

И начала урок. Видела, что смотрят на меня недоверчиво. Но слушают.

Матвей тоже сидел здесь, за последней партой. Как он сказал до урока, что останется с целью поддержать меня. Я все время чувствовала на себе его взгляд, хотя старалась не смотреть в сторону парня.

«Ученики» повторяли за мной названия букв, читали слоги, сливали их в слова. Мне казалось, что от них исходит волна неприятия: ведь я для их круга – «пережиток прошлого», кисейная барышня. Но работа постепенно втягивала и меня, и моих учеников. Они увлеклись, и, что мне особенно нравилось, очень старались. Я поняла: этим людям действительно хочется научиться писать и читать. И, закончив первый урок, почувствовала, что получила удовлетворение от взаимной работы.

Так я стала учителем в рабоче-крестьянской школе.

Жизнь неожиданно начала улучшаться. Нам стали выдавать продукты – вместо денег. Мы впервые за долгое время стали наедаться. Также нас обеспечили дровами на правах пролетарских учителей. Голод, нужда и холод умили свою силу...

Прошло два месяца. Наступила весна.

Новая роль учительницы рабочих мне неожиданно понравилась. Взрослые ученики были внимательными, старательными и усидчивыми. Правда, менялись часто. И это понятно: война – люди уходят на фронт.

Я пользовалась авторитетом, несмотря на свою молодость: те, кто постарше, называли меня «дочкой», остальные величали по имени-отчеству.

Меня уже не смущала революционная тематика уроков – я просто привыкла к ней. Вся страна была пропитана этим: море новых слов, выражений; газеты потеряли свою обыденность и спокойствие. Всё бурлило вокруг.

Матвей присутствовал на занятиях все время. Хотя умел читать и писать сравнительно хорошо. Но ему, как я понимала, хотелось быть ко мне поближе.

То, что Матвей влюбился в меня, я поняла очень скоро. Он провожал мою персону на занятия и обратно, ссылаясь при этом на небезопасную обстановку в городе. Если я просила дождаться и тетю, он не сопротивлялся. На любую просьбу тут же отзывался, никогда не спорил и выполнял все беспрекословно.

Однажды я пошла на маленькую хитрость и предложила Матвею прогуляться перед

вечерними занятиями в церкви. Сказала, что погода становится по-настоящему весенней, и возникает непреодолимое желание больше бывать на улице. На самом же деле, мне захотелось взглянуть на дом Алексея. Ведь я не была в том районе города целую вечность. Похоже, весна разбудила не только природу, но и взбудоражила мои старые чувства.

«Может, он все-таки остался в Полянске? Просто тогда отъезжал на какое-то время?» – думала я, стараясь уговорить в груди мое проснувшееся сердце.

Конечно, Матвей не догадывался о моих истинных намерениях, – то, что мы собираемся не просто прогуляться, а пройти мимо дома человека, в которого я влюблена. Для него должно было выглядеть всё естественно: просто прогулка перед работой.

Но Матвей отреагировал неправильно: я заметила, как счастливо блеснули его глаза.

Мне стало стыдно. Ведь он-то подумал, что я удлинила маршрут ради него – побыть с ним подольше. Тут же внутренне одернула себя: мне нет дела до его чувств, я не виновата в их появлении.

...Когда мы проходили мимо дома Алексея, я сбавила скорость. Вот он – дом, где жил (или живет?) милый сердцу человек. Вот он – дом, мимо которого я проходила не раз, но никогда мне не удалось встретить там художника.

Где он, мой дорогой? Жив ли? Время ведь такое беспокойное.

Сердце от тревог тут же болезненно сжалось.

Снова старые ощущения того удивительного времени, когда мы были рядом, вернулись ко мне, и тело охватила дрожь. Как же я была счастлива и несчастлива одновременно в тот далекий период! С одной стороны, безответная любовь, эта вечная незаживающая рана. Но с другой, вера в то, что у Алексея просто были причины не демонстрировать мне свои истинные чувства.

А может, он ко мне ничего не испытывал, и просто я всё себе выдумала?

Что за странная штука – человеческий мозг? Если бы я не сбежала тогда от родителей, а поехала с ними в Швейцарию, то жалела, что рассталась с любимым. Ну, а сейчас я жалею о том, что совершила опрометчивый поступок... Алексей исчез из моей жизни и даже не попытался найти меня, чтобы поинтересоваться, как живет девушка, которой он давал надежды и с которой нежно целовался у моря...

Дверь в его дом была закрыта. Свет в окошках не горел. В общем, не было ни единого признака жизни.

Неужели никто здесь больше не живет? А как же привычка новой власти заселять дома, принадлежавшие когда-то обеспеченным людям?

Тут вдруг дверь, как по моему заказу, открылась, а ноги мои от такой неожиданности подкосились. Если бы я не схватила Матвея за руку, то наверняка упала бы. Но из дома появился не Алексей, а вышла женщина в старом платке, в разношенном сапогах и безразмерном пальто. За ней выскочили два малыша, оба так закутанные большими, грубой вязки, платками, что понять, девочки это или мальчики, было невозможно.

Как я могла подумать, что по-прежнему могу увидеть здесь Алексея? И тут тоже живут семьи рабочих! Никто бы не оставил пустовать дом. Времена изменились.

Женщина взяла детей за руки, они повернули в противоположную сторону от нас и зашагали по улице.

Я тяжело вздохнула и... только тут обнаружила, что все еще держу Матвея за

руку. Он стоял, смотрел на меня во все глаза и глупо улыбался.

– Ой, прости, – я отдернула руку. – Голова закружилась...

– Сашенька, ты, наверно, плохо питаешься? Пойдем ко мне, я накормлю тебя... Мы получаем спецпак... Пойдем, – горячо повторил он, видимо, боясь моего отказа. И потащил меня за собой.

Я все еще не пришла в себя и поэтому покорно потопала за ним...

...И он действительно привел меня к себе, где мою нежную психику ожидало новое потрясение: Матвей занимал комнату в бывшей тёткиной гимназии!

...Мы зашли в фойе. Я не была здесь уже целую вечность и поразились тому, как сильно всё изменилось. Теперь уют напоминал большой муравейник. Люди сновали туда-сюда. Женщины развешивали белье прямо в коридоре. Дети разных возрастов бегали друг за дружкой, натываясь на взрослых и получая затрещины. Только на дверях остались старые таблички с названиями кабинетов: «Французский класс», «Класс истории» – напоминание о другом времени, когда это здание называлось гимназией.

В комнате, где жил Матвей, раньше находился класс арифметики. Мы зашли внутрь. Удивительно, что здесь было тепло, как будто кто-то затопил печку до нашего прихода.

Тут все еще стояло несколько парт. Они были сдвинуты к стенам и окну, образуя в центре пустое место, там красовалась кровать с высокими металлическими ажурными спинками. Я вспомнила, что такие кровати были у наставниц: ведь некоторые из них находились в гимназии в течение ночей. Все еще висела доска на стене, к месту учителя, как прежде, вела высокая ступенька.

И мой стол – тот, за которым я сидела на уроке и наблюдала за девочками, – тоже стоял в комнате, и к тому же, на том самом месте. Я подошла к нему, ласково задела его, как старого приятеля. Немедленно вспомнился последний день, когда бедная Маша краснела у доски и отчаянно пыталась решить задачу про купца.

Кажется, с того времени прошла целая вечность. Где они сейчас, мои милые подопечные?

Слезы навернулись мне на глаза. Захотелось, чтобы время повернулось назад, и я снова оказалась в том милом прошлом.

Мои мысли прервались неожиданно, потому что я почувствовала, как сзади, очень близко ко мне, подошел Матвей. Я резко обернулась и... оказалась прямо в его объятиях. В следующий момент он уже целовал меня, крепко прижимая к себе. Я не могла шевельнуться – так сильно он сжал меня. Но попыталась. Потом замычала: испуганно и отчаянно. Это помогло: Матвей расслабил руки, но не выпустил меня совсем.

Я хотела ему сказать, что это неправильно, что в моем сердце уже есть любовь – к другому мужчине. Но Матвей заговорил первым и не дал мне вставить ни единого слова:

– Я не знаю, что сказать... Это все пережитки прошлого – говорить о любви. Но мне так хочется быть с тобой... всегда... рядом... Сашенька, ты не думай... Я очень серьезно. Сейчас власть рабочих регистрирует браки в городской управе... Пойдем туда.

Мы станем ячейкой нового общества.

Я слушала его и ничего не понимала. О чем он говорит? Какая ячейка? Что за регистрация?

Матвей между тем перешел от слов к действию и снова приник к моим губам, но уже мягче, с нежностью, так не похожей на него, человека нынешней власти. И вообще, на весь их новый мир.

– Пожалуйста, не надо, – прошептала я, и захлопала ресницами, стараясь удержать в глазах слезы. Однако они непрошенными гостями побежали по щекам.

– Сашенька, я обидел тебя? – искренне заволновался он. – Прости... Ты не думай, что я... Я – серьезно. Ты подумай о том, что я тебе сказал. Ладно? Я сделаю все, чтобы тебе жилось хорошо. И твоей семье тоже. Вам всем будет лучше под моей защитой. Время сейчас беспокойное. Кругом – классовые враги. А в некоторых местах, что плохо для таких..., – он остановился, подбирая слова, – ...как ты и твоя семья, бывают перегибы. Могут расстрелять невинных людей, которые даже, может, и сочувствуют новой власти, и готовы помогать ей... Ошибки, конечно, неизбежны. Но если ты будешь моей женой, никто не посмеет тронуть ни тебя, ни твоих близких... Я делал запрос о твоей семье. Я знаю, что они уехали за границу. Здесь, в городе, я написал о тебе, что ты сирота. Помнишь, мы приходили к вам? Вот тогда я и написал в документах эту информацию.

– Что? – переспросила я, не поняв с первого раза хода его объяснений.

Потом до меня дошло. Тут же я вспомнила маму, папу, Никиту, и слезы с новой силой хлынули из глаз. Я – сирота! Хотя я действительно иногда ощущаю сиротство – без них, без моих милых родных.

Матвей понял это по-своему.

– Прости. Я не мог придумать ничего другого. Я написал, что они были расстреляны белогвардейцами, как сочувствующие красным... Ты подумаешь... о моем... предложении? – снова напомнил он.

Размазывая слезы по щекам, не знаю, почему, но я кивнула. Хотя в душе ни на секунду не сомневалась: я никогда не стану женой этого чужого для меня человека.

Да, я так думала, пока кое-что не случилось...

Матвей стал бывать у нас чаще. Видимо, то, что он предложил мне стать его женой, давало ему какие-то особенные права. Однако к разговору о женитьбе не возвращался.

По-прежнему, он встречал и провожал меня вечерами, хотя дни стали заметно длиннее, ведь приближалась весна.

Однажды в такой светлый вечер он сопровождал меня до работы. Мы прошли мимо небольшой группы людей, окруженной вооруженными солдатами.

Хотя похожую картину я видела не раз, но привыкнуть к такому не могла. Людей вели в тюрьму? Или на расстрел? Тех несчастных, которых с чьего-то злого языка именовали «врагами революции» или «врагами народа».

Когда мы проследовали мимо, я обернулась назад.

И тут ноги мои подкосились: там, среди арестованных и, возможно, обреченных, стоял Алексей. Хотя трудно было узнать в нем ухоженного красавца, из-за которого я

когда-то потеряла голову, но сердце обмануть невозможно – это был он.

Меня затрясло как при сильном ознобе, из груди стали вырываться сухие рыдания.

Матвей мгновенно оценил ситуацию, подхватил меня под руку и торопливо потащил за собой. Но не к нам домой, а к себе – сейчас это было ближе. Я с трудом перебирала ногами. В глазах по-прежнему стоял грязный, несчастный, оборванный Алексей...

...И вот мы уже в гимназии, в его комнате. Матвей усаживает меня на кровать, убегают... Вскоре появляется со стаканом в руках. Пытается разжать мои кулаки, чтобы дать мне выпить воды. Ему это не удается. Тогда он подносит стакан к моему рту и старается напоить меня. Опять безрезультатно. Последнее, что он делает: плещет воду мне в лицо. Я замираю, испуганно смотрю на него, ничего не понимаю. Почему он обливает меня водой? Но это помогает – я начинаю что-то соображать.

После этого громко всхлипываю, и этот всхлип, как сигнал для слёз, которые тут же ручьем бегут из глаз...

...Матвей присел рядом, обхватил меня за плечи. Затем торопливо полез в карман, извлек оттуда какую-то грязную тряпку, быстро спрятал ее обратно. Вскочил. Убежал. Вернулся с полотенцем в руках. Протянул мне его, сел и снова обхватил меня за плечи. В этот момент я позволила себе зарыдать в голос, уткнувшись в сомнительной чистоты полотенце. Матвей не торопил меня, ждал, когда я немного успокоюсь...

Когда наконец я перестала выть, а просто сидела, уставившись в одну точку, Матвей спросил осторожно:

– Кого ты там увидела?

Я промолчала. Да и что ему ответить? Там человек, к которому у меня сильные чувства? А что будет дальше? Если Матвей не равнодушен ко мне, он может попытаться избавиться от соперника. Это так просто – при его-то власти. Только словечко замолви. Пока, сейчас, еще есть надежда, что Алексея просто подержат в тюрьме и отпустят, а вот после «ходатайства **своего** человека» – всё, конец!

– Он – твой родственник? – снова спросил Матвей.

Я удивленно повернулась к нему.

«Он... Почему Матвей говорит «он»? Просто заметил, на кого я смотрела?.. Ах да, ведь там были только мужчины».

Однако я отчаянно ухватила за слово «родственник»:

– Да, он – мой родственник, но очень дальний.

– Как его зовут?

– Алексей.

– А фамилия?

– Алексей... Я не помню его фамилию...

– Как это? Ведь он твой родственник!

– Дальний... У меня просто так голова разболелась, и я... забыла. У меня выскочило слово из головы.

А ведь ужасно, если задуматься! Я не знаю фамилии человека, которого люблю!

- Сколько ему лет?
- Тридцать четыре... Нет, уже больше. Тридцать шесть.
- Я попробую что-нибудь сделать, – пообещал Матвей. – Ты побудь здесь. Я скоро приду.

Я испугалась, схватила его за руку. Он удивленно обернулся. Нет, во взгляде его не было чего-то такого, что бы подсказало мне: он идет на расправу...

Может, и в правду, поверил и хочет помочь?

Я разжала пальцы...

Матвей ушел.

Я осталась одна. Сидела и напряженно прислушивалась к звукам за дверью. И пыталась рассчитать время каждого действия Матвея. Вот он уже подошел к тому месту, где мы увидели арестантов. Вот он разговаривает с красноармейцами, объясняя им ситуацию. Они верят ему и отпускают Алексея. Вот он идет обратно. Сейчас он должен зайти в свой дом, ну то есть в бывшую гимназию...

Нет, тихо. Никто не хлопает наружной дверью...

Каждый раз, когда слышались шаги в коридоре, я вздрагивала. Но это был не Матвей.

Время тянулось, на улице уже стемнело. А он все не приходил и не приходил. Я вдруг вспомнила, что должна была работать сегодня вечером в школе. Но даже не вздрогнула от этой мысли. Что там люди, которые собрались и ждут меня, если могут расстрелять самого дорогого моему сердцу человека?..

За окном было уже темно. И в комнате стало прохладней. По ногам гулял сквозняк. К тому же, я еще и нервничала. Поэтому скоро зубы начали выбивать дрожь.

Я разулась, забралась с ногами на кровать и уткнулась в подушку – голова была тяжелой, и держать ее у меня не было сил. Чувствовала себя изнуренной как после тяжелой болезни. Натянула на себя одеяло... Ну, и вскоре заснула... Нет, не заснула, а провалилась в какое-то забытье. И мгновенно очнулась, как только Матвей вошел в комнату. Села. Встать – не было сил. Я боялась, что по его движениям пойму: ничем помочь Алексею он не смог...

Матвей пересек темноту, сел рядом со мной на кровать. Помолчал. Я напряженно ждала, боясь спросить и услышать самое страшное.

Наконец парень проговорил тихо:

– Все хорошо. Его перевели в другую камеру, для пересмотра дела. Если он будет разумным и подпишет сотрудничество с новой властью, его выпустят.

Он повернул ко мне лицо. Я не видела его взгляда в темноте, но опустила глаза. Мне казалось, что он догадывается, КТО действительно для меня Алексей. Потом тихих поблагодарила:

– Спасибо!

Матвей помолчал, раздумывая о чем-то, потом все-таки задал опасный для меня вопрос:

– Кто он? Твой бывший жених? Ты любишь его? – голос его дрогнул.

– Нет... Я же объясняла тебе: он мой родственник.

– Я спросил его... Он тебя не знает...

– Не знает?! – в моем голосе было неподдельное разочарование – я как будто услышала себя со стороны. Потом собрала волю в кулак и попробовала предположить: – Он просто не хотел меня ввязывать в эту историю.

– Может быть, – тихо отозвался Матвей.

Встал. Прошелся по комнате туда-обратно. Я чувствовала: он очень взволнован. Матвей остановился напротив меня и произнес тихо:

– Ложись спать. Я сбегая к твоим, предупрежу, чтобы не волновались, – помолчал, потом добавил: – Утром поговорим.

Неожиданно страх сжал мое сердце. Я вскочила и испуганно схватила Матвея за руку.

– Ты ведь ничего с ним не сделаешь? – выдохнула я в порыве чувств, и тут же поняла, что выдала себя полностью.

Матвей несколько секунд стоял неподвижно, и мне даже показалось, что я вижу гнев в блеске его глаз. Потом осторожно высвободил свою руку.

– Ложись спать. Я не собираюсь ничего устраивать за твоей спиной.

Что мне оставалось делать? Только поверить ему...

Я послушно вернулась к постели, села, опустила голову на подушку, закрыла глаза. Но напряженно продолжала прислушиваться. Он постоял немного, потом вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь...

Я погрузилась в сон немедленно...

И мне приснились мама, папа и Никита. Они сидели у моря на шезлонгах. День стоял яркий, солнечный (хотя бы во снах я вижу всё, погруженное в солнечный свет; в жизни давно уже не так).

Мама сказала:

– Где-то Сашенька задерживается. Пора бы ей уже вернуться.

Папа ответил:

– Не страшно. Еще часа четыре до темноты. Вернется.

Я увидела во сне себя. Как будто иду к ним и говорю:

– А вот и я.

Но они меня не слышат и не видят. Смотрят все также на море, разговаривают о каких-то пустяках, а меня не замечают.

– Мапочка, папочка, я здесь! – повторяю я.

Та же реакция.

Никита громко кричит:

– Ветерок!

Выскакивает из кустов наша собака и бежит к нему.

Я думаю:

«Ну, собака уж точно меня заметит!» – и радостно разворачиваюсь к ней.

Однако Ветерок проносится мимо и не обращает на меня никакого внимания.

Я оборачиваюсь к своей семье. Но уже никого нет на пляже. Пусто. И погода изменилась. Черные тучи на небе, большие волны.

– Мамочка! Папочка! Никита! – испуганно кричу я, но никто не отвечает.

Вдруг на большом расстоянии от себя я вижу фигуру, бредущую по пляжу. Лица не видно – слишком далеко. Но неожиданно меня озаряет догадка: только одного человека я могу встретить здесь – Алексея.

Я бегу навстречу. Только между нами вдруг возникает что-то невероятное. Ветер закручивает темно-серые клубы пыли и полностью закрывает от меня Алексея. Однако остается надежда, что если я буду идти прямо, мы обязательно встретимся. И я иду. Иду. И иду. И мне кажется, что никогда и никого больше не смогу увидеть из той далекой прошлой жизни. Что я заблудилась в этом водовороте времени. Меня безжалостно засосало в него, как легкую щепку. И начинаю плакать: горько, безнадежно.

И как будто ветер сжалился надо мной. Столб темной пыли падает вниз, и я тут же вижу Алексея.

Радуюсь, подбегаю к нему. Но он протягивает вперед руку растопыренной ладонью ко мне, как бы показывая: не подходи близко! Я останавливаюсь, замираю, вглядываясь в его лицо. Он не улыбается. Смотрит на меня холодно, отчужденно. Потом произносит:

– Да, я знаю тебя, но я не хочу тебя знать! Запомни это.

И повернувшись ко мне спиной, уходит в неизвестно откуда упавший на берег туман. Мое горло как будто сжимает чья-то рука. Я не могу вымолвить ни слова. Просто смотрю в оцепенении ему вслед. Но сердце плачет и спрашивает:

– Почему?!

Туман исчезает на какое-то время. Я вижу спину художника, а он, как ни странно, слышит мой немой вопрос. Останавливается, оборачивается, долго, в молчании, глядит на меня издали. Даже как будто неведомая сила приближает нас опять друг к другу, чтобы я могла увидеть его холодный, отчужденный взгляд.

Я хочу успеть сказать ему о своих чувствах. Но Алексей опережает меня.

– Не говори ему обо мне, – только это слышу я, и он исчезает во вновь упавшем сверху тумане.

Я, пытаясь удержать его, делаю шаг вперед и ... проваливаюсь в темноту, во мрак. Чувствую, что лечу вниз, но после того, как любимый человек отверг меня, мне уже ничего не страшно...

Я с трудом открыла глаза и сначала не могла понять, где нахожусь. Потом вспомнила: и что было вчера, и свой ужасный сон. Почувствовала себя одинокой, беззащитной. И тихо заплакала, уткнувшись в подушку.

– Саша! – услышала я знакомый голос и испуганно притихла.

Матвей был в комнате: я просто не заметила его. Почувствовав, что он присел на край кровати, напряглась. Вздрыгнула, когда он положил мне руку на спину. И, испугавшись его следующих действий, торопливо села.

Уже наступило утро. Теперь, в отличие от вчерашнего темного вечера, я хорошо могла видеть лицо Матвея.

Наши взгляды встретились. Его глаза были полны тревоги. Что было в моих, не знаю. Но он почему-то нахмурился и отвел взгляд. Сказал в сторону:

– Я сходил вчера к Тамаре Александровне и к Гертруде. Предупредил, что ты здесь.
– Спасибо, – тихо поблагодарила я. – Пойду домой, – я вылезла из-под одеяла и поставила ноги на пол.
– Хорошо, я провожу.
– Можно я сама пойду, Матвей? – заупрямилась я.
Мне хотелось побыть наедине с самой собой, без моего вечного провожатого.
– Нет! – тоном, не терпящим возражений, твердо сказал он. И прочеканил каждое слово: – Я. Тебя. Провожу.
Я нахмурилась, подавила вздох, сердито отвернулась от него. Но... смирилась...
Теперь понимаю, почему он настаивал быть рядом. Время действительно было страшное. Людей легко арестовывали, легко раздавали им обвинения, легко расстреливали. Матвей знал это лучше меня, потому что был частью той власти. Я тоже знала кое-что, но видимо, не настолько серьезно все это понимала...

Дома я рассказала тётё о том, что со мной случилось вчера.
– И что Матвей? – глаза ее расширились.
– Он помог ему. По крайней мере, **мне** так сказал.
Как будто холодная льдина вдруг прикоснулась к моему сердцу:
– Тётя, а вдруг Матвей меня обманул?! Он не помог Алексею, а наоборот... И просто притворился, будто спас его, чтобы я думала, какой он благородный...
Тётя Тамара с тревогой посмотрела на меня.
– Девочка моя милая! – вдруг прошептала она и прижала меня к себе. – Только больше не делай глупостей! Прими, что происходит, как неизбежное. У каждого – свой путь, и ты не сможешь изменить это.
Я испуганно посмотрела на тётю, не понимая, что она пытается мне сказать.
– Забудь Алексея! У него своя жизнь. Видишь, он даже не помнит тебя!
– А Матвей?
– Что «Матвей»?
– Думаешь, он помог ему?
– Думаю, да. Мне кажется, Матвей – лучше, чем ты о нем думаешь...

Но тётнины слова не дошли до моего сознания.
Я снова «заболела» Алексеем.
Сидела в кресле, закутавшись в плед, нервно вязала спицами шарф, не задумываясь о его длине. И думала о моем бедном, попавшем в страшные неприятности, художнике. По сторонам не смотрела, вокруг себя никого не замечала. Перед глазами стоял образ Алёши, но каждый раз в разном облики. То я видела его таким, когда мы встретились в первый раз, то – грязным, бледным, оборванным.
В голове толкали друг друга вопросы: где он, что с ним, живой или неживой?..
Но задать их Матвею я не решалась.
Этот «человек нового времени» дал мне пару дней на то, чтобы прийти в себя после увиденного и пережитого. А потом все снова вернулось в моей жизни на ту же дорогу.

...Однажды Матвей сказал:

– Саша, сейчас в церкви не венчаются. Сейчас ходят в городскую управу. И там записывают свои имена в книгу, ну... не в простой книге, в специальной... И после этого они муж и жена. Может, мы сходим?

Я сначала пыталась вникнуть, что он имеет в виду. Потом поняла: замуж опять зовет. И меня охватила мелкая дрожь. Сказать категорическое «нет» я боялась. Но и «да» говорить совсем не хотелось. Да и какое мне сейчас замужество, если я опять «заболела» Алексеем?

Подумалось: хорошенькое бегство от свадьбы с Антоном – от одного нежеланного жениха к другому. Здесь даже еще хуже. Сбежать теперь некуда.

Я не нашла ничего лучшего, как отмолчаться, неопределенно пожав плечами. Но Матвей ждал ответа, неотрывно наблюдая за мной.

– Можно, я подумаю? – только и нашлась, что сказать ему.

– Конечно, – без энтузиазма кивнул он.

И подавил вздох...

Вечером я тихонько рассказала о предложении Матвея тете и Гертруде. Немка сразу запричитала:

– Ой, беда-то! Что делать теперь? Ведь не отступится! А не согласишься, еще и...

Спокойная рассудительная тетя резко пресекла ее, подняв руку. А потом сказала, обернувшись ко мне:

– Не беспокойся. Может, что-то изменится в нашей жизни в ближайшее будущее.

– Ох, тетя, – с внутренней болью отозвалась я. – Что тут может измениться?..

Гертруда все еще не могла успокоиться. Как только тетя вышла из комнаты, она горячо зашептала мне на ухо:

– Сашенька, девочка моя! Держись подальше от Матвея. Не оставайся с ним наедине!

Я только вздохнула. Как я могу держаться от него подальше, если он следует за мной тенью? А теперь и другая ниточка между нами, которая, если порвется, принесет несчастье другому человеку...

Примерно через неделю Матвей неожиданно заговорил об Алексее. Он сказал как бы между прочим:

– Тебе, наверно, будет интересно... Твоего... знакомого... ну, то есть ...ээ ... родственника, приняли на работу...

Я сразу догадалась, КОГО он имеет в виду, однако спросила в плохо сыгранном непонимании:

– Кого?

– Ну, этого... Алексея, кажется... Так что ему ничего не угрожает...

Матвей, сообщая, наблюдал за мной – я заметила это. Он хотел убедиться, видимо, что к Алексею я не питаю никаких чувств. Поэтому, как бы мне не хотелось уточнить, куда его приняли на работу, делать этого не стала.

– Хорошо, – только ответила я, вложив в это слово как можно больше равнодушия. – Спасибо за помощь... Все-таки он наш родственник, хоть и благородно не сознался в этом.

– Кстати, – как бы между прочим добавил Матвей, – его фамилия Немировский... Да

ты, наверно, и сама уже вспомнила.

– Да, – растерянно подтвердила я, – вспомнила...

Однажды вечером тетя неожиданно сообщила мне и Гертруде потрясающую новость: один знакомый готов помочь нам выехать из города, добраться до любого порта и потом эмигрировать из страны.

– Никто не должен знать об этом! – сурово произнесла тетя, и я не очень поняла, почему она так сказала. Конечно же, ни я, ни Гертруда не собирались болтать!

– А когда? – тут же спросила я.

– Дней через пять-шесть будет известно, – был ответ.

– Но как, каким образом? Город закрыт для выезда!

– Не волнуйся. Всё продумано. Мы легко сделаем это...

Ответ вполне удовлетворил меня, и я почти успокоилась...

Вечером, когда уже легла спать, вспомнились слова тети: «Никто не должен знать об этом!» Тетя намекала на меня, что я могу сообщить новость кому-нибудь? Может быть, она боялась, что я побегу к Алексею прощаться? «Но ведь это абсурд! – думала я. – Я даже не знаю, где он сейчас. Да и искать его – опасно. Если об этом прознает Матвей...»

Матвей... Вот от кого сбежать – большая проблема. Он рядом почти постоянно. Придется очень постараться, чтобы выбрать момент и улизнуть от него. Надо завтра поговорить об этом с тетей....

Матвей... Мой нежеланный стражник...

Удивительно, как люди могут влиять на жизни друг друга! С одной стороны, что бы было с нами, если он не встретился и не влюбился в меня? С другой, парень отгородил мою персону от всех, кроме семьи, коими сейчас являлись тетя и Гертруда. Когда мы шли с ним, и я встречала знакомых из той, далекой прошлой жизни, они делали вид, что не замечают меня.

Но вот одну встречу – помимо той, с Алексеем, – мне не удалось избежать...

...Это было на второй день после известия тети о скором отъезде. По пути на вечерние занятия кто-то за спиной назвал мое имя. Мы с Матвеем одновременно остановились и обернулись.

Я сразу узнала Лайлу, еврейскую девушку, которая очень короткий период работала вместе со мной в гимназии. Потом она вышла замуж и оставила школу.

На фоне серого невзрачного города Лайла выглядела замечательно: темно-красные замшевые сапожки, черная короткая пушистая шубка, шарфик и маленькая шляпка – под цвет обуви. А также длинная, широкая черно-бордовая юбка – великолепная комбинация ткани и вязаных вручную кружев. Вещи были не новые, что невольно бросалось в глаза, но все равно сильно выделялись на фоне шинелей, старых женских пальтишек, ватников... Я даже вспомнила, что этот наряд Лайла иногда надевала, когда работала в гимназии.

И лицо у нее было – приятно взглянуть – розовое, с маленькими симпатичными ямочками на щечках.

– Здравствуй, Сашенька! – улыбаясь, поприветствовала меня девушка, посмотрела на Матвея с любопытством и слегка наклонила голову, как знак приветствия. – Не видела тебя сто лет! Как ты поживаешь?

Я улыбнулась на ее фразу «сто лет» и подумала о том, что моя внешность сейчас без слов отвечает на вопрос Лайлы. Я давно перешла в одежде на рабоче-крестьянский стиль. Всё для того, чтобы не сильно выделяться, да и из-за моей учительской работы тоже. Кроме уже не той одежды, Гертруда ежедневно рассказывала мне и о моем лице: «Ой, Сашенька! Какие у тебя впалые бледные щечки, подглазицы!..»

– Хорошо поживаю, – тем не менее ответила я, улыбаясь.

Я искренне обрадовалась нашей встрече. Мы не успели подружиться, пока работали, но Лайла была очень славной девушкой: доброй, приветливой, дружелюбной. И ведь не постеснялась подойти, увидев меня с Матвеем.

Кстати, нужно было представить и его:

– Это Матвей.

Полагалось добавить что-то еще к имени. Например, мой друг, жених, брат, сват... Но у меня язык не повернулся. Другом я Матвея не считала, женихом – тем более.

Лайла улыбнулась парню очень приветливо. Это всегда ее отличало от многих –

тактичность, вежливость, показ ценности каждого и всякого.

Мы с Матвеем торопились в церковь на занятия, поэтому пришлось распрощаться с девушкой, предварительно понадеявшись на то, что нам удастся встретиться вновь...

Если бы я знала, при каких обстоятельствах мы снова встретимся с Лайлой!..

Пять дней... Оставалось пять дней до нашего отъезда. Точнее, побега. Вдруг все получится и через время, пусть даже не очень скорое, я увижу свою семью?

Сердце счастливо трепетало, когда я так думала.

Но тут же старый коварный вопрос, который когда-то уже заставил меня сделать глупость, перечеркивал мою радость:

«А как же Алексей? Если случится такое, что я никогда его больше не увижу?»

Я прислушалась к себе. Было тревожно, однако надежда не зря умирает последней. Когда все закончится (а ведь, то, что сейчас творится в России, обязательно закончится – не может же это продолжаться вечно!), мы вернемся, и я найду его.

А что будет потом? Может, я и не буду нужна ему вовсе?..

Впрочем, что сейчас переживать о том, что не случилось. Лучше сосредоточиться на другом: хочу уехать отсюда, и это – главное!.. Тётя права: я не смогу ничего изменить. Если и я, и Алексей выживем в это трудное время, и если всё-таки есть судьба быть нам вместе, то всё равно произойдет то, о чем я мечтаю.

...Матвей неожиданно попросил меня помочь.

В городе, в бывшей картинной галерее, открыли приемник для бездомных детей – беспризорников, – которых со всеми событиями в стране появилось на улицах немало, и – увы! – количество их росло с каждым днем. Это понятно – война длилась уже не один год.

Рано утром мы вошли в здание из красного кирпича. Картин на стенах не было. Куда их убрали, я спрашивать Матвея не стала.

На меня возлагалась задача переписать детей по именам и фамилиям. Дальше планировалось распределить ребят по семьям. Трудно представить, что в такое голодное время кто-то добровольно согласится взять в семью дополнительный рот. Хотя, очень хотелось верить, что найдутся добрые люди. Детей было искренне жалко, к тому же, некоторые из них совсем маленькие.

Матвей носился тут же, принимая и раскладывая привезенные матрасы, подушки, одеяла и даже постельное белье. Он понимал, что быстро расселить беспризорников по приемным семьям не получится, поэтому несколько ночей большинство из них проведет здесь.

Дети были от трех до пятнадцати. Грязные, оборванные, с дикими глазами... Многие из них курили, некоторые кучками, прямо на полу, играли в карты. Были и такие, что испуганно жались к стенам и поглядывали вокруг как загнанные в угол зверьки.

Вскоре детей накормили кашей, привезенной откуда-то в большом котле. Затем напоили светло-коричневым чаем. Они, довольные, разлеглись на полу, на матрасах. Но кто-то, особо неугомонные, стали шнырять по зданию и не хотели регистрироваться. А я никак не могла их не только переписать по именам, но даже сосчитать. Матвей куда-то

убежал, меня же эта коричневая масса всерьез не воспринимала.

Наконец вернулся Матвей, огляделся, оценил обстановку и громко объявил:

– Сейчас принесут пряники. Кто не записался, пряник не получит.

Тут же все «незаписавшиеся» ринулись к столу, за которым сидела я, едва не перевернув его вместе со мной.

Мы с Матвеем переглянулись: он подмигнул, я улыбнулась в ответ.

Вечером дети остались с красноармейцами, а мы с Матвеем заторопились в церковь...

К концу дня я полностью выдохлась. Может, поэтому не смогла во время отреагировать на событие у двери, когда Матвей привел меня домой.

Он спросил без подходов:

– Ты помнишь, что я предложил тебе?

Отпираться или притворяться, что не помню, не было сил. Поэтому я просто кивнула.

– Тогда мы с тобой как бы жених и невеста, – улыбнулся он во всю ширину своего рта.

И вдруг сграбастал меня в охапку и прижался своими губами к моим. Я и охнуть не успела...

Поцелуй длился так долго, что у меня уже перехватило в горле от нехватки воздуха. Я замычала. Он расслабил свою хватку и оторвался от меня. Я ждала увидеть его улыбку во весь рот, но неожиданно удивленно заметила, что он серьезен.

– Саша, ты для меня – особый человек, – тихо произнес он. – Я боюсь только одного: потерять тебя. Прости, что я вот так... бесцеремонно... Не сдержался... Не обижайся... Тянет меня к тебе с непреодолимой силою. Это плохо? – он заглянул мне в лицо.

Хотя было темно, свет из окон отразился в радужках его глаз. Разозлиться на него у меня не было сил. Да и открытость Матвея подкупала. На его вопрос я неопределенно пожала плечами. Да и что тут скажешь?

– Ладно, иди спать, – устало проговорил он. Было видно, что ждал он от меня совсем другой реакции.

Развернулся и пошел, ссутулившись.

Я посмотрела ему вслед, вздохнула...

Прости, Матвей. Ты, несомненно, хороший человек. Заботливый, ответственный. Наверно, надежный. Но я не смогу тебя полюбить. К тому же, скоро, очень скоро, я собираюсь навсегда исчезнуть из твоей жизни...

Вспомнив о нашем отъезде, сразу же ощутила прилив сил и заторопилась домой...

В нашей комнате было тепло и уютно. В камине краснели угли.

Тетя сидела за столом и перебирала фотографии, письма. Гертруда тихо собирала вещи. Видно было: она очень счастлива. Мысль о том, что мы скоро оставим Россию и уедем в мирную страну, вдохновляла ее. Она тихо мурлыкала, проверяя шерстяные носки, выбирая не рваные теплые чулки.

Тетя даже предупредила ее:

– Будь осторожна, Гертруда. К сожалению, все написано на твоём лице. Кто-нибудь может догадаться, что мы что-то замыслиаем...

Мы тихо шептались вечерами, обсуждая предстоящее событие.

– Тетя, а кто этот знакомый, который нам помогает? – спросила я.

– Учитель из мужской гимназии Петр Прохорович. Он узнал от кого-то, что все, кто хочет уйти из города, проходят через двор кирпичного завода. Во время обстрела два месяца назад там, на заднем дворе, брошенной бомбой была разрушена стена. Завод сейчас не работает. То есть мы должны тихонько зайти во двор завода...

– А как мы это сделаем незаметно? – перебила ее Гертруда.

– Вы помните тропинку между рынком и кирпичным заводом? Там еще два забора с двух сторон?

Мы с Гертрудой молча кивнули.

– Петр Прохорович сказал, что одна доска в заборе отодвигается. Людей там ходит немного, из-за того, что место пустынное. Люди боятся нарваться на воров. Поэтому мы пройдем туда незаметно, найдем...

– Да, тетя, но ведь мы тоже можем нарваться на воров! – взволнованно перебила я.

– Это, когда ты один, – опасно. А когда нас будет трое..., – тетя не закончила предложение, но и так все было понятно, что она имела в виду.

– Понятно, – сказала я и увидела, как медленно начинают округляться глаза Гертруды – она всегда очень быстро поддавалась панике.

– Итак, мы пройдем через двор. Там сейчас никого, потому что завод закрыт. Выйдем через разбитую стену. А там сразу в лес.

– Мы пойдем через лес?! – громким шепотом воскликнула Гертруда. – Но ведь будет темно! Все еще рано темнеет!

– Придется рисковать. Это единственный способ – покинуть город... Пройдя через лес – возможно даже, нам там придется заночевать, – мы выйдем к деревне. За ней, по слухам, стоят формирования белой армии. Они нам помогут продвигаться дальше, к морю. А там – мы сможем выехать за границу.

Я вздохнула: план мне не нравился. А эти слова неуверенности, которые мелькают в тётинной речи? «Возможно», «по слухам», «узнал от кого-то»...

Но и жить здесь не хотелось. Матвей давил на меня с какой-то регистрацией. Я страшно не желала этого и понимала, что настанет момент, когда не смогу избежать женитьбы.

Может, все получится?

Может...

Оставалось только уповать на Божью помощь.

Прошло еще три дня.

Весь этот период с утра я была в приемнике с детьми, а вечером – в церкви.

Наконец наступила пятница – день, когда мы собирались покинуть город.

Но утром тетя сказала, что задуманное случится завтра.

Сердце мое тревожно заныло. Просто от страха или это были какие-то предчувствия? За неделю я так устала, что сил не было понять причину моих тревог. К тому же, ночами не спалось, все представлялся в деталях наш побег. Чем больше я о нём

думала, тем больше в мою голову приходило осознание того, что всё это не просто плохая, а ужасная идея.

Город охранялся от внешнего посягательства: группы красноармейцев дежурили на дорогах и в тех местах, где проникновение на их территорию считалось возможным. Все они были вооружены. Я знала от Матвея, что у них есть приказ стрелять не разбираясь. А мы, четыре женщины и один пожилой мужчина (я имею в виду также Петра Прохоровича с женой), собираемся «сломать» границу, которую трудно пересечь и специально обученным людям... Кровь в жилах остывает при мысли о том, что нас просто застрелят на месте.

Хотя побег отложился на одни сутки, однако, меня с утра того пятничного дня начала колотить мелкая дрожь. Я постоянно мерзла и куталась в шаль.

Матвей спросил тревожно:

– Саша, ты не заболела?

И по-свойски потрогал мой лоб, который, как оказалось, был покрыт холодным потом.

– Со мной все в порядке, – отведя его руку в сторону и хмурясь, буркнула я.

Он, кажется, обиделся. Отошел в сторону и целый день избегал подходить ко мне. Однако вечером, когда, наконец, наш длинный рабочий день закончился, он как ни в чем не бывало пошел провожать меня до дома. Довел, не задержался ни на минуту, развернулся, ушел – выполнил долг и отправился восвояси.

Завтра вечером мы с Матвеем должны были увидеть друг друга в последний раз – точно также расстаться около нашего дома. И всё! Жизнь разведет нас в разные стороны. Завтра мы – я, тетя и Гертруда – собирались вступить на тропу «приключений».

Или злоключений?..

...Я зашла в нашу комнату. Там было необычайно тепло. Видно, Гертруда решила сжечь все оставшиеся дрова перед отъездом.

Обе – и она, и тетя, – были в приподнятом настроении. На столе стояла картошка, вверх поднималась струйка полупрозрачного пара. Похоже, они не только решили все дрова истратить, но и деньги. Ведь цена на картошку на рынке была сумасшедшей.

Мне очень хотелось обсудить с ними опасения насчет завтрашнего дня. Но, увидев их сияющие лица, передумала. Стараясь не показывать, какие страхи бродят у меня в душе, воодушевленно оценила их старания:

– Как здорово: картошечка!

– Мы с Гертрудой на рынок сегодня ходили, – и тетя многозначительно посмотрела на меня. А потом перешла на шепот: – Посмотрели, есть ли доска в заборе, которую можно сдвинуть. Нашли ее. Все в порядке.

Я опять почувствовала себя беспокойно. Засосало под ложечкой. Что будет завтра? Не угодим ли мы в неприятности вместо побега в счастливую жизнь?

Гертруда зашептала:

– Саша, я собрала твои теплые вещи. Посмотри, что ценное ты хотела бы взять с собой?

Я тут же посмотрела на картины Алексея, висевшие на стене.

– И не думай! – строго сказала тетя и перешла на шепот: – Саша, мы берем только деньги, оставшиеся драгоценности, теплую одежду и сменное белье. Картины положить

некуда.

– Я вытащу их из рамок, – умоляюще попросила я.

– Ты испортишь их. Давай спрячем здесь, – тетя встала из-за стола и пошла в угол, по дороге захватив ножницы.

Там она, стараясь не шуметь, отковырнула одну из досок на полу.

Я подошла поближе и увидела маленький тайник. Внутри него уже лежали какие-то бумаги.

– Это письма мужа и те фотографии, которые я решила не брать с собой, – пояснила тетя, и в глазах ее мелькнула грусть. – Сюда мы положим и твои картины. Думаю, они поместятся даже вместе с рамками. Когда-нибудь мы вернемся домой... Я надеюсь...

Я подошла к картине «Мальчик с собакой» и протянула к ней руки, намереваясь снять. Но тетя остановила меня:

– Дождемся завтра. Твой Матвей зайдет утром за тобой. Может заметить. Начнет думать, в чем причина... Не будем рисковать...

Весь следующий день я была как на иголках. Даже Матвей это почувствовал, хотя я старательно скрывала свой страх и бурлящие во мне чувства. Он искоса поглядывал на меня, но ни о чем не спрашивал. Ко мне неожиданно вернулась детская привычка, от которой так старательно когда-то отучала меня мама: я снова начала грызть ногти. К тому же, отвечала невпопад и пару раз уронила стулья, стоявшие на моем пути.

Наконец рабочий день закончился, и Матвей проводил меня, как обычно, до самой двери. Каким длинным казался сегодня мне этот путь: от церкви до нашего крыльца! Я старалась вести себя естественно, как всегда, когда меня провожал Матвей – ведь таких одинаковых вечеров было уже несколько: можно было приобрести привычку делать одно и то же.

Но Матвей все-таки заподозрил что-то. Он спросил в последнюю минуту, перед тем, как пожелать мне спокойной ночи:

– Саша, у тебя все хорошо? Вчера вечером ничего не случилось?

– Нет, – как можно беспечнее ответила я.

Он потянулся было ко мне с поцелуем, но я, чирикнув: «Спокойной ночи!», торопливо запрыгнула в подъезд.

...Тетя и Гертруда были уже одеты.

– Саша, переодевайся, – тихо скомандовала тетя. – Через тридцать минут мы выходим.

– Да я так.

– Нет, надень одежду потеплее. Ты забыла, что нам, возможно, придется ночевать в лесу?

Я натянула две пары теплых чулок, заботливо приготовленных Гертрудой, надела шерстяную кофточку. Тетя сунула мне в руки небольшой, наполненный чем-то мешочек прямоугольной формы на длинной веревке.

– Надень на шею, Саша. Там деньги.

Я послушно сделала то, что она велела. Заметила, что у меня дрожат руки.

Последняя суета, проверка, все ли взяли...

Еще вчера мы договорились, что оставим в комнате все так, как будто ушли ненадолго... Не будем прибираться, выбрасывать мусор из ведра...

Наконец все было готово, и тетя сказала:

– Выйдем не все сразу. Иначе соседи могут что-нибудь заподозрить. Саша и Гертруда, идите первыми.

– Давайте посидим на дорожку, – осипшим голосом проговорила Гертруда.

Мы с тетей оглянулись на нее. Наша верная Гертруда выглядела очень бледной. На ее почти белом лице голубой полоской выделялись губы.

Мы молча согласились с ней, дружно присев на краешек кровати. Замерли в молчании, читая молитвы про себя. Я все время сбивалась и начинала «Отче наш...» снова и снова. Так и не смогла дочитать до конца: мысли путались настолько, что все слова знакомой с детства молитвы забылись.

– Пора! – поднялась тетя.

Мы сделали то же.

Я в последний раз осмотрелась. Заметила, что моих картин на стене нет. Значит, тетя не забыла, и они были спрятаны в тайник.

– Поторопитесь, – произнесла тетя тихо.

Мы с Гертрудой выскользнули в коридор. Там, к счастью, никого не было. Голоса соседей были слышны на кухне и в комнатах.

Мы направились к черному ходу, и через минуту были уже на улице.

Гертруда действовала строго по указаниям моей тети. Первое, что мы сделали – это свернули на соседнюю улицу и нашли извозчика... Через минуту и тетя присоединилась к нам.

Мы забрались в экипаж, и наше опасное путешествие началось.

Меня била уже не мелкая, а крупная дрожь, медленно нарастающий ужас начал сковывать тело. Было безумно страшно. Хотелось сказать тете: «Давайте вернемся! Может, появится лучший момент для побега?»

Но у меня не хватило смелости даже на это...

Экипаж неспешно двигался по городу. Но мы не выглядывали на улицу. Быть замеченными знакомыми не входило в наши планы. Просто сидели, прижавшись к стенкам. Однако из окошка было многое видно. Неспешно мимо нас протекали городские картинки: площадь, церковь, магазины, немногочисленные прохожие... Я думала, как все изменилось за последние полтора года. Вот также вечером, я приехала к тете, сбежав из родного дома. Город был оживлен, казался, пребывал все время в каком-то легком празднике. А сейчас... Люди предпочитали поскорее добраться домой, а не гулять по улицам. Самыми главными «гуляками» теперь были люди в военной форме и обязательно вооруженные.

Время тянулось медленно. То расстояние, которое обычно проезжалось за десять минут, мне показалось, растянулось на полчаса...

Наконец мы подъехали к рынку. Извозчик остановил лошадь. Мы вышли, а тетя, повернувшись к извозчику, расплатилась. Он тут же укатил. Ему было абсолютно неинтересно, куда это на ночь глядя отправились три женщины...

Рынок закрылся пару часов назад. Но рядом с воротами все еще сидело двое нищих. А сквозь решетку ограды было видно, что на пустой территории рыскали голодные собаки в поисках остатков еды.

Мы направились к тому месту, где между двумя заборами, огораживавшими кирпичный завод и рынок, зиял узкий проход. Сделан он был, разумеется, случайно, когда усердные хозяева торговли и производства отгораживали свои владения.

Сейчас проход чернел непроницаемой темнотой, и мне совсем не хотелось туда идти. Но дороги назад не было: шанс, который нам предоставила судьба, придется использовать. Ни тетя, ни Гертруда мне не простят, если я сейчас запрошусь обратно.

Мы оглянулись по сторонам, и одна за другой нырнули в темноту.

Мгновенно свет с улицы – и без того слабый – перестал освещать нам тропинку, и дальше мы пробирались уже на ощупь. Впереди – тетя, за ней – я. Шествие замыкала Гертруда.

Тетя шла и шепотом считала шаги. Таким образом, она собиралась найти доску в заборе, через которую нам предстояло попасть на территорию завода. Я слышала ее взволнованный голос, ежилась от холода и паники, но послушно шла следом.

– Гертруда, а где Петр Прохорович с женой? – вспомнились наши соучастники побега.

Гертруда тяжело дышала. Никогда за ней раньше не замечала, чтобы при ходьбе у нее появлялась одышка. Наверно, просто страх стал результатом ее нездоровья. Я вспомнила синие губы Гертруды перед выходом из дома. Бедная женщина!

– Не знаю, – шепотом, с трудом выдавливая каждое слово, ответила она. – Вроде договаривались встретиться на заводе.

Тетя остановилась.

– Кажется, здесь, – произнесла она и подошла к забору.

Глаза привыкли к темноте, и я могла разглядеть ее фигуру, поднявшую руки к деревянному ограждению. Вдруг стало видно, как в заборе появляется черный треугольный проем.

– Здесь! – радостно прошептала тетя и первая полезла внутрь.

– Можно, я вперед, Саша? – попросила меня Гертруда. – Если не буду пролазить, толкай меня.

Она начала протискиваться между досок. К счастью, щель оказалась достаточно широкой, и через полминуты Гертруда тоже исчезла за забором.

Настала моя очередь. Я испуганно оглянулась назад, и вдруг увидела, как чья-то тень качнулась в метрах десяти от меня. Ужас и отчаянье толкнули меня вперед, и я с бешено бьющимся сердцем ласточкой проскользнула внутрь – только ветер свистнул в ушах. И тут же торопливо, дрожащими руками, задвинула доску за собой. Прижалась ухом к забору. Может, показалось? Как там говорят: у страха глаза велики? По ту сторону забора не раздавалось ни звука, ни шороха.

– Саша, ты где? – услышала я громкий шепот тети.

Отвечать побоялась: вдруг тот, кто все-таки есть за забором, услышит и поймет, какую доску отодвигать... Поэтому просто пошла на шепот.

Теперь мы стояли втроем на площадке перед темным зданием завода и прислушивались к тишине. Где-то здесь должен был быть Петр Прохорович, которого я никогда не видела, но уже хорошо запомнила его имя. А с ним – супруга.

Было очень тихо. Казалось, здесь даже мышей нет.

– Петр Прохорович, вы где? – громко прошептала тетя.

Никто не отозвался.

Тетя прочистила горло и негромко, но вслух, повторила:

– Петр Прохорович, где вы?

Я испуганно вздрогнула: мне показалось, что тетин голос прозвучал слишком громко в ночи. И уже хотела предостеречь ее – попросить ничего не произносить вслух, – как вдруг мы услышали шорох. Громкий шорох. Со всех сторон. И он приближался к нам.

– Что это? – прошептала Гертруда и начала падать.

Я пыталась удержать ее, но она была слишком тяжелой. Женщина грузно опустилась на колени, почти упала на землю, крепко схватив меня за руку.

Но мне было страшно не меньше, чем ей.

– Мамочка! – прошептала я. – Тетя, я боюсь.

И вдруг, сама от себя такого не ожидая, я завопила:

– Помогите!

Что-то стукнуло со стороны забора, проиленные чьи-то шаги и вдруг... раздался выстрел. Такой громкий, что у меня заложило в обоих ушах. Но я все равно услышала, что ЭТО, которое шуршало, как будто отползло назад.

Я торопливо обернулась. В темноте близко от меня стояла какая-то высокая фигура.

– Петр Прохорович? – спросила тетя незнакомца взволнованным голосом. – Почему же вы так долго? А где супруга?

– Это я, Тамара Александровна! – ответила фигура голосом Матвея...

Прежде чем начать разговор, Матвей вывел нас с территории завода. Когда мы вышли к рынку, фонарь, стоявший у главного входа, осветил лицо парня, и я увидела, что он был в ярости: глаза сверкали, на скулах напряглись желваки, и он без остановки кусал губы. Я никогда таким его не видела и, честно говоря, изрядно струхнула.

Вокруг никого не было. И Матвей, не опасаясь быть услышанным, прямо спросил тетю:

– Тамара Александровна! Что все это значило? Объясните мне, пожалуйста.

Тетя промолчала. Она поддерживала под локоть Гертруду, и даже не повернула головы, услышав вопрос. Я держала старую женщину под другую подмышку.

– Как я понимаю, вы хотели сбежать из города?

Опять в ответ молчание.

– Пойдемте!

Матвей резко повернулся и зашагал вперед.

Никто из нас не шелохнулся. Каждый, думаю, как и я, решил про себя, что он хочет отвести нас к своим и сдать из рук в руки властям.

Он оглянулся, вернулся обратно.

— Ну?

Мы стояли, скованные страхом.

Вдруг Матвей схватил меня за руку и потащил за собой.

— Матвей! — услышала я негромкий окрик тети.

Он никак не отреагировал. Я испуганно обернулась и увидела, что тетя и Гертруда торопливо засеменили за нами.

Матвей настолько крепко сжимал руку, что я чувствовала боль. Попыталась освободиться. Не получилось.

— Матвей! Мне больно! — простонала я и дернула руку на себя.

Матвей, почувствовав это, наоборот, сделал хватку еще сильнее.

— Ой, больно! — чуть не плача, выговорила я, пытаюсь надавить на жалость.

Не получилось. Матвей только прибавил шагу. Я едва успевала перебирать ногами, а тетя и Гертруда с трудом поспевали за нами. Обернувшись, я увидела, что бедная Гертруда держится за сердце.

— Матвей, прошу тебя! — взмолилась я. — Гертруда себя не очень хорошо чувствует!

Но то ли он не слышал, то ли был настолько в ярости, что не контролировал себя.

Лишь когда парень остановился, я огляделась по сторонам и поняла, что мы находимся почти на краю города. В нескольких метрах от высокого кирпичного забора дома, который когда-то принадлежал купцу Емельянову. За каменной оградой стоял чудом сохранившийся работающий фонарь, однако свет, исходящий от него, едва освещал территорию вокруг.

— Смотрите! — сурово произнес Матвей и мотнул головой в сторону забора.

Мы все как по команде обернулись туда.

Сначала я ничего не поняла: забор, ну и что?

На земле рядом с ним были, кажется, насыпи земли. Или нет?..

Первой поняла Гертруда и охнула. В этом звуке были и ужас, и страх, и боль. И тут я тоже осознала, ЧТО вижу. Это была не земля. Это были человеческие тела... Множество человеческих тел. Они не лежали рядом, как положено мертвым. Они были свалены в кучу. Может, не свалены. Может, падали... падали один на другого, когда смерть косила их своей беспощадной косой.

На заборе было написано краской:

«Мы не дали сбежать врагам революции за границу. Они ответили за всё».

Матвей дернул меня вперед и потащил к мертвым телам.

— Не надо! — заплакала я и села на землю.

Он подхватил меня под мышки, поставил на ноги и почти донес до забора.

И тут я увидела Лайлу. Точнее, ее тело. На ней не было шубки, шляпки и даже сапожек. И лежала она лицом вниз. Но я сразу узнала ее красивую юбку, отделанную кружевами.

Я почувствовала, как неведомая сила сжала мои виски...

Потом будто выключился свет...

Я обожаю субботы и воскресенья. Времени навалом, и можно заняться тем, что душа просит.

Но этому воскресенью я была не рада. Украденные картины, внезапно появившиеся в моем доме, висели над моей шеей, как Дамоклов меч. К тому же, не могла расслабиться от мысли, что кто-то чужой побывал в нашей квартире. Думая думы во время завтрака, я решила поменять дверной замок...

Слава Богу, что пришло время, когда все нужные организации работали не только в течение недели, но и в выходные дни.

Через полчаса в дом заявился мужчина в спецовке, с инструментами и с круглым животиком. На его футболке гордо значилось название службы: «Самоделкин на час».

Я умышленно не стала привлекать знакомых. Подозреваемые теперь окружали меня со всех сторон. А этот самый Самоделкин – посторонний человек...

Замочный мастер, надев на нос очки и встав на колени, внимательно изучил замок, покрутил в нем ключом в обе стороны и спросил:

– А почему менять решили? Замок, вроде, еще ничего. Хотя вижу, старый. Наверно, довоенный. Сейчас маслицем смажу, и он еще лет пятьдесят поработает. Знаете, раньше ведь лучше делали...

Он, кажется, собирался эту тему развивать, что мне абсолютно было не кстати: еще внимание всех соседей привлечет своими рассуждениями!

– Решила поменять! – строго отозвалась я, нахмутив брови.

– Это же – раритет! – никак не мог уговориться Самоделкин. – Давайте я вам лучше второй замок поставлю. Во-первых, два замка – это броня! Во-вторых, быстрее. Эту вашу старину еще выковыривать часа полтора!

Такой расклад для меня был уже аргументом. Мне тоже не хотелось, чтобы мастер по замкам застрял у моей двери на полдня.

– Ладно, – вздохнула я. – Не будем выковыривать. Вставляйте второй!..

Надо отдать должное Самоделкину, вставил второй замок он действительно быстро. Получил гонорар и, довольный, откланялся.

Теперь можно было сознаться: я почувствовала себя более защищенной за двумя замками...

Воскресенье между тем продолжалось.

Холодильник начал сиять пустотой, а живот требовал хоть чего-нибудь съестного. Поэтому решила: сбегая в ближайший продуктовый.

И тут вдруг вспомнила свою идею, которая пришла в голову в тот момент, когда какой-то молчун позвонил на домашний телефон: а что, если вор оставил картины в нашей

квартире на время? Конечно, звучит смешно, однако... Сами понимаете, когда однажды ты приходишь домой и находишь в своем доме краденые (но не тобой!) картины, начинаешь верить в разную чепуху. Ведь, если бы кто-то украл произведения искусств с целью насолить мне (был у меня обозначен такой мотивчик, если помните), то этот негодяй мог давно уже найти способ сообщить полиции, чтобы меня пришли и арестовали. Но этого же до сих пор не случилось!

Я отправилась в спальню и, бегая туда-сюда, перенесла картины в зал на старое место. Именно туда, где они были обнаружены мной в пятницу.

И только после этого, закрыв дверь только на один – старый – замок, с чувством правильно принятого решения, потопала в магазин...

Кто знает, вдруг вор вернется, заберет картины, и ...проблема решится сама собой. Ведь так иногда бывает... Наверно...

Ох, как бы было здорово, если бы всё именно так случилось! Тогда мне не придется тащить ничего на работу, трясясь от страха быть пойманной. Бывает же так: не виновата, а боюсь быть разоблаченной...

...Я специально проторчала в магазине подольше: рассматривала колбасу – только что не через лупу, читала этикетки, высматривала на молочных крышках дату производства – впервые в жизни... В общем, помогала, как могла, украсть вору картины из нашей квартиры.

...Когда я вернулась, ничего не изменилось.

А жаль...

Вот и наступил понедельник.

С утра всё у меня валилось из рук. Одна половина каши убежала, вторая подгорела. Упала любимая чашка и, разумеется, разбилась. Отпала пуговица на блузке, которую я собиралась надеть... Пришлось натянуть футболку.

Радио громко вещало, что сегодня ожидается жаркий день: температура до плюс тридцати и выше. Однако я пренебрегла этой информацией (сами знаете, почему) и положила между ручками маминой сумки теплую шерстяную кофту. Теперь картину «Автопортрет» (именно ей предстояло первой вернуться в родные пенаты) видно не было.

Я закрыла свою квартиру на один – старый – замок, вышла на улицу и потопала к автобусной остановке. Тут обнаружила то, что дома заметить было невозможно: при ходьбе кофта медленно сползала вниз. Приходилось ее все время поддегивать на место. Я попробовала ее поддерживать локтем, потом рукой – неудобно. Тогда я закинула сумку на плечо (спасибо производителям: ручки были достаточно длинными). Теперь, кофта, на которой сверху лежала моя рука, вела себя разумнее.

Наверно, я выглядела потешно с большим баулом, называемым дамской сумкой, с теплой кофтой в жаркий летний день. Но меня это сейчас совершенно не волновало. Меня беспокоило другое, сами знаете, что.

Нервы мои были на пределе. Я чувствовала, как в теле все звенит и дрожит.

Мой автобус номер пять подъехал мгновенно, как будто выглядывал из-за угла и ждал

моего появления на остановке...

Я рассеянно протянула кондукторше деньги за билет. Протяпала на свободное место. Взгляд остановился на большом постере, который закрывал кабину шофера. (Знаете, как в старых автобусах бедные водители пытаются спрятаться от пассажиров: кто за занавесочкой, а кто – вот за таким плакатом). С бумажной репродукции на меня смотрел беззубый певец Шура, собиравшийся в скором времени осчастливить наш городок своим концертом. Боюсь, что в тот момент никакая информация не дошла бы до моего понимания. Раньше, увидев это странного Шуру, выбравшего ради того, чтобы его запомнили, беззубую улыбку (ох, уж этот шоу-бизнес!), я бы обязательно придумала какую-нибудь колкость в его адрес. Но не сегодня! Сегодня серьезность зашкаливала во мне, как будто мне предстояло выступить на ответственном собрании.

...Через три остановки автобус притормозил напротив городского музея. Я набрала воздух в легкие, пытаюсь успокоить таким образом пытавшееся вырваться из моей грудной клетки сердце. Заспешила к дверям. Стала спускаться по лесенкам.

Завершив свой выход на улицу, успела подумать: «Ну вот! По крайней мере, часть моего плана уже выполнена: я добралась до работы без происшествий».

Только это подумала, за моей спиной захлопнулись двери автобуса, и я почувствовала, как кто-то рванул на себя мою сумку. Я судорожно сжала ее, как утопающий хватается за спасательный круг, в ужасе обернулась и оцепенела: автобус удалялся, а в его дверях, как в зубах, торчала знакомая до боли теплая шерстяная кофта. «Морда» автобуса, точнее, спина (или что там у него сзади?), в виде двух задних фар и бампера злорадно скалилась и удалялась от меня. На его окне, как сообщение о блестящем результате проделанной операции по отбиранию у меня кофты, значился номер 5.

Все еще в шоке я глянула на сумку: рамка картины предательски высывалась наружу.

Из моей груди вырвался стон. И в тот же момент меня окликнули. Я с усилием обернулась: у двери музея (это примерно метров тридцать от остановки) стоял наш директор Плохих Тимофей Борисович и приветливо махал мне рукой. (Похоже, он тоже только что пришел на работу).

Можете себе представить, какой ужас овладел мной? Вот она я, с ворованной картиной... Ну, прямо – подарок для следователя Прыгунова, который наверняка уже поджидает меня с распростертыми объятьями в фойе музея!

Ой, мамочка!

Сейчас мне могло помочь только чудо! И оно случилось! По противоположной стороне проезжей части ехал другой автобус номер пять, тот, который мог привезти меня обратно к дому.

Не отреагировав никак на приветствие босса и не глядя по сторонам, я бросилась к остановке, куда уже подъезжал мой транспорт. Сбоку раздались гудки машин и скрежет тормозов. Но мне было не до подобных пустяков.

Автобус остановился, звучно выпустив дым из выхлопной трубы. Его дверь приветливо распахнулась, приглашая меня занырнуть внутрь. Что я немедленно сделала.

Не удержавшись, посмотрела в сторону музея. Увидела там столбом стоявшего Рисыча.

Главное: он не успел заметить картину! Потом я что-нибудь придумаю, чтобы объяснить, почему я так резко рванула прочь от места работы в противоположную сторону...

...Дома я вытащила из шифоньера другую шерстяную кофту. Но только теперь риск не входил в мои планы. Достав из своего шкафа по рукоделию две большие булавки длиной по пятнадцать сантиметров (есть такие, иногда нужные при вязании), я перекинула кофту между ручками сумки, прикрыв картину, а потом скрепила вместе подкладку сумки и шерстяное изделие. Сделав это с двух сторон, подергала предмет одежды, пытаюсь его вытянуть. Не получается. Сделала вывод: теперь вырвать кофту из сумки получится только с сумкой. Но этого я уж не допущу!

...Итак, дубль два!

Через минут пятнадцать я вышла из дома и села в подъехавший почти сразу автобус № 5. И тут меня ждал сюрприз! Знаете, как это произносится в американских (а теперь уже и в русских) фильмах? Сюрприиииззз! Только этого мне не сказал никто. Это внутри меня прозвучало, когда я увидела, что это – тот самый автобус, с наглым видом полчаса назад утащивший в «зубах» мою кофту. Та же кондукторша, тот же беззубый Шура на постере...

Все объяснимо! Мы живем рядом с предпоследней остановкой пятого автобуса. Получается, что он, побывав на конечной стоянке, отправился в новый круг по своему маршруту.

Кондукторша, увидев меня, очень обрадовалась:

– Девушка, это мы вашу кофту увезли?

Она тут же достала ее из пакета, стоявшего рядом с кондукторским сидением, и протянула мне.

– Спасибо! – сказала я растерянно.

Знаете, обычно радуешься, когда находится потерянная вещь. Но мне сейчас было не до ликований от встречи со своей шерстяной кофтой, ведь теперь мне нужно было и ее куда-то пристраивать. Я попыталась засунуть ненужный теперь предмет одежды между ручек, поверх другой. Но это выглядело смешно и странно. Тогда мне пришлось натянуть её на себя.

Уже через минуту почувствовала, что день сегодня действительно жаркий. Но другого выхода не было: придется терпеть. Впрочем, не так долго. На работе я ее куда-нибудь пристрою. А домой можно будет унести и в другой день.

Уже выйдя из автобуса, я вспомнила о Рысыче. А что я ему-то скажу? Почему вдруг, как ошпаренная, бросилась удирать с места работы.

Топая к музею и крепко прижимая сумку к боку, на ходу, я пыталась придумать правдоподобное объяснение своему поступку.

У входа в музей стоял Ромка. Он, кажется, опять собирался мне что-то сказать, и уже открыл рот, но я, нервная как рассерженный посетителями в зоопарке орангутанг, почти выкрикнула:

– Не сейчас!

Его брови подпрыгнули вверх (еще бы! такой он меня точно никогда не видел), рот остался открытым, а я проскочила мимо, внутрь, и сразу направилась в служебную комнату для персонала.

В коридоре столкнулась с Рисычем. А идеи в голове еще не было!

– Здравствуйте, Тимофей Борисыч! – улыбаясь своей самой лучезарной улыбкой, произнесла я и попыталась поскорее проскользнуть мимо директора.

Не получилось!

– Ааа, Арсения! – он нежно взял меня под ручку и повел в свой кабинет. – Дорогая Арсения! Объясни мне, пожалуйста, что такое случилось с тобой утром?

– Я... это... Тимофей Борисыч...

– Что? – сладким голосом спросил он.

– Я шла на работу...

– Так... Интересно...

– И вдруг...

– И вдруг?..

– И вдруг... вспомнила про утюг, – выпалила я вовремя пришедшую мысль.

– Про что?! – опешил Рисыч.

– Про утюг. Утром я гладила..., - я скосила глаза на свой наряд, – ... футболку. Торопилась на работу, и в автобусе... Точнее, когда я вышла... Я вдруг подумала: «Утюг! Я не помню, выключила его или нет!»... В общем, это как током ударило. И я... побежала назад.

Борисыч остановился, отодвинулся от меня и посмотрел внимательно:

– Ого! Хорошо, что вспомнила! И что?

– Был выключен. Знаете, так бывает. Кажется, что не выключила, а на самом деле, выключила.

– Ну да... ну да...

Слава Богу, он проглотил мою «лапшу»!

Рисыч снова внимательно оглядел меня с головы до пят и остановил взгляд на кофтах: одна на мне, другая – между ручками сумки.

– А что это у тебя?

Я почувствовала, что начинаю медленно краснеть. Или бледнеть. В общем, дурно мне вдруг стало. Сами знаете, почему.

– Кофты! – постаралась как можно обыденнее ответить я, поворачивая сумку так, чтобы она была на расстоянии недосягаемости для директора...

Кофты кофтами, но под ними-то – картина!

– Вижу, что кофты. Зачем?!

– Да... утром по радио передали, что к вечеру резкое похолодание.

– Да ты что? – хлопнул себя по бедрам Рисыч. – А моя-то (это он о жене) в сад сегодня отправилась, чтобы ... Ну ладно, иди работай, – наконец разрешил он мне и направился к себе в кабинет. – Кстати, – Рисыч резко остановился и обернулся, – я там вместо украденных картин репрессированного Грамовича повесил. Сделай таблички для посетителей.

– Ага, поняла.

Грамович – это наш местный художник. Попал под репрессии в 1937 году. Был сослан в лагерь. К счастью, остался жив. И до сих пор жив. Видно, генетика хорошая. Ведь после таких испытаний да прожить достаточно долгую жизнь! Не каждый может. Картины Грамовича – сплошной кубизм. Я такое не люблю и не понимаю. Но наши местные критики отыскивали в них психологическую сторону: внутреннюю боль Грамовича. Мы периодически вывешивали этот кубизм в зал, потом меняли на другие экспонаты... Ну, а сейчас, пока

Своим ключом я открыла служебную комнату и занырнула внутрь. Обстановка здесь была весьма убогой. Шкаф у окна, где можно повесить верхнюю одежду, два небольших стола, четыре кресла, вереница стульев около стены – свой для каждого работника музея. Негусто, в общем. И не стильно. Как на мебельном складе.

Мне нужно было спешить, пока никто сюда не зашел.

Сумку с картиной здесь оставить просто невозможно. Если однажды кто-то вытащил ключи от квартиры из моей сумки, может с легкостью забраться туда снова и обнаружить там украденную картину. Вот дела-то начнутся!

Я вытащила картину и оглядела комнату. Сердечко мое выбивало чечетку, руки дрожали.

Единственным малопримечательным местом был угол за шкафом. Туда я и ринулась, чтобы спрятать многострадальное произведение искусства.

Но рамка была слишком широкой, и мне пришлось отодвигать шкаф от стены. Это было ух как непросто!

Наконец картина была в «тайнике», и я могла облегченно вздохнуть.

Моя сумка и кофты были разбросаны по полу – уж очень я спешила. Только я хотела их поднять и даже сделала шаг к ним, как в комнату вплыла тетя Мотя.

– Ой, что это у нас тут? – удивленно расширила она глаза.

– Да... это я... поскользнулась и упала... И все вывалилось из сумки, – кажется, вранье становится моей второй натурой.

– А что это ты кофт-то натащила? В такую жару!

– Так похолодание обещали к вечеру, – озвучила я уже знакомую отговорку. – Вот я и подготовилась.

– Странно, не слышала, – задумчиво сказала тетя Мотя и направилась к своей сумке, стоявшей на одном из стульев.

Я собрала свои кофты с пола и тоже отправилась на свое место.

Тетя Мотя что-то усиленно стала искать в своей сумочке, потом сказала как бы между прочим:

– Там уже этот... Бегунов пришел.

– Вы хотите сказать «Прыгунов»? – уточнила я машинально, а внутри меня все похолодело.

– Ну да... Уже ходит по залам, везде заглядывает... В архив зашел, там искал...

«Все! Я пропала! Сейчас начнет свою детективную деятельность здесь, и тут уж точно найдется картина... Впрочем, чего я трясусь? Я ведь именно этого хотела! Притворюсь удивленной, и дело с концом...

Тетя Мотя наконец нашла в своей сумке то, что искала: зеркальце и помаду. Посмотрела внимательно на свое лицо, показывая магическому стеклу то правую щеку, то левую. Затем поизучала подбородок и нос. (Конечно, зеркальце-то с ноготок. Можно час исследовать свое лицо, и времени все равно не хватит!) Наконец, довольная увиденным, накрасила на ощупь губы и засунула свои вещи обратно в сумочку. Сказала мне «Пока» и удалилась.

Вдруг меня как током пронзило. Отпечатки! На рамке мои отпечатки! Много отпечатков! Очень много! В какой-то момент я просто забыла об осторожности со всеми поездками туда-сюда и затянувшимся состоянием «все время в страхе». А ведь в сумке лежат перчатки – с целью не оставлять следов на рамке! Я еще вчера со всей тщательностью приготовила всё необходимое к операции по возвращению картин в музей.

Что делать?!

Я в ужасе заметалась по комнате.

А что, если выставить картину под окно? Вокруг музея – густые кусты. Отработаю день и спокойно заберу «улику», чтобы снова унести домой. Да! Это выход!

Выглянула в коридор – никого. Выхватила ключ от служебки из кармана и закрыла дверь. Затем, сунув ключ обратно, кряхтя, опять отодвинула шкаф, вытащила картину...

Улеглась на подоконник, высунувшись из окна как можно дальше наружу, чтобы опустить картину вниз: тихо и аккуратно.

Только бы не вывалиться вместе с ней! Вот будет зрелище: торчащие кверху ноги, ворованная картина, я, наверняка с шишкой на лбу – всё в одной куче, бери и пиши с меня показания.

Разжала руки, и рамка с грохотом – вот противная! – приземлилась на асфальт. По звуку стало понятно, что дерево не выдержало беспарашютных прыжков и треснуло. Я простонала от чувства досады.

Затем сползла с подоконника обратно в комнату, и тут кто-то дернул за ручку двери с обратной стороны. Сердце мое остановилось.

– А дверь закрыта! – услышала я голос Бегунова-Прыгунова.

Господи, что же делать? Ведь он обязательно въедливо спросит меня: что я делала за закрытой дверью?

Я забежала по комнате. Взгляд остановился на открытом окне. Я схватила сумку, кофты и, торопливо запихивая их внутрь, начала на ходу взбираться на подоконник. Живот... Одна коленка... Другая... Ап! Переворот по часовой стрелке... Ой, где там земля?

Под окном, присев на корточки, я торопливо выбросила кофты на асфальт, запихнула картину в сумку, закрыла ее сверху все той же декорацией, пробралась на коленках по кустам, перешагнула низкую решетчатую преграду, отделявшую кустарники от тротуара, и выбралась на пешеходную дорожку. От меня шарахнулась пара чинно прогуливавшихся подростков.

Я, короткими перебежками, пытаюсь быть не замеченной Романом, – вечно он торчит на крыльце музея! – устремилась к автобусной остановке.

И только забравшись в тут же появившийся транспорт (хоть с этим мне сегодня везло), плюхнулась на сиденье и облегченно вздохнула...

Я с трудом разлепила глаза и увидела над собой белый высокий потолок. Наверно, из-за его неестественной высоты мне показалась, что я уменьшилась в размерах. От такой мысли сразу стало не по себе.

Я повела глазами налево, потом направо, и мне предстала во всей красе знакомая до боли ажурная лепнина под самым потолком.

Где я могла уже такое видеть?

Мозг работал плохо. При умственном напряжении в голове что-то пребольно звенело.

Однако я вспомнила.

«Тётина гимназия!» И не просто ее гимназия, а тот самый кабинет, где когда-то проходили уроки арифметики.

Память медленно начала ко мне возвращаться. Вспомнилось, что этот класс теперь вовсе не класс, а комната, где живет Матвей.

«Что же я тут делаю?» – недоуменно пронеслось в голове.

Я скосила глаза, чтобы найти ответ на мой вопрос. И увидела дремавшую рядом, на стуле, Гертруду.

– Гертруда! – с трудом выдавила я из себя.

Та тут же открыла глаза, счастливо засияла и наклонилась надо мной.

– Сашенька! Милая моя девочка! Как ты нас напугала!

– Почему я здесь, а не дома? – натужно прошептала я.

Было так трудно говорить, как будто на моей груди сидел медведь.

– Молчи! Доктор велел тебе меньше разговаривать. Ты еще очень слаба. Пока ничего не спрашивай. Мы потом тебе всё объясним... Ну... только скажу... Ты у Матвея. Просто к нему было ближе...

Когда она это сказала, я сразу все вспомнила. Забор, расстрелянные люди, среди них Лайла...

Я застонала и закрыла глаза. Господи, неужели всё было правдой?

– Пости! – услышала я как будто вдалеке голос Гертруды и опять провалилась в темноту...

В следующий раз, когда я очнулась, Гертруды в комнате не было. Потолок уже не казался таким белым: наступил вечер или, может быть, ночь. У камина возился Матвей, в мою сторону не смотрел.

Я, почувствовав, что отлежала руку, попыталась ее высвободить из-под одеяла. Матвей услышал шорох и тут же обернулся. Торопливо приблизился к

кровати. Наклонился ко мне.

– Саша, как ты? – в его глазах плескалась тревога.

– Хорошо, – отозвалась я.

Действительно, сон пошел мне на пользу. В этот раз я почувствовала себя лучше.

– Есть хочешь?

– Хочу.

Он, довольный, хмыкнул:

– Сейчас...

И засуетился: торопливо шагнул к столу, где стоял котелок, заботливо прикрытый полотенцем; взял металлическую миску, стоявшую здесь же, и, откинув полотенце, полез рукой за картофелиной. Тут же отдернул руку. Я думала – обжегся. Но нет: он просто вспомнил о ложке... Побежал к подоконнику, где дружная семейка столовых приборов стояла в стеклянной банке...

Я переводила взгляд, наблюдая за ним.

Интересно, сколько я уже здесь? Просыпалась днем, а сейчас вечер. То есть прошли целые сутки. Неужели я так долго спала?

Матвей принес картошку в металлической миске. Присел на край кровати.

– Помочь тебе сесть?

– Нет-нет, я сама! – опережая его намерения, торопливо уселась на кровати. Тут же почувствовала головокружение, но постаралась скрыть это от Матвея.

После ужина я сразу заявила Матвею, что мне пора домой.

– Не сегодня! – прозвучал твердый ответ, и стало понятно: спорить бесполезно.

Однако этот упрямец не отпустил меня и на следующий день, когда со мной всё уже было в порядке: и голова не кружилась, и лежать целый день я уже не могла. А ведь сам спал две ночи на полу: мог бы даже обрадоваться моему отбытию.

На вопрос «Почему?» ответил:

– Я специально вас разделил друг от дружки... Чтобы ты со своими родственниками снова не наделала глупостей.

Я поёжилась, с ужасом вспомнив забор, надпись на нем и бедную Лайлу. Но оставаться тут ужасно не хотелось: всё было чужим, включая Матвея.

Тогда я попыталась уговорить его:

– Матвей! Мы поняли свою ошибку и не повторим больше ничего подобного. Поверь!

– Нет! – твердо сказал он, не глядя на меня, и вышел из комнаты.

Мне был слышен звук его шагов по коридору, голос – он поздоровался с кем-то... Потом все звуки смешались воедино – гимназия походила сейчас на большой улей.

«Отойди подальше! – послала вслед Матвею упрямую мысль. – А я сбегу домой».

Истратив десять минут времени на нервное хождение из угла в угол, я решила: мой пленитель уже достаточно далеко, так что и мне пора убежать отсюда.

Свои действия я начала с поиска верхней одежды, которой почему-то не было на вешалке рядом с курткой Матвея. Огляделась вокруг. Странно, где она? Заглянула под кровать, под парты, даже за сложенную около печки поленницу... Нет.

«Не страшно! – подумала гневно, вспомнив Матвея – наверняка он спрятал! – Я и в твоей одежде могу уйти».

На полу у входа лежал ватник. Напялив его на себя, утонула в его просторах. Вроде Матвей не такой большой. Наверно, не его. А-а, неважно. Шагнула внутрь больших валенок, стоявших здесь же. Шапки не нашлось...

«Ладно, подниму воротник. Добегу побыстренько, тут недалеко» – решила.

Выскочила в коридор. Но пройдя несколько шагов, столкнулась с тощей, как спичка, женщиной по кличке Тикунья.

...Я помню, когда Матвей привел меня сюда впервые, мы столкнулись с ней в коридоре. Он тогда поприветствовал ее:

– Привет, Тикунья.

Она показала ему некое подобие улыбки, продемонстрировав гнилые зубы. А на меня взглянула так, как будто хотела убить – дай только ей оружие. И еще ощерилась в мою сторону, как злая собака, но так, чтобы Матвей не заметил. Помнится: у меня аж мурашки по коже пробежали...

Не демонстрируя свой страх, который холодом обдал сердце, я шагнула направо, пропуская Тикунью. Она сделала то же и в ту же сторону. Я попыталась улыбнуться:

– Ой, извините! – и подалась налево.

Она подвинулась в том же направлении. А потом вдруг стала напирать на меня своей тощей грудью.

– Иди назад! – сквозь зубы процедила она.

– Что? – не поняла я.

– Матвей просил присмотреть за тобой. Шагай назад, а то как поддам!.. И что он в тебе нашел? Такого парня захомутала, подлюка.

Меня дернуло от последнего слова.

Тикунья подняла вверх маленький кулак с побелевшими костяшками на сжатых пальцах. Я попятилась от нее, потом, повернувшись, почти бегом рванула назад. Такая ударит – не задумается. Как-то мне пришлось услышать разговор двух подобных женщин в очереди. Одна хвасталась другой, как кому-то там разукрасила все лицо. Другая, слушая, хихикала, возбужденно потирая ладошки.

Я торопливо захлопнула дверь и дрожащими пальцами защелкнула щеколду. Кто знает эту дикарку? Еще придет и задушит. И ведь никто выяснять ничего не будет. Полиции больше нет, а новая власть еще не научилась наводить порядок. Ну, а если наводят, так убивают ни в чем не повинных людей. Я вспомнила расстрелянных у забора и содрогнулась. Никогда не смогу этого забыть!

Получается, я тут как бы пленница. Вспомнилась фраза Тикуньи, которую та процедила сквозь зубы: «Матвей просил присмотреть за тобой». Ничего себе, новости!

Меня распирало негодование. Я снова стала отмерять расстояние, шагая по комнате – туда-сюда, туда-сюда, – и все внутри клокотало... Да как он смеет! Что он позволяет себе? Все равно уйду, и удержат меня он не сможет.

«А что, если через окно?» – вдруг пришла в голову идея. Первый этаж, все-таки.

Подоконник внутри комнаты располагался высоко – залезть на него без стула было для меня невозможно. Я суежливо сбегала за табуреткой, задвинутой под стол. Валенки были мне непомерно велики, поэтому я едва переставляла ноги, а на обратном пути умудрилась споткнуться и едва не упала. Но снимать их не стала – не босиком же бежать до дому.

Наконец, все было готово к побегу: я – «нарядная», табуретка у окна... То-то удивится Матвей, когда придет. «Меня нет – и след мой простыл», – злорадно подумала я, представляя его выражение лица.

Но тут появилось препятствие: защелка на окне открываться не хотела. Я дергала вверх рычажок, но поддаваться он мне не желал. Разбила палец до крови, и все равно настойчиво продолжала свое дело.

Слезла с подоконника, сбегала за молотком, который валялся у печки, забралась обратно.

Наконец рычажок неохотно поддался, и я облегченно вздохнула... Окно было почти открыто.

Я выглянула наружу и обмерла: во дворе, образовав кружок, стояли вооруженные люди – человек шесть – и курили. Я застонала от чувства безнадежности и захлопнула окно.

Можно было бы заплакать, но меня неожиданно охватила злость. Не буду! Не дожидетесь!

Я спустилась на пол, сняла не мою одежду, положила все на те места, где брала.

Вспомнила про закрытую дверь. Лучше ее открыть. Придет Матвей, постучит, и мне придется подходить, открывать... Совсем не хочется встречать его по-семейному.

Я приложила ухо к двери, убедилась, что с той стороны вроде бы никого в данный момент нет, и только после этого тихонечко отодвинула засов. Опять прислушалась. Тихо. Надеюсь, Тикунья не ворвется...

Он пришел уже поздно вечером. Молча посмотрел на меня, как будто ждал, что я заговорю с ним первой.

Что ж, я так я.

– Матвей! Меня сегодня твоя Тикунья не выпустила. Почему ты ее попросил об этом?

– Ну... она не моя...

– Я хочу домой!

– Теперь ЭТО твой дом, – отвернулся, направился к камину, стал разжигать огонь.

– Матвей, это неправильно. Ты не можешь меня тут удерживать, если я не хочу.

Он обернулся. Глаза его пылали гневом. Я поняла, что он молчал только потому, что не хотел сорваться.

– Ты. Никуда. Не. Пойдешь, – чеканя каждое слово, произнес он. – Отныне ты всегда будешь жить здесь.

– Что тебе от меня надо? Я сама буду решать, где мне жить!

Кажется, он пытался найти слова, чтобы доказать собственную правоту. Но не нашел. Отвернулся и ровным голосом человека, который пытается не взорваться, произнес:

– Это единственный путь – спасти тебя.

Зато я сорвалась. Голос звенел, дыхание сбилось, и я начала выкрикивать слова, глотая окончания слов:

– Не надо меня спаса..! Я уже выросла... А потом... Кто ты такой для меня? Не

родственник, чтобы командова...

Когда Матвей на меня взглянул, я испугалась. Губы его превратились в две тонкие полоски, желваки на скулах побелели. Я отступила на шаг, готовая сорваться в любую минуту и начать бегать по комнате, чтобы только не попасться ему в руки. Подумала, что сейчас он подскочит ко мне и ударит. Все они такие – пролетарии. Только и умеют, что драться. Если человека учили в детстве выяснять отношения с помощью слов, он сейчас – в проигрыше. Они язык не понимают. Для них сила – все.

...Но он не сделал мне ничего плохого. Просто отшвырнул прочь полено и выскочил из комнаты. Да так сильно хлопнул дверью, что со стены упала вешалка с одеждой.

Его не было очень долго. Я ходила по комнате в ожидании, мысленно разговаривала с ним, убеждала отпустить меня. Тренировалась, как угрожающе скажу фразу: «Если ты меня не отпустишь...» Но что будет, если он этого не сделает, придумать не смогла. Зато придумала, с чего начну. Скажу: «Я понимаю тебя, Матвей. Но и ты постарайся меня понять». Да-да, именно так начну с ним разговаривать, и очень-очень спокойно. Ведь агрессия, любил повторять батюшка из нашего прихода, всегда порождает агрессию.

Я все придумала, а Матвей почему-то не приходил.

Уже было поздно, захотелось спать, и я, не раздеваясь, прилегла на кровать. Лежала, прислушивалась к каждому звуку. Теперь, пожалуй, можно было услышать, как открывается и закрывается входная дверь в гимназию. Днем это невозможно – слишком шумно кипит жизнь в комнатах и коридорах.

Я уже стала бояться, что он пошел на расправу к тете. А вдруг он что-нибудь сделает с ними? Села, переполненная страхом. И в этот момент хлопнула входная уличная дверь, затем я услышала шаги в коридоре, близко к комнате Матвея, и, упав головой на подушку, притворилась, что сплю. Я лежала с закрытыми глазами и видеть его не могла. Но догадалась: он, ведь больше некому.

Матвей тихо зашел, прикрыл осторожно дверь и постоял у входа. Свет не включал. Стараясь не шуметь, медленно закрыл дверь на щеколду.

Я по-прежнему делала вид, что сплю, спокойно и глубоко дыша. На самом деле, мне было очень тревожно: сердце бешено билось, а сама я вдруг начала мерзнуть. Я так много хотела ему сказать! А сейчас лежу, дрожу и бездействую. Все мое красноречие куда-то испарилось, мозг отказался думать, и я уже не помнила, с чего хотела начать наш разговор.

Сейчас я успокою себя и свое выстукивающее дробь сердце, а потом поговорю с ним...

Матвей осторожно, стараясь не шуметь, передвигался по комнате. Вдруг он остановился у кровати. Я замерла. Страх парализовал меня. Услышала легкий щелчок ремня, шелест ткани и поняла, что он раздевается. Не успев прийти в себя от этого открытия, почувствовала, как он опускается рядом. Я лежала ни жива ни мертва. Сердце стучало так громко, что мне подумалось, Матвей тоже его слышит. Хорошо, хоть он не видит моего лица. Наверняка мимика такая, что сразу будет понятно: я не сплю, а лежу, притворяюсь и трясусь от страха.

Матвей лег рядом, а его рука опустилась мне на плечо. Потом он придвинулся ближе.

Мне показалось, что я слышу теперь два сердца. Что же, он тоже волнуется? Почему?

Вдруг он тихо заговорил:

– Саша! Ты на меня не обижайся. Я тебе вредить не хочу. Наоборот: все пытаюсь защитить, а ты не позволяешь. Я и в школу тебя да твою тетю пристроил не случайно. Так спокойнее. Ты знаешь, сколько сейчас, таких, как вы, сидят дома и не работают? А деньги закончатся, что они будут делать? Ведь никто их не возьмет на работу. Сейчас, кроме военных, никто и не нужен. Время такое... Хорошо, хоть Ленин сказал, что надо учить людей читать и писать.

Он помолчал. Наверно, пытался понять, сплю я или нет. Потом продолжил:

– Я читал раньше про любовь и думал: сказки для буржуев. Видел, как жили мои родители и родители моих друзей... Любви между ними я не замечал. Да и сам не страдал от этого. Не нужна мне была никакая любовь. А вот тебя встретил и голову потерял. Да я за тебя, ты знаешь, глотку перегрызу... Только ты мне не веришь. Или просто, думаешь, зачем я тебе нужен... Да, ты образованная, воспитанная. А я – сын рабочего и прачки. Но я ведь в этом не виноват. Родителей не выбирают. Где родился, там родился. Может, ты и не полюбишь меня никогда, такого... Но мне даже это сейчас неважно. Я боюсь за тебя так сильно, что мои собственные чувства – это...

Видимо, слов у него не хватило – предложение он не закончил. Зато сказал другое, и я чуть сознание не потеряла от услышанного.

– И я решил твердо: ты будешь моей женой. Тогда ты всегда будешь рядом, и я смогу тебя уберечь от беды.

Матвей снова притих. Ждал, что я сердито начну противоречить ему? А что говорить? Ему не докажешь. Он упрямый. Лучше отмолчаться, а завтра я найду путь уйти отсюда. Ну, а дома тетя и Гертруда уже не дадут меня в обиду.

– Я, знаешь, что подумал, Саш. Сейчас в стране беспорядок, война. Но когда-нибудь ведь это закончится. И тогда Россия будет сотрудничать с другими державами. Даже с Германией. И я обязательно помогу тебе тогда найти твою семью. Я обещаю! Я клянусь!

Он произнес это так горячо и убежденно, что, конечно, я не выдержала: открыла глаза. То, что он сказал, было такой замечательной новостью, что внутри меня возродилась надежда, которая уже захла в душе.

– Ты правду говоришь, Матвей? – взволнованно переспросила я. – Ты мне pomoжешь найти семью?!

– Я постараюсь... Но это еще не сейчас. Ты же видишь, что в стране...

– Да-да, я понимаю. Я просто поверить не могу, что ты хочешь мне помочь.

– Да я для тебя..., - горячо произнес он. И вдруг притянул меня к себе и прижался своими губами к моим.

– Сашенька, я так люблю тебя, – шептал он.

А я не смогла оттолкнуть его. То, что он сообщил, будто возродило меня к жизни. Как здорово, что всё-таки когда-нибудь появится возможность соединиться с моей семьей! Надо верить. Надо ждать и верить. Я даже представила себе будущее. Я вся была уже там: с моими родными папочкой, мамочкой и Никиткой.

И ничего не осознавала сейчас. Но придя в себя через пару минут почувствовала, что кофточка моя расстёгнута, а Матвей целует мне шею и пробирается глубже.

– Матвей, – испуганно прошептала я. – Не надо, пожалуйста...

Но он меня не слышал...

Глава 12. Красные, белые... Нет конца злосчастьям!

Прошлое.

77

Как не безотрадно это звучит, но утро я встретила в объятьях чуждого мне мужчины.

Было уже светло. Наверно, часов десять. Немудрено, что мы проспали так долго. Легли поздно, а потом еще... Господи, лучше не вспоминать, что было потом.

Матвей спал, а я лежала и рассматривала его осторожно, готовая в любой момент зажмурить глаза.

Мы уже были знакомы не первый месяц, но я никогда не задавалась целью разглядеть цвет его глаз, форму носа, высоту лба, губы... Всегда бросала поверхностный взгляд. Почти никогда наши глаза не встречались. Только русый цвет прямых волос стал для меня знакомым и, наверно, если бы я увидела Матвея издали без шапки, только по одним волосам узнала его.

Высокий лоб с тонкими, едва заметными бороздками морщин. Когда он будет старше, они проступят глубокими полосками. Прямой нос, темный цвет подглазиц...

Я снова закрыла глаза.

Эта ночь повернула мою жизнь в совсем другом направлении.

Что же теперь будет? Стану его женой? Или останусь любовницей? Как мне привыкать к нему, без любви? А может, просто забыть сегодняшнюю ночь? Сейчас такая свобода нравов, что мое падение будет незаметным.

Как странно я рассуждаю. И внутри меня все спокойно. И ни капли стыда. Почему? Душа превратилась в камень?

Я подавила вздох. Вдруг вспомнилось, как я ехала к тете прошлой осенью в поезде и думала о своей взрослости. А теперь что же? Теперь я уже как старуха: все перевидала, все испытала. И страх, и ужас смерти, и голод, и холод. А сейчас еще и полную потерю стыда?

Потом вдруг вспомнила вчерашнее обещание Матвея. Ведь после этого ко мне вернулась надежда! Может быть, и правда, когда-нибудь я приеду к своей семье. И тогда уж точно забудется эта ночь, а также этот мужчина. Сейчас же просто надо потерпеть. Если ради встречи со своими близкими я должна стать женой Матвея, стану. Мама поймет. Да и папа, наверно... Кого я потеряю навсегда, так это Алексея. Хотя... был ли он когда-нибудь моим?..

А вдруг Матвей обманул меня? И совсем не собирается мне помогать. И вообще, все переменится, когда он проснется: его обещания, его отношение ко мне, всё!

Я распахнула глаза, вздрогнув от внезапного ужаса, охватившего меня.

И одновременно со мной глаза открыл Матвей. Я затрепетала от неожиданности. Зажмурилась. Но поняла: он успел заметить, что я проснулась.

Осторожно приоткрыла один глаз. И увидела, как губы Матвея растянулись в широкой счастливой улыбке. Он блаженно потянулся, поцеловал меня в нос, крепко прижал к себе и

прошептал:

– Как с тобой хорошо! У меня от счастья прямо дух захватывает.

У него дух захватывает! Я с трудом спрятала вздох несчастливой женщины. А потом выдавила из себя улыбку, вспомнив об обещании Матвея.

Буду хорошей. Не буду с ним ссориться...

Матвей решил не терять времени. Забыв о завтраке, стал торопить меня:

– Саша, нам нужно срочно идти в городскую управу.

Я сразу не поняла, зачем. Потом, сообразив, испугалась: не думала, что это случится так скоро.

– Матвей, надо бы пригласить тетушку и Гертруду.

– Какой смысл, Саша? Там только запишут наши имена в книгу, и – всё! Потом мы сразу пойдем к твоим и расскажем... Или... ты уже не хочешь? – голос его дрогнул.

Конечно же, не хочу!

Нет, вслух я это не сказала. Однако уточнить, не обманывал ли меня вчера Матвей, все-таки решилась:

– А ты и вправду поможешь мне найти мою семью?

Матвей нервно моргнул. Легкая тень пробежала по его лицу. Он сглотнул и твердо произнес:

– Я сделаю всё, что в моих силах. Но это случится не завтра, Саша. Ты должна это понимать.

– Да, конечно.

Я действительно понимала это. В стране хаос, и пока все не придет в норму, уехать не получится.

Матвей напряженно ждал, что я скажу. Не торопил, не давил. Я посмотрела на него, и впервые наши глаза встретились надолго. Мне хотелось понять, о чём он думает. Матвей, кажется, хотел бы знать то же самое.

«Что я теряю? – думала я. – Сейчас каждый день может стать последним. Все свелось к простому выживанию. Так пусть что будет, то будет. По крайней мере, может, потом он действительно мне поможет»...

Нынешняя городская управа не поменяла свое место с приходом красных. Только у входа теперь стоял вооруженный красноармеец – мужик лет пятидесяти. Он махнул Матвею, узнав его, с интересом поглядел на меня. Матвей кивнул ему и обернулся, пропуская меня вперед.

В коридорах бежали люди, все вооружены. С кем-то Матвей здоровался, кому-то кивал. Здесь на меня уже внимания почти не обращали. Поднявшись на второй этаж, мы остановились у закрытой двери, на которой простой гвоздь держал листок бумаги. Печатными буквами было написано:

НАЧОТ по РАЗВОП
НАЧОТОБРАЗ
ЗАГС

«Что это значит?» – хотела спросить я, но не успела, потому что дверь распахнулась, и из кабинета выскочил заросший, как баран, бородатый мужик. Он обернулся назад, засунул голову в открытый проем и заорал:

– Ты не имеешь права! Ни для того мы революцию делали!

В следующее мгновение он уже бежал по коридору, удирая от выскочившего из кабинета военного с пистолетом в руке.

– Я тебе покажу «права». Что б больше я тебя тут не видел!

Тут военный заметил Матвея. Улыбнулся, показав в улыбке желтые зубы:

– Привет, Матюха!..

– Здравствуйте, Петр Кузьмич!.. Что, опять Карпыч правду приходил искать? – усмехаясь, спросил Матвей.

– Да ну его. Говорит: хочу ворчливую жену заменить на новую. Дайте мне какую-нибудь получше...

Хотел еще что-то сказать, но заметил меня.

– Здравствуйте! – робко произнесла я, прячась за спину Матвея..

– Что, Матвей, знакомь меня со своей подругой! – бодро предложил Петр Кузьмич.

– Невестой, Кузьмич, невестой.

– Неужели? – и я почувствовала нотки разочарования в голосе военного. – Некогда сейчас, Матвей, семьей обзаводиться. Не всех врагов революции прикончили!

Матвей отнесся к его словам спокойно.

– Она будет не просто женой. Саша – моя боевая подруга. Она уже мне во всем помогает. Кузьмич, это – учительница, ну, ты знаешь.

– Она, что же, из бывших?

– Ее родители сочувствовали нашим и были расстреляны белыми...

У меня в горле запершило от его слов, хотя уже и слышала эту «сказку»...

– Ну, хорошо, твое дело... Пойдемте в кабинет...

Петр Кузьмич пошел к своему столу, заваленному бумагами, порылся и извлек из-под бумаг большую амбарную книгу. Открыл почти в начале.

«Не много желающих», – подумала я с горькой усмешкой.

– Не так много желающих, – хмыкнув, повторил мою мысль Кузьмич. – Ну да ладно, Матвей, создавай ячейку нового общества. Заводи детей и расти их настоящими большевиками!

«Господи! Что я делаю?» – в ужасе подумала я.

Петр Кузьмич склонился над книгой, написал номер 36 и подвинул ее Матвею:

– Пиши свое имя полностью.

Заглядывая парню через плечо, добавил:

– И год рождения напиши, и место рождения... Теперь вы, сударыня...

В слове «сударыня» мне послышалась некоторая издевка. Дрожащими пальцами я написала свое имя, год рождения и название родного приморского городка.

– Теперь распишитесь... Тут и тут... Ну, вот и все. Вы теперь – новая семья. Поздравляю!

Он пожал руку Матвею, слегка сжал мои пальцы и заглянул мне в лицо.

– Что-то твоя невеста... то есть жена – очень бледная... Корми ее лучше.
Матвей кивнул.
– Ну, ладно, ребятки, бегите. Некогда мне.
И он проводил нас до двери...

Матвей привел меня обратно в свою комнату-класс. Уходила я отсюда свободным человеком, а вернулась его женой. И хотя, наверно, нельзя было признать этот брак действительным (ведь мы не венчались в церкви), но по новым законам страны я теперь была в законном с ним супружестве. Могла ли я считать себя таковой? Или для меня это было вроде тайного сговора с самой собой: он хотел, чтобы я стала его женой, и я стала; теперь его очередь – исполнить обещанное и помочь мне соединиться с семьей. Что ж, буду терпеть и ждать.

Только мы зашли в комнату, и дверь за нами закрылась, Матвей бросился ко мне с поцелуями. Я покорно подставляла лоб, щеки, губы. Он шептал мне слова любви. Но я ничего не испытывала. Вроде как все эти признания пролетали мимо моих ушей, а к сердцу не проникали.

Помню: что-то подобное любил повторять учитель по арифметике в гимназии, в которой я училась.

– Барышни! – говорил он. – У меня сильное чувство, что во время урока все мои объяснения опять пролетели мимо ваших прелестных ушек и не попытались даже заглянуть внутрь.

На это все мы весело хихикали...

– Матвей, подожди! – попыталась остановить я своего ... хм... мужа (трудно привыкнуть к этому слову). – Ты ведь не забыл о своем обещании?

– Нет, Сашенька, конечно, – остановился он и перевел дыхание. – Но я же говорил тебе, что не сейчас.

– Да, понимаю, – я вздохнула.

В дверь громко застучали. Так как мы все еще стояли на пороге, Матвею понадобилось лишь протянуть руку, чтобы толкнуть ее. А также он отпустил меня.

За дверью стоял солдат.

– Здравствуйте! – сказал тот, с любопытством посмотрев в мою сторону.

– Заходи, Прохор! – пригласил Матвей; и тут же не замедлил представить меня пришедшему: – Это моя жена.

Я почувствовала в его голосе гордость.

– Ты что пришел? Случилось что-то? – продолжал между тем Матвей.

– Да! – Он придвинулся к уху Матвея и зашептал что-то.

Но так как я стояла близко, то обрывки фраз долетели до моих ушей. Услышала: «уже рядом... километров тридцать... их много...»

Матвей нахмурился и бросил в мою сторону тревожный взгляд.

– Хорошо, Прохор! Ты беги, дальше оповещай всех. Я отведу жену к родственникам и приду в штаб.

Прохор еще раз смерил меня любопытным взглядом и скрылся за дверью...

Через пять минут мы уже шагали к тетиному дому. Матвей думал о своем, хмурился, молчал, на меня не смотрел.

Полянск ожил, но это оживление не было праздничным. По улицам нам навстречу потоком двигались люди с оружием. Мрачные серые лица, угрюмые взгляды... Похоже, они собирались или покинуть город, или бороться до конца, чтобы не дать отвоевать занятую ими территорию.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я.

Матвей не ответил, а только еще больше помрачнел.

Хотя было понятно, ЧТО случилось, и всё же хотелось получить подтверждение от самого Матвея, чтобы точно убедиться в моих домыслах. Те подслушанные слова, которые солдат шептал на ухо парню: «уже рядом... километров тридцать... их много...» позволяли предположить, что к городу идут белые. По тому, как засуетились красные, силы не равны. Тех, кто охраняет подступы к городу, а также внутренних сил, недостаточно. Вот и объявлена тревога: большевики готовятся к бою. Или отступлению.

Мы, жители Полянска, практически ничего не знали, что происходит за пределами города. Красные скрывали правду от людей. Любопытство же нынче было очень опасным. Особенно в среде «бывших». Ведь любой разговор в поддержку белых или даже просто показ интереса – и ты уже враг революции. А это грозит расстрелом. Поэтому, если кто-то что-то и слышал случайно, притворялся, что ничего не знает.

Получается, вполне даже вероятно, что вскоре Полянск будет избавлен от большевиков? Значит, и я, и тетя, и Гертруда – все мы окажемся свободны? Всё вернется назад: порядок, мир, старая власть... Тогда у нас появится возможность поехать к моей семье. Или они вернутся обратно...

Ох, как радостно забилося от этих мыслей сердце!

Матвей неожиданно остановился. Посмотрел на меня хмуро, спросил:

– Саша, если со мной что-то случится, ты ведь будешь рада?

Я вздрогнула от его вопроса. Замерла в оцепенении.

– Отвечай! – резко потребовал он.

Мы стояли на середине улицы. Кто-то невольно толкал нас, кто-то ругался. А мы застыли, глядя друг на друга, не обращая внимания на тех, кто проходил мимо. Я не могла отвести в сторону своего взгляда, потому что видела в глазах Матвея боль.

Не всегда душа становится равнодушной к чужим злосчастьям, если их вокруг слишком много. Да, я никогда не пыталась относиться с пониманием к своему неожиданному поклоннику, а теперь и мужу. Но тут вдруг почувствовала, что творится в его душе. Он ждал от меня не только взаимности, понимания, но и элементарного сочувствия... Да, и сочувствия тоже! Вон какое время сейчас! В любой момент могут убить. И очень хочется в такое тревожное время знать, что ты кому-то нужен, что кто-то переживает за тебя, ждет, что кому-то не безразлична твоя судьба. Если задуматься, я для него – единственный близкий человек.

И мне стало искренне его жалко. В горле запершило, глаза наполнились слезами. В порыве чувств шагнула к нему, положила голову на широкое плечо, проговорила хриплым голосом:

– Нет, Матвей, я не буду рада!

Это было правдой.

Да и разве можно радоваться чужой смерти, несчастьем, боли? А радость моя – в том случае, если придется расстаться с ним, – совсем другого характера. Я просто хочу жить со своей семьей. И еще с тем, кого люблю.

Матвей неожиданно расчувствовался: порывисто обхватил меня своими сильными ручищами и прижал к своей груди.

– Спасибо! – прошептал он, и голос его дрогнул.

С нежностью заглянул в мои глаза. Но, почти сразу вернулся в реальность и выдохнул тяжело:

– Пойдем. Нужно спешить.

Он проводил меня до тетиного дома, но внутрь не пошел. Сказал:

– Саша, очень тебя прошу. На улицу не выходите. И у окон не стойте. Возможно, будет стрельба. Будьте осторожны!

Да, он без притворства переживал за нас: и за меня, и за мою нынешнюю семью – здесь не было ни капли фальши.

Матвей наклонился ко мне, поцеловал в губы, шепнул «Люблю» и торопливо зашагал прочь. Я смотрела ему вслед, ждала, что он обернется и помашет рукой, но он не сделал этого. А вскоре уже скрылся за поворотом. Те смешанные чувства, которые бродили в моей душе, были настолько противоречивы, что я почувствовала себя абсолютно растерянной. С одной стороны, мне жаль Матвея, с другой – я хочу жить своей жизнью, не связанной с ним, поэтому поневоле рада приближению белых.

Я зашла в дом.

Мои мысли тут же вернулись к предстоящему трудному разговору с тетей и Гертрудой: как-то мягко надо сообщить им о своем неожиданном замужестве...

Я постояла минутку на пороге, перед дверью в комнату, собираясь с мыслями и настраиваясь на непринужденное «как-обычное» поведение...

Тетя и Гертруда обрадовались моему приходу, сразу засуетились, забежали.

– Как ты себя чувствуешь, Сашенька? – наперебой задавали они один и тот же вопрос.

– Хорошо, – успокоила я их.

Гертруда почти силой усадила меня в кресло, заботливо укрыла пледом, приговаривая:

– Тебе еще рано много двигаться. Сиди.

В другой бы раз они бы встретились с бурей моего негодования от такой чрезмерной опеки, но сейчас... в голове крутилась только одна мысль: как сказать им, что я теперь замужем за Матвеем? Для них новость будет настоящим ударом. А набожная Гертруда с ума сойдет, когда узнает подробности: странный брак – без церкви, батюшки, благословения родственников...

А может, пока не говорить? Если белые займут город, Матвей, возможно, не вернется сюда – отправится дальше, вместе со своей красной братией. Жизнь снова войдет в свое русло. Тогда можно будет забыть и о минувшей ночи, и об этом немного странном, торопливом замужестве: без наряда невесты, цветов, близких людей.

Пожалуй, промолчу пока...

– Саша, ты где? – услышала я голос тети рядом и подняла на нее взгляд. – Я тебя третий раз спрашиваю: что Матвей? Не упрекал тебя за наш несостоявшийся побег?

Да, не буду ничего говорить...

А вот о другом...

– Тетя! Гертруда! – зашептала я. – Я кое-что знаю. Только тихо! Идите ко мне поближе.

И поведала им новость о приближении к Полянску белых.

– Ты уверена? – расширив глаза в радостном изумлении, переспросила тетя.

*И получив вместо ответа мой кивок, женщины тут же ударились в мечты. Шепотом говорили о том, что если **это** случится, нужно немедленно снова попробовать выехать из города и по территории, занятой белыми, перебраться к границе.*

Я оставила их строить планы, а сама встала с кресла и подошла к картинам Алексея, которые снова вернулись на свои привычные места. Откуда-то из совсем другого мира на меня смотрел Никитка, гладивший Ветерка. Где ты сейчас, мой милый братишка? Где вы, дорогие мои, мамочка и папочка? Может, Бог даст, и мы скоро встретимся? Мельком посмотрела я и на свой портрет. Те заботы, которые одолевали меня в тот день, когда я позировала Алексею, теперь казались маленькими и незначительными.

Тут же голова наполнилась думами о нём. Где он сейчас? Жив ли? Надеюсь, у него все хорошо...

Мое сердце сжалось от мысли: если раньше я вспоминала его каждый день да не по разу, то теперь вспоминаю его редко...

За окном стал слышен топот сапог и крики. Я осторожно выглянула в окошко. Да, похоже на то, что красные отступали. Среди бежавших людей я попыталась разглядеть Матвея.

– Саша, немедленно отойди от окна! – тут же зашептала из глубины комнаты тетя.

Она, конечно, была права. Опасно...

Всю ночь за окном была стрельба. Мы, хотя и легли в постели с приходом темноты, но одежду не сняли – вдруг придется выскакивать на улицу. Да и разве можно уснуть от тревожных всплесков и выстрелов снаружи? Вот и лежали тихо, прислушивались, перешептывались.

Сначала звуки стрельбы перекатывались на расстоянии. Потом – прямо рядом с нашим домом. Где-то совсем близко лопнуло, рассыпалось оконное стекло. С ужасом мы ожидали, что шальная пуля залетит и к нам. Но обошлось...

Вскоре выстрелы стали тише: видимо, бой переместился на соседнюю улицу...

Под самое утро я задремала. Увидела во сне Матвея и Алешу. Они бежали, каждый с ружьем в руках. Вдруг встретились, остановились, замерли от неожиданности... Смотрят в глаза друг другу и медленно направляют оружие: Алексей – на Матвея, Матвей – на Алексея.

Я страшно напугана. Пытаюсь кричать им:

– Остановитесь!

Но вместо крика изо рта вырывается шепот. Я осознаю: они меня не слышат... Боюсь финала и, хотя понимаю, что сплю, всё равно страшно. Заставляю себя открыть глаза. Лежу, прислушиваюсь. Где-то, уже совсем далеко, слабые звуки стрельбы. Рядом – неровное дыхание тети. Чуть поодаль – ворочается Гертруда: может, спит, а может, нет. У меня нет сил проснуться окончательно, и я снова погружаюсь в полудрёму. Но, слава Богу, большие не вижу никаких сновидений...

В городе установилась новая власть, точнее, уже забытая старая.

Сначала мы были этому рады. Надеялись, что все вернется на круги своя. И хотя наши освободители – заросшие, грязные, неухоженные, с хмурыми лицами – абсолютно не походили на храбрых довоенных офицеров, однако они казались нам ангелами-спасителями.

Но через пару дней, в окошко, я увидела, как людей снова ведут на расстрел, и сердце мое тревожно заныло. Опять террор, убийства... Нет конца насилию!

...Шли третьи сутки с тех пор, как белые заняли город.

Тётя в течение этого времени искала возможность выехать из города в направлении к ближайшему порту: ходила в городскую управу, с кем-то разговаривала, о чём-то просила... Наконец, получив категорический отказ, как-то сразу поникла, приуныла, постарела.

На четвертый день и я наконец-то вышла из дома. Тете после неудач было не до меня, и ее согласия не потребовалось. А Гертруда, которая уже ходила накануне на рынок, сказала, что вроде бы в городе более-менее спокойно. К тому же, она твердо верила в большую безопасность сейчас, чем до недавнего времени, с большевиками.

...На улицах города за эти дни мало что изменилось. Та же грязь и неухоженность, та же нищета прохожих, те же серые, мрачные лица... Добавилось несколько разбитых окон, только и всего. А еще по улицам теперь ходили военные в другой форме.

Решила: сделаю круг и пройду мимо гимназии – посмотрю, цела ли она. Ведь во время уличных боев могло случиться все, что угодно.

Только я закрыла за собой входную дверь, сразу же кто-то меня окликнул. Обернулась. На противоположной стороне улицы стоял военный в обветшалом, грязном мундире, со щетиной на лице, впалыми щеками, темными кругами под глазами, с потрескавшимися губами. Я не узнала его, и растерянно наблюдала, как он устремился ко мне через дорогу.

Когда военный подошел ближе, то воскликнул знакомым голосом:

– Сашенька, это же я, Антон!

Я была поражена настолько, что еще минуту не могла ничего произнести.

Да, это был Антон Кончаловский, тот самый «жених», от которого я сбежала к тете. От его пухлого телосложения не осталось и следа. Он заметно повзрослел. Передо мной как будто стоял другой человек.

– Антон? – вымолвила я, пытаясь спрятать удивление и выйти из охватившего меня оцепенения.

– Что, сильно изменился? – с ноткой грусти спросил он. – Да, война – это не увеселительная прогулка.

– Я очень рада тебя видеть!

– Как ты? – спросил он с явным любопытством. – Изменилась... Похудела... Но все равно та же прелестная Сашенька, – он улыбался и, я заметила, с удовольствием разглядывал меня.

– Спасибо, – ответила; и засмеялась: от его смешной откровенности и от чувства, что все возвращается в прежнее русло – комплименты, намеки, старые ухажеры...

– Ты, кажется, живешь с тетей? А твои родители? Слышала что-нибудь о них?

– Родители уехали за границу. К сожалению, я больше года ничего не слышала о них, – голос мой дрогнул.

– Как же ты ТУТ осталась, Саша?

– Так вышло, – и в горле отчаянно запершило.

Чтобы не случилось неожиданных слез, я торопливо переключилась на своего бывшего жениха и стала задавать ему вопросы.

– А ты? Как ты? Как твои родители?

– Папа где-то воюет. Ничего не слышал о нем... с тех пор, как расстались в начале восемнадцатого... Мама осталась в нашем городе. Я не видел ее уже несколько месяцев. И тоже ничего о ней не знаю... А ты, замуж не вышла? – вдруг спросил он.

Я смутилась от неожиданного вопроса. Обманывать у меня никогда не получалось. Если не хотела говорить неправду, предпочитала отмалчиваться. Самое плохое было, если спрашивали в упор, как сейчас.

Но Антон, похоже, не мог даже предположить, что я могла в такое время выйти замуж. Поэтому он, сам того не ведая, спас меня от вранья:

– Я ведь буду надеяться на ответные чувства, Саша, и когда война закончится, снова попрошу твоей руки.

Я улыбнулась, мысленно поблагодарив его за то, что помог мне не придумывать ложь.

– Ну, ладно, пора мне, – грустно произнес Антон. – Хотелось бы подольше с тобой поговорить, да идти надо. Ты в этом доме живешь?

Я молча кивнула.

– Можно мне зайти как-нибудь? Если получится...

Я опять кивнула.

Он медленно взял мою руку в свою и, поднеся ее к губам, поцеловал сквозь старенькую потертую варежку, чем страшно смутил меня. Заметил это и постарался успокоить:

– После войны, Сашенька, моим первым тебе подарком будут красивые кожаные перчатки. Так что жди меня, ни за кого замуж не выходи!

После этого заявления он вдруг отдал честь, щелкнув каблуками своих сильно поношенных сапог, и, перебежав на другую сторону улицы, скоро исчез из виду.

«После войны», – сказал он. Встретимся ли мы с ним после войны? Столько людей погибает каждый день! Доживем ли?.. Как страшно!

Я с грустью смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за углом...

Не знаем мы своего будущего. Не дано нам это. Но всегда у нас есть выбор принять какое-то решение. Интересно, что бы было сейчас со мной и с ним, если бы я послушалась родителей и вышла за него замуж?

Неисповедимы пути Господни...

В эту минуту я еще не знала того, что мне не придется дожидаться окончания войны, чтобы встретиться с Антоном. Наша встреча уже предугадана и спланирована небесами. Встреча, которая произойдет очень скоро!..

Я не спеша гуляла по городу. Конец марта, однако по-прежнему было прохладно.

Дошла до дома Алексея. Здание казалось необитаемым. Темнели зашторенные окна, на воротах висел замок.

"Странно, – подумала я. – Вроде бы сюда кого-то поселили. Почему никого не видно? А где сейчас Алексей? Власть в городе сменилась. Может, вернется обратно, в свой дом?"

На рынке, несмотря на перемены в городе, как обычно царило оживление. Шныряли беспризорники. Неужели с приходом в город белых бездомных детей выгнали на улицу, как когда-то большевики также бесцеремонно закрыли тетину гимназию?.. Я пыталась разглядеть среди детей знакомые лица, тех, кого совсем недавно пыталась зарегистрировать в приемнике, в помещении бывшей картинной галереи. Нет, кажется, мальчишки не те. Хотя разве я могла запомнить всех?

Тревожно вздохнув, пошла дальше.

Пожалуй, дойду до гимназии, решила...

На первый взгляд, со зданием всё было в порядке. Даже окна выглядели целыми. По крайней мере, со стороны улицы. У ступенек, перед входом, стоял автомобиль – очень редкое явление в Полянске. Ватага ребятишек облепила его со всех сторон, трогая, глядя, заглядывая под низ кузова и внутрь, где за рулем сидел шоффер и со снисходительной улыбкой поглядывал на ребятню.

Я, умерив свое любопытство, повернула, чтобы идти домой. И тут неожиданно нос к носу столкнулась с соседом Матвея – бывшим моряком. Кажется, его звали Прокофий.

– Здравствуйте! – поздоровалась.

Он, избежав формальностей, связанных с приветствиями, тут же стал выкладывать последние новости:

– У нас двух офицеров поселили. Прямо в Матвея комнату. И еще Чалковых подвинули... А Матвея твоего уже дня четыре нет. Прячется где-то. Ну, это понятно. Вчера шестерых расстреляли на территории кирпички (я поняла, что он имеет в виду кирпичный завод). Власть сменилась, новая метла выметает старое... Вот так-то. Так што не ходи пока туды. Кто их знает, что удумают.

– Спасибо, – объяснять ему, что я «туды» и не собиралась, не стала. – До свидания.

– И я лучша дома посижу. Живее буду, – себе или мне сообщил Прокофий и заковылял в сапогах с привязанными ко дну подошвами к двери гимназии.

Я повернула к дому.

Что же теперь получается? У большевиков я могла бы стать врагом революции и народа, потому что из «бывших». Сейчас меня тоже могут записать во враги, правда, уже не народа. Ведь я работала в рабоче-крестьянской школе учителем, учила людей читать слова «революция», «Ленин», «свобода». А если найдут в городской управе книгу, в которой наша с Матвеем запись о гражданской регистрации, точно врагом стану. Лучше мне, как и

Прокофию, эти дни из дома не высовываться. Пусть все успокоится. А там видно будет.

Я торопливо зашагала по тротуару, свернула на соседнюю улицу и тут увидела то, от чего тревожно забилося сердце и засосало в желудке.

Вели людей под конвоем. Они шли по двое, и их было только четверо. Оборванные, грязные, с синяками и кровоподтеками на лицах. Босые и без верхней одежды! – а ведь на улице, хоть и последние дни марта, всё еще холодно! У того, который шел с краю, на грязном бинте, небрежно забинтованном на голове, (даже не бинте, а просто тряпке) темнели темно-бурые пятна.

Я испуганно прижалась к стене, пропуская мимо себя эту страшную процессию.

Вдруг среди них увидела Матвея. На его лице темнела засохшая кровью царапина. Обувь на ногах не было, рукав рубашки был оторван. Он хмурился, покусывал губы. Я замерла, сдерживая внутри пытавшийся вырваться крик.

Наши взгляды встретились. И мне показалось, что я вижу только его глаза. Все остальное исчезло. Я вижу его черные зрачки, они расширяются. А там, внутри зрачков, забор... И тела людей, сваленные в кучу. И запах смерти...

Мы смотрели друг на друга мгновение, не больше. Хотя показалось, что снова прошел перед моим сознанием от начала до конца тот поздний вечер, когда я вместе с тетой Тамарой и Гертрудой пыталась сбежать из города...

Матвей быстро отвел взгляд в сторону. Почему? Боялся подвести меня? Или ему было страшно увидеть в моих глазах радость от грядущей свободы от него, то, чего он совсем недавно боялся и о чем мне говорил?

Но мне этого мгновения – воспоминания о невинно убитых у каменной ограды бывшего Емельяновского купеческого дома – хватило.

Я почувствовала, как онемели и стали безвольными мои руки. Потом исчезла сила из ног. Закружилась голова, и я прислонилась к стене дома, боясь упасть на грязный тротуар.

Арестанты медленно прошли мимо, и в момент, когда туман стал заволакивать мир вокруг меня, я заметила их конвоира – им оказался Антон Кончаловский!

Он тоже меня увидел, и до меня донеслись его слова:

– Видишь, Сашенька, чем приходится заниматься. Людей не хватает!

Потом он закричал, повернувшись к арестованным.

– Эй, остановились!

Я попыталась выдавить улыбку и одновременно ногтями удержаться, цепляясь за стену, из последних сил стремясь преодолеть всё нараставшую слабость. Но потемнело в глазах...

Последнее, что я услышала, было восклицание Антона:

– Саша, что с тобой?

И все. Снова мелькнул забор в темноте, одинокий фонарь, лежавшая на земле Лайла в красивой кружевной юбке...

Затем наступила ночь, черная ночь...

Сознание ко мне возвращалось медленно. Как будто издалека, я услышала знакомые голоса:

– К сожалению, это уже с ней не в первый раз. Не знаю, что и подумать. Несколько дней

назад она увидела расстрелянных и тоже упала в обморок, – звучал голос тети.

– Ой, деточка наша! – причитала Гертруда.

– Да, – протянул голос Антона, и я остро почувствовала, как ему тяжело сейчас. Как будто камень лежит на душе моего бывшего жениха.

«Неужели он так искренне за меня переживает?» – мой мозг с трудом сформулировал мысль.

Я с трудом открыла глаза – веки были тяжелыми и не хотели подниматься.

– Она очнулась! – радостно сообщила Гертруда.

Тут я увидела сразу три головы, склонившиеся надо мной. Так как круг моего зрения был еще узок, головы напоминали Змея Горыныча – всё, что дальше – шеи, туловища, – находились в тумане. Все три головы мне были хорошо знакомы. Поэтому я счастливо улыбнулась.

– Девочка моя, как ты себя чувствуешь? – спросила тетя.

– По-видимому, не так плохо, раз улыбается, – ответил за меня Антон, и в голосе его почувствовалась горчинка.

Похоже было, что он не только переживал, но еще и злился на меня. За что?

Но в следующий момент я вспомнила: Антон с винтовкой, красноармейцы, Матвей...

Мне захотелось все объяснить, но, к счастью, я не смогла вымолвить ни слова. Почему "к счастью"? Да потому, что через несколько минут узнала следующее. Когда я потеряла сознание и начала падать, Антон бросился ко мне, чтобы не дать свалиться и разбить голову о каменную мостовую. А все его пленники тут же разбежались. Руки у них связаны не были – они просто держали их за спиной. Так что им не составило труда удрать...

Поневоле, но мой обморок спас Матвея от расстрела. Надеюсь, что спас...

Между тем, Антон наклонился ко мне. Я увидела, как он бледен и очень взволнован. Он прошептал:

– Саша, ты не нарочно упала?

– Ну, что вы такое говорите, Антон? – возмутилась тетя.

Антон выпрямился.

– Простите. Просто меня ждут большие неприятности... Я пойду, пожалуй.

Он исчез из моей зоны видимости, я услышала тихое «до свидания», а потом звук отрывшейся и закрывшейся двери.

– Тетя, я хочу пить, – попросила я, почувствовав, что в горле сухо, как во время знойного дня.

– Сейчас, дорогая.

– Я сама, – опередила ее Гертруда.

Было слышно, как забренчала посуда.

– Что случилось, тетя?

– Ты опять упала в обморок. Что ты такое увидела?

– Там Матвея вели, на расстрел. И мне стало страшно. Я, как наяву, увидела снова Лайлу... Ты помнишь?... В той ее красивой юбке с кружевами...

Я прижала ладони к вискам, которые больно отреагировали на ярко нахлынувшие воспоминания.

Тетя вздохнула.

– Теперь я понимаю, почему твой Антон был белее снега. Похоже, он бросился к тебе, и все разбежались.

– Ты это точно знаешь?!

– Нет. Просто предполагаю. Ведь почему-то Антон расстроен...

Я попыталась сесть, тетя помогла мне. Тут и Гертруда принесла воду.

– Узнаем ли мы когда-нибудь, как всё закончилось? – задумчиво произнесла я. – Как я устала от этой войны! Как мне хочется к мамочке, папочке, Никитке! – и я зашмыгала носом.

Гертруда торопливо сунула мне воду в чашке. Я стала пить, и зубы начали выстукивать дробь о фаянсовые края.

Тетя вдруг произнесла очень серьезно:

– Саша! Никогда никому не говори, что ты видела среди тех людей Матвея. Это очень опасно!

– Не волнуйся, тетя. Я это понимаю, – и прижалась к ней.

Она обхватила меня за плечи. И мы замерли на несколько минут: я по-прежнему сидела на кровати, тетя стояла рядом, крепко обнимая меня.

Подошла Гертруда. Обхватила одной рукой тетины плечи, другой – мои, тихо всхлипнула, и этим как будто дала команду и нам. Мы все бесшумно заплакали от безысходности, которая случилась в нашей жизни и в жизни страны. Как плохая сказка: много испытаний у героев, а конец все равно несчастливый...

Вечером мы втроем уселись на кровать и долго шептались. Вслух по-прежнему опасались говорить. Кто знает этих соседей: вчера они были за красных, а сегодня – может, за белых.

– Я-то думала: пойду завтра, еще раз схожу в местное управление. Слышала: туда прибыл полковник Стариков. Мы с ним знакомы с юности. Думала: вдруг он нам поможет? Но вот, видите, как обернулось. После этого случая с Антоном, опасаюсь, что со мной и разговаривать не захотят.

– Давайте выждем несколько дней, – предложила Гертруда. – Посмотрим, что будет.

Да, как бы было здорово, если бы нам помогли добраться до границы! Тогда, через пару месяцев, все плохое осталось бы в прошлом...

Но сейчас...

– Не ходи, тетя! – попросила я.

Внутри меня скребло тревожное опасение: они могли найти амбарную книгу с регистрацией брака – моего и большевика Матвея – и заподозрить, что упала я в обморок не случайно. Тогда все пропало! Нам не только не дадут покинуть Полянск, так и еще объявят врагами!

– А вдруг сейчас придут и нас арестуют? – я поежилась от пришедшей в голову мысли.

Тетя и Гертруда не ответили, но я видела, что и им не по себе от того варианта развертывания событий, который вполне мог произойти.

Может, по причине, что мы ждали незваных гостей, вечер тянулся долго. Гертруда ушла в угол и не переставая молилась, чтобы все обошлось... Никто не пришел, так что она уверилась, что все обойдется и дальше...

А к вечеру в городе снова началась стрельба. Мы опять лежали всю ночь в одежде и прислушивались к звукам на улице.

О том, что Полянск снова принадлежит большевикам, мы узнали от соседей. Гертруда почти бегом вернулась в комнату из кухни и привычным в последнее время шепотом заявила:

– Красные вернулись!.. Значит, Тамара Александровна, никуда мы не поедem, – и она шмыгнула носом...

А я стала ждать прихода Матвея и думать, как бы всё-таки поаккуратнее рассказать тете о нашей с ним регистрации.

К вечеру в дверь постучали, и вместе с этим стуком бешено заколотилось сердце в моей груди. Я схватилась за вязание, которое лежало на комодe. Схватилась, как за спасательный круг. И плюхнулась в кресло, торопливо устраиваясь, чтобы начать работу.

Матвей вошел в комнату с улыбкой от уха до уха. Тут же посмотрел на меня светящимися от счастья глазами. Я кивнула ему и уткнулась в вязание.

Матвей поздоровался с тетей и Гертрудой.

– Как ты, Матвеюшка? – спросила тётя.

– Нормально. А вы?

И, не дожидаясь ответа, шагнул ко мне. Выковыривая спицами петли, я делала вид, что никак не могу посмотреть на Матвея.

Он подвинул табуретку, подсел рядышком.

– Саш, как ты? – спросил тихонько.

Я быстро взглянула на него, слабо улыбнулась и снова уткнулась в вязание.

– Хорошо, – все-таки после паузы ответила на вопрос.

– Не очень-то хорошо! – встряла Гертруда. – У Сашеньки опять был обморок.

Я вскинула глаза на Матвея. Он подмигнул понимающе.

Оказывается, тётя наблюдала за нами и заметила знаки, исходившие от Матвея.

– Это было не специально, – тихо, но твёрдо произнесла она. – И мы очень волнуемся за Сашеньку. Уже дважды с ней случался обморок.

Матвей быстро взглянул на тётю, потом посмотрел мне в глаза.

– Это правда? Ты не притворялась?

Я неопределенно пожала плечами, потом подумала: он не поймет, что я хотела сказать молчаливым движением, поэтому поспешила пояснить:

– Я сама от себя не ожидала. Увидела тебя там и... испугалась.

– Не беспокойтесь, Тамара Александровна, – серьезно проговорил Матвей, обратившись к тете. – Я буду заботиться о Саше... К тому же, сейчас мы...

Я отбросила спицы, схватила Матвея за руку и сжала с силой.

Он замолчал, удивлённо уставившись на меня. Я прижала палец к губам, усиленно подавая ему знаки замолчать.

Глаза парня округлились.

Тетя между тем отвечала:

– Спасибо, Матвей. Да мы и сами постараемся оберегать ее от неприятных ситуаций, вы не беспокойтесь.

– Ну, и я помогу, чем могу, – упрямо повторил парень. – Вот сейчас, например, Саше обязательно нужно на свежий воздух. Ведь она сегодня, я уверен, целый день дома просидела. Ведь так? – с нажимом спросил он меня, и я поняла: он, конечно же, догадался о том, что я ничего не рассказала о нас своим домашним.

– Ну, прогуляйтесь, – благосклонно согласилась тётя. – Когда она с тобой, я спокойна.

У меня не было никакой причины, чтобы отвертеться. Скажи я, что не могу, так как неважно себя чувствую, меня бы взащей выгнали прогуляться. Поэтому пришлось идти с Матвеем. И, разумеется, как только мы оказались на улице, первое, что он спросил, было гневное:

– Почему ты ничего не рассказала тете?

Я залепетала:

– Ну, просто не знала, как начать... Понимаешь, раньше венчались в церкви, родители благословляли... Белое платье, гости, подарки... А у нас что с тобой случилось? В какую-то книжку записали, и – все. Как объяснить все это тете? А Гертруде? Да они с ума сойдут!

– Хочешь, я им скажу?

– Ни в коем случае, Матвей! Они так много нервничали в последнее время: и белые, и я со своим обмороком... Если я еще скажу, что вышла замуж без их благословения... Давай подождем несколько дней. Я сама им все объясню. Надо только выбрать подходящий момент... Ты меня понимаешь?

Матвей хмуро вздохнул, качнул головой, показав, что все это ему не очень нравится, но... согласился. Потом вдруг вспомнил что-то, обхватил меня за плечи, прижал к себе и взволнованно заговорил:

– Ты ведь спасла меня, Саша. Я в долгу перед тобой. И обязательно помогу тебе в том, в чем обещал. Еще не знаю, как, но помогу...

– Ты тоже многое для нас сделал, Матвей, – смущенно забормотала я.

Матвей притянул меня к себе и потянулся своими губами к моим.

– Тут люди, – смущенно попыталась я отстраниться.

Не получилось. И мы застыли на несколько секунд в поцелуе...

Весь следующий день я мысленно подыскивала слова, чтобы объяснить тете, а заодно и Гертруде, мое внезапное замужество. И чем больше представляла этот неприятный разговор, тем больше его избегала...

Днём тетя и Гертруда пошли на рынок. Я осталась дома. Через пять минут услышала шаги в коридоре и стук в нашу дверь. Открыла: Матвей пришёл. Стоит, улыбается.

– Я соскучился, – прошептал он, едва прикрыв за собой дверь. И тут же полез целоваться.

– Матвей, мои могут вернуться, – попыталась я отстранить его.

– Я только что их видел. Они же пошли на рынок?.. Ну, это часа на два, не меньше... Пока туда, пока сюда, потом еще там... Я закрыл дверь.

– Дело не в этом, Матвей.

– Что не так? Мы сейчас – муж и жена.

– За стенкой соседи... Я не могу... Все случилось так быстро и неожиданно. Я еще не чувствую себя твоей ...женой, – я с трудом произнесла последнее слово.

– Ты так ничего им не сказала?! – догадался он. – Ага, значит, стесняешься меня? Ну, конечно, я ведь не франт какой-нибудь.

– При чём здесь франт? – хмуро буркнула я, глядя в сторону.

Он постоял, видно, в надежде, что я начну оправдываться, а он попытается убедить меня. Не дождался. Повернулся и вышел из комнаты.

Из груди моей вырвался вздох. Как все сложно!

Матвей обиделся и не приходил к нам целую неделю. И что странно, я ждала его появления каждый вечер. Вот сейчас я услышу шаги в коридоре, потом – стук дверь, и вот он уже стоит на пороге и ловит мой взгляд. Я сама не могла понять, почему жду его: боюсь разоблачения или... Ну уж, точно, не любовь!.. Любовь – она не такая...

Я вспомнила Алексея. Грустной песней вздохнуло моё многострадальное сердце. Вздохнуло и замолчало. Я даже испугалась. Как же так? Почему нет того, прежнего желания, увидеть его? С такой жизнью, какая сейчас, даже любовь притупляется. Но ведь так быть не должно! Любовь – это вечное. Иначе всё теряет смысл. Нет, нет, я люблю его. Я по-прежнему люблю Алексея.

Я так напряглась внутренне, пытаюсь доказать себя то, что должно было быть очевидным, – даже из глаз брызнули слёзы.

Где же сейчас моя несбывшаяся любовь, я не знала, а тот, которому была нужна, исчез. Даже в школу вечерами перестал ходить. Хотя одни мы с тётей домой не возвращались: нас всегда сопровождал кто-нибудь из мужчин-учеников. Уверена, без Матвея здесь не обошлось... Ишь, обиделся, а все равно беспокоится...

Тетя в один из вечеров прямо спросила меня:

– Саша, ты наконец объяснишь нам, что происходит между тобой и Матвеем? Он ведет себя странно. Да и ты тоже.

И хотя я уже готовилась к этому разговору больше двух недель, в горле запершило – обычный предвестник моих слёз.

– Я слушаю, – строго повторила тетя.

– Мы поженились! – выдохнула я и тут же пустилась в оправдания: – Но наш брак не скреплен на небесах. Это только роспись в какой-то книге... Я не знаю, как это случилось... Он обещал помочь мне найти семью... Я поверила... И...

Тут, конечно, я захлюпала носом, слезы хлынули из глаз. Тетя как будто ждала этого: тут же обхватила меня за плечи и прижала к своей груди.

– Бедная моя девочка! – тихо прошептала она. – Эти испытания никогда не закончатся!

– Я теперь не знаю, тетя, что делать. Он хочет, чтобы я жила с ним. Но я не хочуууууу! – и я зарыдала с еще большей силой.

– Тише-тише, моя дорогая! Не стоит радовать соседей нашими проблемами.

Я посмотрела на тетю с надеждой. Ведь она такая мудрая, она обязательно найдет

выход:

– А что мне теперь делать?

Но тетя вдруг безжалостно разбила мои надежды.

– Жить с ним! – тихо и грустно отозвалась она без единой секунды раздумий. – Он – тот, с кем ты будешь жить как за каменной стеной, Саша. Время сейчас трудное. И если ты хочешь дожить до встречи с семьей, держись его. К тому же, он тебя любит.

– Я не хочуууу! А как же мои чувства, тетя?

– Стерпится – слюбится! – вздохнула она, и я поняла, что тётушка, если и понимает меня, но всё равно не поддержит.

Зато Гертруда душой была со мной, хотя противоречить тете и не собиралась. Я услышала, как она ночью плакала в подушку и, вздыхая, шептала:

– Бедная Сашенька! Так я и знала, что этим все закончится...

Когда Матвей пришел в следующий раз (пришел все-таки, не выдержал!), тетя встретила его как родного: посадила на лучшее место – в кресло около камина, напоила чаем. А потом объявила:

– Матвей! Саша нам рассказала о том, что вы теперь семья. Мы с Гертрудой рады этому. Ты – хороший человек, и мы надеемся, что ты не будешь обижать Сашеньку, будешь ее любить и беречь. А так как родители Саши далеко, я даю вам благословение. Живите счастливо!

После ее слов я тихонечко заплакала. Матвей, который уже засиял как начищенный чайник от приветливых тетиных слов, тревожно взглянул на меня. А тетя шепотом, стараясь, чтобы я не услышала, отгородила ладошкой свой рот и пояснила ему причину моих слез:

– Это она из-за своих родителей и брата. Скучает сильно.

Я услышала эти слова, но спорить и отрицать их не стала...

Итак, я снова вернулась домой. Да не одна. А всё с той же многострадальной картиной. Та была поставлена в зал, и мне показалось, что лицо у нарисованного мужчины даже посветлело от «встречи» со старыми друзьями – девушкой и мальчиком с собакой.

Ну, а теперь на работу! Дубль три, как говорится! Ох, ну и денечек сегодня!

Для отвода глаз (директорских и следовательских) я взяла с собой и сумку, и кофты. Уже почти ушла, но вспомнила о документах, которые вчера привезла из командировки. Со всеми случившимися со мной последними событиями я даже не вспомнила о них утром. Те по-прежнему поджидали своего часа в коридоре – всё в том же пакете, сиротливо стоявшем в углу рядом с обувью.

Я бросила бумаги в сумку, под кофты и тут подумала, что это вполне хорошая отмазка: вернуться за документами. Поэтому выбросила теперь уже ненужные кофты из сумки и, закрыв квартиру, помчалась на работу.

Честно говоря, я уже изнемогала. Так ведь сдохнут все мои нервные клетки, пока я избавляюсь от картин! Кто ж подстроил мне такую подлянку?..

Точно!!! Вот надо о чем думать! Кто (?!!!) сделал это? И зачем?

...В дверях музея я нос к носу столкнулась с Прыгуновым. (Ух, и неприятный же тип!)

– Здравсте! – сказала я и на всякий случай одарила его очаровательной улыбкой. Но, судя по его реакции, он вообще представления не имел, что есть такой вид коммуникации между людьми. Следователь не то, что не улыбнулся мне в ответ, он даже не поздоровался. А тут же в лоб спросил:

– Где вас черти носят?

С такими, как этот товарищ, поведёшься, от хмурости умрёшь! Улыбка слетела с моего лица, как птичка. А в голосе появился открытый, нескрываемый сарказм:

– Вообще-то я работаю... Я отскакивала за бумагами... Вот, – и я ткнула пальцем в закрытую сумку.

– За бумагами, – недовольно пробурчал он. – Зайдите-ка через пяток минут в кабинет директора. У меня к вам есть разговор... А я пока – покурить...

Хотя я проворчала, отойдя от него, что-то типа «Командуют тут всякие», меня словно током пробило. Я почувствовала, что начинаю вся дрожать, и совладать с этой дрожью не в состоянии. Зачем я ему нужна? А если он (или кто-то еще) видел, как я из музейного окна сиганула? Вслед за картиной... Да нет, быть такого не может! Там же кусты...

В коридоре я снова столкнулась с Романом. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но моя реакция была опять очень категоричной.

– Не сейчас! – гаркнула я.

И бедный Ромéo растерянно заморгал ресницами.

Я помчалась в кабинет директора, надеясь, что Рисыч меня просветит, зачем моя

персона понадобилась следователю. Все же Тимофей Борисович – свой, и легче узнать плохую новость от него, чем от этого строгого дяденьки.

Рисыч пока был у себя. То есть в своем директорском кабинете.

И, кажется, он был также вне себя.

– Арсения! Где тебя носит? – заорал он, как только меня увидел. – Этот Бегунов...

– Прыгунов, – быстро вклинилась я, поправив начальника.

– Чего?... Какая разница! Он, как только появился, опять потребовал всех собрать. А Вашего Величества на месте не оказалось! Где ты была?!

– Да я о бумагах вспомнила, Тимофей Борисыч, – начала тихо оправдываться я, давая возможность начальству выкричаться и самоутвердиться. Главное, показать, что ты очень-очень виноватая и сожалеешь о случившемся.

– Ты не могла о них вспомнить, когда бегала утюг выключать? – язвительно поинтересовался он. Но тут же оттаял: – Ладно. Ты только больше никуда не исчезай. А то ведь все шишки всегда на начальство падают.

– Хорошо, Тимофей Борисыч, не буду...

Я снова направилась в наш служебный «кабинет», чтобы оставить там сумку. Зашла. В комнате никого не было. Я огляделась по сторонам, взглянула на пол, на подоконник в поисках «улик», которые случайно – в спешке – могла где-нибудь оставить. Вроде все чисто.

Вдруг дверь резко распахнулась, и я увидела Прыгунова. Или Бегунова?.. Уже сама запугалась с этой «лошадиной фамилией»!

– Арсения Васильевна! Зайдите в мой кабинет на минуточку! – тоном, не подразумевающим отказа, произнес он. И тут же исчез.

– Ни тебе «здрасте», ни тебе «пожалуйста», – буркнула я себе под нос и потопала в кабинет Рисыча. Этот Прыгунов уже называет его своим!

В коридоре стояло еще одно знакомое лицо: помощник Митяев. Я так понимаю, что цель его была следить, чтобы дороги работников музея не пересекались. В отличие от своего невоспитанного начальника, Митяев вежливо кивнул.

Я прошла в кабинет Плохих. Хотя я хорохорилась перед самой собой, мне было страшно: внутри всё дрожало. А что, если всё-таки кто-то меня заметил выпрыгивающей из окна и сообщил об этом товарищу следователю?

В любимом кресле нашего Рисыча восседал Бегунов-Прыгунов. Он пронзил меня взглядом, который сообщал каждому и всякому: «Мне всё про тебя известно!»

Я закрыла за собой дверь и без приглашения присела на стул подальше от него. Сердце мое в это время выстукивало такую дробь, что я боялась быть услышанной.

– Далековато! – скривил он рот. – Садитесь-ка лучше поближе. Я вам собираюсь кое-что показать.

Я подавила вздох и послушно пересела.

На столе перед Прыгуновым лежали перевернутые картинкой вниз фотографии. Он протянул мне одну из них. Тем же макаром, каким она лежала на столе, то есть картинкой вниз. И тут у меня началось такое сердцебиение, что любой бы врач срочно, на скорой помощи, отправил меня в больницу. Мысли в голове панически обгоняли одна другую. Что

там? Я?! Сфотографирована в тот момент, когда выбрасываю картину из окна? Или когда сама, вслед за ней, выбираюсь из музея, как жулик?

– Ну, что же вы медлите? – раздраженно спросил Прыгунов. – Переворачивайте же! И смотрите внимательно: знаете ли вы этого человека? – задал он вопрос.

Я тут же поняла, что там не я. Сердце медленно, но уверенно, начало замедлять свой бег. Но только на мгновение. До той секунды, когда я перевернула фотографию. Тут же оно вновь забарабанило так, как будто хотело выбраться наружу. А я вздрогнула.

Хотя человек там и стоял боком, но ...как могла я не узнать эти темные прямые закрывающие уши волосы, этот прямой нос и умопомрачительный профиль? Да, это был Глеб! Мой милый, дорогой, как память, Глеб!

Но что-то странное было в этой фотографии. Где это он?

...О нет! Не может быть! Ведь это один из залов нашего музея! А что делает Глеб? Он стоит, повернувшись боком, и тянет руки к картине «Девушка, сидящая у окна». Зачем? Ничего не понимаю! Я взглянула на молчавшего Прыгунова. Конечно, что он еще мог делать? Сидел и смотрел на мою реакцию!

– Вы узнали этого человека? – быстро спросил он.

– Нет! – так же быстро выпалила я.

– А мне показалось...

– Вам показалось!

– ...Вы вздрогнули, когда увидели этого человека, – закончил свою мысль Прыгунов.

– Я вздрогнула, когда увидела, что этот человек пытается снять со стены картину! Это просто безобразие! Вы нашли его?

Я испытующе посмотрела на Прыгунова. Больше всего на свете я сейчас боялась, что он ответит: «Да, нашли! И уже арестовали!»

На лице у следователя в три секунды отразился целый букет эмоций: удивление от моей наглости, недоверие, сомнение...

– А как вам удалось сделать снимок? – задала я вопрос, который меня очень волновал.

– Вообще-то у вас в музее есть скрытые камеры!

Мои глаза полезли на лоб. А я и не знала! Вот могла бы попасться, если бы бегала из служебной комнаты в архив с картинами! Да, действительно, что ни делается, все – к лучшему! (Это я о моих сегодняшних утренних приключениях).

– Ну, что же, не смею вас больше задерживать, Арсения Васильевна! – холодно произнес Бегунов. – Напоминаю о том, что если вы что-то вспомните, тут же мне звоните. А пока из города никуда не уезжайте.

– Хорошо, эээ... – я попыталась вспомнить его имя-отчество. Увы! На моей полочке в голове «лежала» только его фамилия, да и то постоянно выскакивала и путалась: то ли Бегунов, то ли Прыгунов. – До свидания...

Несмотря на все события, произошедшие в музее и со мной за последнее время, дальше начался, или точнее, продолжился мой обычный рабочий день. Со всеми побегами туда-сюда и разговорами со следователями время уже подошло к часу дня.

Все я делала в этот день машинально, а сама мыслями была совсем не в музейно-

исторической области.

Что же получается? Моя школьная любовь Глеб Сидоров стащил эти несчастные картины? Зачем?! А может, я ошиблась, и это все-таки был не он? Но разум говорил: ОН! Двух таких одинаковых людей быть не может!

Да... но тогда каким образом картины оказались у меня дома? Он принес?

О женский мозг! Я стала лихорадочно вспоминать, в каком состоянии была моя квартира в то время, когда Глеб ступил на порог небезызвестной вам жилплощади. (Если это он ступил). Но потом я опомнилась и стала рассуждать так, как было нужно в данной ситуации, то есть логически. Итак, у меня есть подозрение (которое я, разумеется, в себе давлю), что Глеб меня абсолютно не помнит. И тем более, не знает, где я живу. Но... если вспомнить мою гипотезу, что в краже принимал участие кто-то из наших работников музея, то, вполне вероятно, этот сообщник украл ключ из моей сумки и отдал Глебу. А тот, не зная, куда несет картины, прямо направился ко мне домой. Так что, какой бы беспорядок не существовал в нашей квартире на тот момент, Глеб не мог даже предположить, кому принадлежит данное жилье.

Странно думать, что Глеб – вор. Слово это совсем к нему не подходит. Может, его заставили?

Сердце мое сжалось. Ну, конечно! Его заставили. И наверно, угрожали. А может пытали. Бедный Глеб! Но я помогу ему! Я найду преступника!..

Дальше в моей голове стали рисоваться картины счастливого конца истории, страстный поцелуй и веселая свадьба.

Потом усилием воли я снова направила мысли в нужное русло. Не будем терять времени, сказала я себе. Надо искать сообщника!

Кто мог быть связан с Глебом?

Думая и анализируя, я продолжала делать текущие рабочие дела. Взяла привезенные из области папки и направилась в архив....

...Часть данного помещения, я уже рассказывала, походила на библиотеку – высокие полки. Только стояли на них не книги, а в основном толстые папки, на которых были написаны или года (например, 1956), или различные слова типа «Люди», «Молокозавод» и так далее... Вторая часть архива была заполнена шкафами-комодами с выдвигающимися ящиками, – тоже подписанными.

У входа находились стол со стоявшим на нем компьютером и два стула рядом.

Я включила комп, дождалась, когда он загрузится, и открыла программу «Word».

Наверху страницы написала заголовок «Кто?» И снова перечислила всех наших:

Валерия

Тетя Мотя

Рисыч

Роман

Дядя Ваня

Писать себя, родителей, подружку и соседку я сюда не стала. Похоже, круг подозреваемых стал сужаться.

Итак, кто из них мог быть связан с Глебом?

Валерия... Почему бы и нет? Глеб попросил ее помочь, а перед его обаянием устоять трудно. Особенно для Валерии с ее вечным поиском мужчины. Следовательно, она вполне могла быть его соучастницей.

Внутри меня заговорила ревность. Мысль о том, что Лерка имеет на Глеба какие-то виды, была неприятной...

Нет! Эмоции надо выключить. И думать о своей шкурке. Ведь на сегодняшний день ситуация – не в мою пользу: если полиция узнает, где сейчас картины, единственной подозреваемой останусь я.

Поставила плюстик рядом с именем Валерии, перешла к следующей «кандидатуре». Тетя Мотя. Или правильнее: Матрена Ивановна Сидорова. Чисто старорусское сочетание имени, отчества и фамилии. Родители тети Моти, наверно, к этому и стремились, выбирая для ребенка имя. Хвала им! Хранят русские имена!

Стоп!

Как на экране телевизора появилось передо мной лицо девочки, которая училась с Глебом в одном классе, и дальше – за кадром – ее рассказ о парне.

Когда он пришел в нашу школу, на первом уроке – а это была русская литература – учительница сказала:

– Имя твое – старинное, русское. И фамилия тоже. Молодцы твои родители! Поддерживают русское начало, хранят русские имена!

Да-да, именно так и сказала! Я хорошо это запомнила, потому что все, что было в то время связано с Глебом, врезалось в мою голову без всякой зубрежки. (Чего нельзя сказать о той же русской литературе, где я не могла запомнить характеристики какого-нибудь Хлестакова или Обломова).

А фамилия его была СИ-ДО-РОВ!

Что же получается? У тети Моти и Глеба – одна и та же фамилия?! Они родственники?.. Вполне возможно. По возрасту она ему как раз годится в матери. А, судя по ее внешности, по манере держаться, в юности была красавицей. И Глеб... Он такой – ух! Дух захватывает!

Хотя, конечно, Сидоровы – фамилия очень распространенная. И совпадение фамилий Глеба и тети Моти может быть просто совпадением. С другой стороны, в жизни все возможно. Кто знает, может, она – действительно, его мать.

Что же, получается, и тетю Мотю можно рассматривать как особу подозреваемую?

Пришлось поставить плюс.

Переходим к мужчинам.

Рисыч... Вряд ли... Честней человека не найти. И он этот музей обожает. Работает здесь всю свою сознательную жизнь. Несмотря на смешную зарплату. Жена у него, кажется, бизнес-вумэн. По крайней мере, в деньгах они не нуждаются. Но видимо, женщина хорошая. Не клюет его, что ее заработок выше. А вдруг нет? Или Рисыч сам себя «клюет». А вдруг именно в этом собака зарыта? Не каждый мужчина выдержит такого «неравенства». Что ж, получается, и здесь надо ставить плюс?

Роман... Партизан еще тот. Никогда на наших неформальных вечеринках словом не обмолвился, что у нас в музее есть камеры. Неприятная новость! И не только потому, что я могла бы засветиться с картинами, таская их из служебной комнаты в архив. А еще и по другой причине. Как говорит моя подруга Вика, которая работает в магазине «Золото» и находится все время под зорким оком камер: «И в носу не поковырять!»

Итак, Роман... Есть ли основания его подозревать? Я вспомнила его простое полудетское лицо, несмотря на «близко к тридцатилетний возраст. Маловероятно. По

крайней мере, сейчас не могу ничего придумать, чтобы подозревать его. Ладно, поставлю пока минус – первый после всех плюсов!.. И добавлю, пожалуй, еще знак вопросика сзади...

...Неожиданно в кабинет влетела Лерка. Я едва успела «опустить» вниз документ с именами...

– Ты чего сидишь перед пустым компьютером? – спросила она, увидев картинку «Windows».

– Да только включила, – буркнула я, заходя в папку «Мои документы».

– Слушай, Сенька, я еле дождалась, когда вся эта канитель со следователем закончится, – заговорщически произнесла Лерка и села на стул рядом со столом так, чтобы видеть мое лицо. – Ну, рассказывай о своем кавалере.

– О каком? – искренне удивилась я.

– Как «о каком»? – возмутилась Лерка. – Я в выходной к тебе заходила... Рассказывай, кого ты там прятала?

– Ааа, ты об этом, – вспомнила я мои выкрутасы «до» и «во время» ее прихода ко мне и бесстрастно отмахнулась.

– Ты хочешь сказать, что ничего серьезного? – выпучила глаза коллега.

– Послушай, Валерия, – начала я назидательно, – ну, не хочу я про это рассказывать! Имею я право на свою частную жизнь?

– Конечно, имеешь, – заверила меня Лерка, хотя в ее голосе я почувствовала обиду. – А я не такая скрытная и хочу тебе кое-что рассказать, – вдруг таинственно произнесла она. – У меня такая история случилась – ты даже не представляешь!

– Что? – спросила я, силясь показать, что мне это интересно.

Но сыграно было плохо. Однако Лерка этого не заметила. Ее просто распирало от желания поделиться.

– Представляешь: я познакомилась с парнем. Ну, просто, Бред Пит. Даже лучше! Темноволосый, глаза серые... Красиивый! – Валерия закатила глаза вверх с блаженной улыбкой.

Я насторожилась. Приметы молодого человека разительно напоминали мне Глеба. Неужели мои предположения насчет Лерки верны?!

– Слушай, Лерк, – спросила я. – А как его зовут?

Вопрос был задан слишком в лоб – Валерия насторожилась.

– А почему ты спрашиваешь?

– Да... как тебе сказать?.. В общем, он похож на парня... ну, по описанию... по которому у нас в школе все девчонки сохли.

Я, как вы поняли, сказала правду, потому что ничего лучшего за такой короткий период в голову не пришло. Единственное, о чем я решила умолчать, что и я тоже по нему страдала.

Но Валерка вдруг замкнулась. Еще бы! Замужняя дама должна конспирироваться. Она неожиданно вспомнила о каких-то неотложных делах и устремилась к двери.

– А как же твой муж? – запоздало спросила я.

Она, не оборачиваясь, дернула плечом, заявила:

– Обьелся груш! – и удалилась.

Через пять минут в архив заглянула тетя Мотя.

– Экскурсия! Вас ждем!

– Иду, Матрена Ивановна!

Я закрыла документ Word, не сохраняя, и вышла из архива. Нагнала ее в коридоре и, пока мы шли в зал, где обычно начинается экскурсия, промежду прочим завела разговор:

– Дети или взрослые?

– Дети! Школьный лагерь.

– Сколько человек?

– Они там на две группы разделились, по десять человек. Вторая зайдет через минут десять. Их Валерия подхватит.

– Хорошо... Матрена Ивановна, а вы бы своего внука тоже бы к нам привели. Пусть посмотрит музей, где бабушка работает.

– Да маловат еще. Пять лет только. Не поймет ничего.

Внук – это сын ее старшей дочери. Но я-то подкрадывалась исподволь, чтобы заговорить о ее собственном сыне.

– А сын? Все холостым ходит?

Тетя Мотя хитро посмотрела на меня:

– Что, Сенечка, хочешь, чтобы я вас познакомила?

Я изобразила смущение, а потом ляпнула прямолинейно:

– Да!

– Окей, поговорим позже..? – она заговорщически наклонилась к моему уху: – Честно говоря, надоело видеть, как он подружек меняет словно перчатки. Пора бы ему серьезную девочку найти. Как ты, например.

Я улыбнулась из вежливости – как-то мне эти ее мысли вслух не понравились.

Мы уже подошли к пришедшим на экскурсию детям, энергию которых с трудом подавляла учительница. Они шумели, толкались, кто-то пытался кукарекать. Другой в ответ гавкал.

– Дорогие ребята! – начала я экскурсию, пытаюсь перекрыть детей. – Сегодня я вам открою тайны нашего города, на страже которых стоит время...

Ох, как давно я не писала в свой дневник! Как много, с одной стороны, поменялось в моей жизни. А с другой, я все там же и с тем же.

Хотя нет. В моей жизни появился еще один человечек. Это – моя доченька Елеса, Еленка, Еленушка. Ей уже больше двух лет. Все свободное время – я с ней. Она – свет в окошке для меня, ясное солнышко в трудные дни, милый журчащий ручеек, который не дает замерзнуть душой в этом ужасном мире.

Но она – и мостик между мной и Матвеем. Дочка любит его, да так, что я даже ревную.

Помню разговор между нами, когда мы придумывали имя.

– Давай назовем Леной, – предложил Матвей.

Я обрадовалась. Ведь моя мама – тоже Лена. Буду смотреть на дочку и вспоминать маму.

Но через несколько секунд засомневалась, потому что муж завершил свою речь так:

– ... в честь Владимира Ильича Ленина.

О, нет! Не хочу! А он уже наклонился над кроваткой, где лежала наша девочка и проговорил ласково:

– Ленка, привет!

– Никаких Ленок! – возмутилась я. – Не порти имя...

Матвей удивленно поднял брови, нахмурился. И я поняла, что мы сейчас поругаемся, пока выбираем имя ребёнку...

В общем, я зову малышку только Елена, или Елеса, или Ёлка. А он, разумеется, Леной...

Итак, я замужем уже почти три года. Мой муж курит, ходит в кожаной куртке и с наганом, ненавидит буржуазию и мечтает совершить мировую революцию. Вечерами он часто отпрашивается на встречи с товарищами по партии, а я остаюсь одна. Хорошо, что он не настаивает, чтобы я ходила с ним. Не люблю разговоры о Ленине, Марксе, Энгельсе. Они – эти невидимые создатели революции в России – лишили меня семьи. Где там сейчас мои родители и братик?

То обещание Матвея – помочь мне воссоединиться с ними, – кануло в лету. Конечно, он не виноват. Страна закрыта для постороннего мира. Никто не приезжает к нам из-за границы. Никто не ездит ТУДА. И все равно я виню его. Не за закрытость границ. А за то что когда-то стала его женой, поверив в чудо.

Разумеется, я так ничего и не знаю о своей семье. Но верю, что все у них хорошо. Ведь революция не коснулась Швейцарии, однако так тяжело жить и не ведать, как они там. А им, наверно, труднее. Особенно, если они знают, что творится в России. Может, мои родные думают, что меня и в живых уже нет. Но я жива, и даже умудрилась выйти замуж. Также у меня есть доченька. Но... тётя была права: мы бы не выжили без Матвея.

Уже третий месяц на дворе двадцать первый год. В стране по-прежнему все не так

просто. Хотя война и закончилась. У нас в Полянске все заводы закрылись после революции и так больше не были открыты. Ходят слухи, что на Украине и в Сибири восстали крестьяне. Всё из-за продразвёрстки и голода. А моряки Кронштадтского гарнизона выступили против репрессий большевиков и экономического развала в стране. Вслух, конечно, об этом не говорят – за это могут расстрелять как врага народа и революции. Но в своих кругах шепчутся.

Что же такое получается? Как раз те, кто воевал на свободу и лучшую жизнь рабочих и крестьян, сами же и недовольны?

Я не удержалась и высказала это Матвею. Думала, что он начнет защищать большевиков и их идею о мировой революции, но он только нахмурился и ничего не ответил.

Потом в глазах его мелькнул страх:

– Саша, смотри, ни с кем это не обсуждай. Пожалуйста!

Я обиженно пожала плечами: что я, не понимаю, что ли?

Но через несколько дней он примчался с сияющими глазами:

– Сашенька, помнишь наш недавний разговор? Кто думал, что большевики делали что-то неправильно, просто ошибались. Ленин – молодец! Каждый его шаг продуман до мелочей. Все предыдущие меры были необходимыми для новых решительных шагов. Скоро жизнь изменится до неузнаваемости. Ленин объявил о введении новой экономической политики, сокращенно – НЭП. Продразверстка отменена. Даже разрешена частная торговля, – он остановился вдруг, нежно заглянул мне в глаза и добавил осторожно: – И еще... особая новость, которая, думаю, тебя обрадует. Съезд партии постановил начать дипломатические и торговые связи с Европой.

Конечно же, я обрадовалась. Но не очень сильно. Просто верилось с трудом, что от тех злыдней, которые превратили Россию в руины, можно ожидать чего-то доброго.

Матвея назначили директором детского дома в нашем городе. Велели подыскать помещение, приготовить его к приему детей. Теперь он с утра до вечера рыскал по городу в поисках не только здания, но и воспитателей, мебели, продуктов...

Так редко бывали изменения в нашей жизни. Но однажды произошло невероятное! Лучшие по порядку.

Когда Матвей подыскивал помещение для будущего детского дома, то доказал кому-то, что бывшее здание гимназии-приюта, где мы – я, он и Елеса – проживали в комнате-классе, будет лучшим для этой цели. Поэтому однажды вечером сообщил мне новость:

– Так как здесь будет вскорости детский дом, нам дают комнату. Саша, сходим, посмотрим?..

...Неисповедимы пути Господни! Очередной раз я в этом убедилась, когда Матвей привел меня к дому, куда вскорости предстояло переехать.

Всю дорогу, пока мы шли, я по сторонам не смотрела, а изучала свои поношенные сапоги и думала о том, что наверно и мне, и тёте могут предложить вернуться в

гимназию в качестве учителей. Я так углубилась в свои мысли, что, когда Матвей остановился, уткнулась лбом в его спину.

– Вот он! – объявил мой муж, оборачиваясь ко мне.

Я подняла голову, посмотрела в том направлении, куда он указывал и... увидела дом Алексея.

Пульс учащенно забился: мой не переключившийся мозг решил, что Матвей показывает не на дом, а на неизвестно откуда появившегося Алешу.

Но Матвей между тем пояснял, не подозревая, какие панические мысли рыскают в моей голове:

– Здесь пока еще никто не поселился. Если поспешим, будем первыми. Но ключ мне уже выдали. Так что, пойдём, посмотрим?

До меня дошло: мы будем жить в этом доме! Как же так? Разве такое возможно?

Но Матвей уже тащил меня за руку.

В сильном волнении я переступила порог дома человека, которого совсем недавно любила до безумия. Все же, при каких странных обстоятельствах я посещаю этот дом впервые. И не Алексей пригласил меня сюда. И не он встретит сейчас... А может, он здесь живёт? Ведь нам пришлось потесниться в доме тети, когда туда подселили несколько семей рабочих?

– А где хозяйева? – осторожно спросила я Матвея.

– Не знаю. Наверно, сбежали за границу.

«Он не знает, чей это дом», – с облегчением в душе сделала я вывод.

Ключ лязгнул в замке. Матвей толкнул плечом дверь, и первым шагнул в дом. Я переступила через порог следом за ним.

Похоже, что здесь уже не жили несколько месяцев. Пол был покрыт слоем пыли, ошметки ее лежали также и на мебели.

Длинный коридор привел нас в гостиную с камином. Она еще не потеряла своего бывшего очарования: красный кирпич для очага, обрамленный золотистой металлической рамкой, два больших мягких кресла, тяжелые бордовые занавеси с золотыми кистями. А на стенах – картины. Странно, что все сохранилось, как при бывших хозяевах: никто ничего не растащил и не разграбил. Может, здесь кто-то жил из руководства? Мозг услужливо сунул мне картинку, когда я увидела выходящую в ворот женщину с двумя малышами. Может быть, жена какого-нибудь комиссара?

Я подошла к одной из картин и обмерла: это был автопортрет хозяина дома – Алексея. На меня смотрели его глаза цвета гречишного меда, а знакомая до боли улыбка задевала самые сокровенные струны души. Неужели я до сих пор люблю его? Неужели эти страшные последние годы жизни не убили во мне чувство к нему?

Воспоминания вернули меня в прошлое. Я снова вспомнила наши долгие прогулки у моря и первые поцелуи.

– Правда, здесь хорошо? – голос Матвея вернул меня в настоящее.

Я торопливо отошла от стены. Если он заметит картину, у которой я стояла, и узнает на ней Алексея, этого автопортрета мне больше не увидеть никогда.

– Да, мне тоже нравится, – отозвалась я. – А сколько семей здесь будет жить?

Матвей хитро улыбнулся, прежде чем ответить.

– Ты себе не представляешь! Только две. Или три. Еще не решено. Дом не очень

большой. У дома три выхода. Можно отгородиться так, что у нас будет маленькая, но своя квартира. А в ней – эта комната и еще совсем крошечная. Пойдем, покажу.

Он взял меня за руку, потащил за собой и при этом продолжал возбужденно объяснять:

– Вторая семья будет заходить с другого крылечка. Пока я не знаю, кто они будут. А третьей семьи, возможно, и не будет. Здесь хотят организовать ленинскую библиотеку...

Между тем, через короткий коридор мы попали в маленькую спальню, в которой стояла высокая и широкая кровать с нежно-розовым атласным покрывалом, на котором были вышиты ангелочки в облаках.

– ... У бывшего хозяина было очень много книг..., - продолжал между тем Матвей. – Ты потом посмотришь, что можно оставить, а что не нужно – выбросим. Я договорился: ты будешь работать в этой библиотеке!

Я еще не успела переварить фразу «... а что не нужно – выбросим», как следующие за ними слова Матвея удивили меня не меньше:

– Я?! В библиотеке?!

– Да... Тебе не хочется?

– Нет, мне очень нравится, – искренне призналась я. – А как же школа?

– Здесь тоже будет ликбез, но только не слишком часто и для определенного круга. Я тебе потом покажу комнату для библиотеки: она не очень большая. Там войдет за раз человек десять.

– А сейчас там закрыто? Ты не можешь мне показать?

– Могу...

Я в последний раз бросила короткий взгляд на автопортрет Алексея и заспешила за Матвеем...

Мы переехали – хотя слово это звучит несколько странно. Вещей у нас было немного. Тем не менее, именно после того, как каждый из нас принес в бывший дом Алексея своё, началась наша семейная жизнь в новом доме.

Может, от того, что мы теперь жили отдельно, без соседей, я успокоилась и почувствовала в своей душе умиротворение. В принципе, жаловаться мне было особе не на что.

Ни я, ни мои близкие – тетя и Гертруда – не испытывали голод и холод.

Матвей был без сомнения хорошим мужем и отцом. И характер его мне нравился: никогда не закричит, не упрекнет в чем-то. Пока мы жили в «муравейнике» с бывшим названием «Гимназия-приют», я насмотрелась на в семьях рабочих: страсти на фоне драк и пьянок были обычным явлением. А у нас царили мир и тишина. Спорить было не о чем, потому что практически Матвей всегда со мной соглашался. Он не препятствовал моим частым походам к родственникам, и по возможности, сам сопровождал меня. А если не мог, находил солдатика быть моим компаньоном.

Но я все равно никак не могла пустить Матвея в своё сердце и свою душу – жила в собственном узком мире, наполненном воспоминаниями о прошлом. Так тоже бывает: живем, не ссоримся, а любви нет.

Я привыкла к людям его круга. Большинство из них были вполне нормальными людьми. Да, не ухоженными. Да, от них несло потом и дешевым табаком. Но они умиляли порой своей жаждой построить новый, счастливый мир... Возможно, Матвей не посылал никого, а выбирал лучших. Мне этого знать было не дано.

И работа в библиотеке мне понравилась. Я настояла на том, чтобы мы не выбросили ни одной книги. «Когда-нибудь, возможно, – объясняла я Матвею, – писатели, которых Страна Советов сейчас не признает, позднее будут изучаться. Поэтому мы не можем выбрасывать книги, ценность которых нельзя оценить сегодня». Матвей не смог меня переспорить, и это спасло жизнь книгам. Мы перенесли их на чердак и оставили там до лучших времен.

Два, иногда три раза в неделю в библиотеке устраивался ликбез.

И хотя в моей жизни произошли улучшения, Россия по-прежнему была в отчаянном положении. Не хватало еды, угля. Город кишел беспризорниками и калеками. Везде процветала преступность...

В те вечера, когда Матвея нет дома, я достаю свой дневник и начинаю туда записывать события, случавшиеся со мной.

Кстати, я нашла замечательное место прятать свои записи. Случайно Матвей задел плечом картину с автопортретом Алексея, и она упала на пол. Рамка треснула. Сначала я расстроилась. Но потом заметила, что рамка раскололась очень удачно: теперь между фанерой сзади рамки и картиной образовалась щель. Именно туда я сейчас и прячу свои дневники. (Их уже не одна тетрадь.) Картина все время висит на стене и то, что рамка немного сломана, незаметно. А дневники лежат внутри. Догадаться об этом трудно. Так что получился очень хороший тайничок.

Но часто писать я все равно не могу. Если Елеся со мной, мы весь вечер чем-нибудь занимаемся: читаем, рисуем, шьем из лоскуточков одежду для куклы. Если дома Матвей, тут уж понятно, что дневник достать я не могу. А иногда, даже когда мужа нет дома, к нам вечером приходят учиться рабочие. И я провожу занятия в библиотеке.

Были перенесены в наше новое жилище и две другие картины: с Никиткой и со мной.

Когда я одна или дочка спит, то сажусь на стул напротив стены, где висят три дорогих моему сердцу картины, и смотрю, смотрю, смотрю... Они – часть моей прошлой жизни. Моей лучшей части.

Я смотрю на НЕГО – Алексея – и думаю: где же он сейчас, что делает, помнит ли обо мне?

Смотрю на портрет Никитки. На картине ему – двенадцать. А ведь прошло уже почти шесть лет с момента разлуки. Он уже совсем взрослый, мой милый братик.

Потом смотрю на себя.

Какой же я была тогда счастливой! Хотя, помнится, в тот день, когда Алексей делал набросок, я чувствовала себя ужасно несчастной. Ведь меня собирались выдать замуж без моего согласия. И все же глаза лучатся.

Не вернуть то время больше, не вернуть...

У меня будет второй ребенок.

Сначала я испугалась – время нынче совсем не то для появления на свет новой жизни. Но потом, успокоившись, даже обрадовалась: появится еще один маленький человечек, родная душа. Если будет мальчик, назову его Никитой, как брата. Если девочка... Не знаю. Может, именем тети.

Мысль о ребенке согревает меня. Но я пока ничего не говорю Матвею. Пусть хотя какое-то время это побудет только моей тайной.

Так прекрасно ощущать внутри себя присутствие новой жизни!

Когда невозможно изменить свою жизнь так, как хочется, надо просто жить. И находить радость в малом. Наверно, уже никогда мне не встретить свою семью. Наш разговор с Матвеем на эту тему давным-давно забыт. Ну, и что тут поделать? Буду жить одним днём и радоваться тому, что сегодня даёт мне Бог.

Вчера случилось невероятное. До сих пор сердце мое трепещет от воспоминаний.

Как обычно, в одиннадцать утра, я перешла из нашей половины дома в библиотеку. До обеда посетители являлись редко. Но я всегда придерживалась расписания работы библиотеки и в нужное время была на месте.

Звякнул дверной колокольчик, и я привычно обернулась, чтобы поприветствовать посетителя.

И обмерла. Только что внутрь шагнул Алексей! Я узнала его сразу, в ту же секунду, как только увидела. Хотя одет он был как рабочий: старая куртка, заправленные в сапоги брюки...

А вот он меня не узнал! Да и почти не посмотрел в мою сторону. Так, мельком, из вежливости, чтобы поздороваться. Прошел к книжным полкам. Стоял, смотрел, нежно касался корочек.

Я молча наблюдала за ним, стараясь утихомирить свое взволнованное сердце.

Наконец он обернулся.

– Я не вижу здесь книг графа Толстого, – с холодинкой в голосе произнес он.

– Они на верхних полках, – сглотнув комок, образовавшийся в горле, отозвалась я.

И тут он меня узнал.

– Саша? Вы?!

– Я, Алексей! А я вас сразу узнала...

– Правда? – он слабо улыбнулся. – Трудно поверить в это... Вы тут работаете?.. Хотя... что я спрашиваю... Среди пролетариев не так много читающих, – я почувствовала сарказм в его словах.

– Впрочем... не будем портить эту замечательную минутку. Сашенька! Я так рад встретить вас снова! Это просто чудо, что мы увиделись с вами в моем доме. Точнее, в моем бывшем доме. Вы знаете об этом?

Я едва кивнула, все еще пытаясь усмирить вспыхнувшее во мне волнение.

– Знаете? – удивленно переспросил он, не ожидавший такого ответа.

Да, конечно же, предполагалось, что я не должна знать ничего подобного. Ведь тогда в семнадцатом, когда я увидела Алексея, зашедшего в этот дом с какой-то женщиной, он меня не заметил. Объяснять ему сейчас причину моей осведомленности мне не хотелось. Поэтому я постаралась увести разговор в сторону:

– Я – тоже... очень рада, ...Алеша.

Я произнесла его имя и так сладостно стало на душе! Так горячо и празднично!

– Вы похудели, – с любопытством разглядывая меня, сообщил он. – Но все такая же прекрасная. Как все же я рад нашей встрече! Сейчас почти никого не встречаю из прошлого. Часть моих знакомых и друзей были убиты во время Красного Террора. Некоторые умерли от голода, болезней или холода. Немногие ушли в армию. Кто-то иммигрировал... Действительно, где ж найти кого-то из людей нашего круга? – он грустно вздохнул. – Жизнь перевернулась. Свет превратился во тьму. То, во что мы верили, исчезло. Страна стала похожа на преисподнюю... Слышали, как они называли подростков, которые воевали против белых? Красные дьяволята. Они вкладывают в это слово СВОЙ смысл. Но дьявол – он везде дьявол. И гордиться здесь нечем.

– Алеша, как вам удалось выжить? Честно говоря, я думала: вы давно оставили Полянк и уехали куда-то.

– Со мной случилось чудо. Меня уже вели расстреливать по какому-то гнусному обвинению. Потом неожиданно вернули в камеру. Я сидел там и ждал утра. Последнего в моей жизни утра. Вы себе не представляете, ЧТО чувствует человек, которому осталось жить несколько часов! Но потом меня вывели из камеры и посадили в машину. Я ничего не мог понять. Затем оказался в какой-то комнате, где за столом сидел человек в военной форме. Он спросил меня:

«– Вы художник?»

Я, ничего не понимая, кивнул.

«– Вы-то нам и нужны. Сможете рисовать революционные плакаты?»

Я не стал ломаться, а сразу согласился. С тех пор дела мои пошли в гору. Я рисовал не только революционные плакаты, но и красных командиров, героев войны. За это мне платили жалование и давали спецпак. Так я и выжил. А потом женился на рабочей, чем укрепил свое положение в обществе. (Алексей горько расхохотался). Вы помните, что раньше значили эти слова: «положение в обществе»?.. К счастью, моя жена меня любит. А так как ее активность в жизни коммунистической партии – это как вечный двигатель, она пользуется большим авторитетом. Ну, и я вместе с ней, под крылом ее авторитета и почитания! – он снова рассмеялся, а мне почему-то стало грустно.

Вот как бывает! Раньше девушки (и иногда юноши тоже) стремились найти себе суженого или суженую по расчёту, чтобы укрепиться в жизни. И сейчас получается что-то вроде этого. Если твой муж или твоя жена из пролетариев, считай, что тебе повезло.

– То есть вы сейчас женаты? – переспросила я, скрывая свои чувства.

– Представьте себе. Но я это браком не считаю. Не в церкви. И батюшкой не освящено. Что же это за женитьба?

– А дети у вас есть?

– Не поверите, Сашенька, двое! Подрастают бастрюки.

Что-то больно кольнуло меня. Неприятное слово «бастрюки» царапнуло слух и

душу. Нет, мои дети – не бастрюки. Они даны мне Богом. И пусть кто угодно думает что угодно! Даже Алексею не позволю обидеть своих кровиночек!

– Вы их не любите?

Алексей расхохотался, закинув голову вверх. Я вспомнила, что именно эта его манера смеяться сводила меня с ума.

– Вы все та же, Саша. Прямолинейные вопросы – это всегда было вашей характерной чертой.

Я слабо улыбнулась на этот сомнительный комплимент.

– Люблю, конечно, – ответил запоздало на мой вопрос Алексей. – Но вырастут они не такими, какими бы мне хотелось их видеть. В таком окружении ничего хорошего из них не выйдет. Так что пусть растут как растут.

– Мальчики, девочки?

– Что? А... это... Два мальчика. Один за другим родились. Ну, а вы-то как? Как вам удалось сюда устроиться?

Мне очень не хотелось ему ничего рассказывать. Я представила, как он засмеется, откинув голову, а потом скажет что-то типа того: «Видите, я же говорил! Если в вашей семье один относится к большевикам, второму, считай, повезло!»

– Случайно, – тихо ответила я.

Меня спас от его дальнейших расспросов посетитель. Дверь открылась, звоночек тренькнул. Мы с Алексеем одновременно обернулись. И вошел солдат. Постукивал по полу разными по звучанию звуками при ходьбе, потому что одна нога у него была в сапоге, а вместо второй – деревяшка, торчавшая из завязанной в узел штанины.

– Здорово, товарищи, – зычным и слишком громким голосом произнес он. Обычно так разговаривают люди, которые плохо слышат. Бедный, покалечила его война. – Тут, что ли, библиотека?

– Да, проходите, пожалуйста, – улыбнулась я ему.

Алексей быстро попрощался.

– Сашенька, я зайду еще как-нибудь, – тихо сказал он. – Очень рад был встретить тебя здесь! – последние слова прозвучали очень искренне.

Он кивнул солдату и быстро направился к выходу. Большие уже не обернулся. Я грустно посмотрела ему вслед и подавила вздох.

Тут же поймала хитрый взгляд солдата:

– Что, милочка твой?

– Нет, что вы! Обычный посетитель! – горячо ответила я и почувствовала, что краснею. Да и страх не замедлил появиться: в «особое» время живем, лишние пересуды опасны для жизни...

«Зайду еще как-нибудь» случилось уже на следующий день. И потом Алексей зачастил: появлялся каждый день в библиотеке, объясняя это тем, что ему по пути на работу.

Я радовалась его приходам, но виду старалась не подавать: оставалась с ним ровной и спокойной. Он женат, я замужем. То, что было, никогда не вернуть. Надо быть разумной и не делать ошибок.

Но Алексей так не думал. Сначала он нежно брал меня за руку при разговоре и заглядывал в глаза. Потом стал целовать мои пальчики. А я все больше и больше начинала бояться этих встреч. И себя. Сердце мое пело от неожиданно вернувшейся и расцветавшей с необычайно быстрой скоростью любви. Но песня эта была очень тревожной. И слово к сердечному песнопению напрашивалось другое: сердце не пело, оно ныло.

Больше всего на свете я боялась, что Матвей узнает об этих визитах. Тогда может случиться страшное. Он не простит такого ни мне, ни Алексею. Но Матвей был весь в работе, уходил рано, а приходил поздно.

Вечером, сидя у камина, я вспоминала взгляды Алексея, легонько трогала свои перецелованные им – каждый в отдельности – пальцы. А сердце учащенно билось и не соглашалось подчиняться разуму и логике.

Мне стал он сниться каждую ночь. Причем сны были тревожными. К утру же перерастали всё в одно и то же видение: наступала снова та далёкая ночь, когда стреляли под нашими окнами, и мы втроём – тетя, Гертруда и я – ложились в постель, не раздеваясь, на случай, если произойдет что-то непредвиденно ужасное. Только теперь с нами был и Алексей. Он был рядом со мной, лежал, обняв меня, и при каждом выстреле прятал своё лицо, уткнувшись в моё плечо...

Матвей стал замечать, что со мной творится что-то неладное. И пару раз он даже спросил меня беспокойно:

– Саша, у тебе ничего не случилось?

А второй раз:

– Ты случайно не заболела?

Да, заболела. Заболела снова, как почти пять лет назад. И болезнь эта называлась «любовь». Болезнь, от которой нет лекарств и которая может изменить твою жизнь до неузнаваемости. Где бы я могла сейчас быть, не сбеги тогда с парохода? Был бы в моей жизни Матвей? Нет. Все бы было по-другому. Возможно, переболев любовью к Алексею, я встретила бы другого мужчину и снова влюбилась.

А сейчас, уже повзрослевшая, осознавала, что просто обязана держать над собой контроль.

– Все хорошо, Матвей, – ответила я и занялась чем-то, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Муки совести, мои страхи и стоны бушующего в груди сердца переплелись в один змеиный клубок, который заставлял меня жить в постоянном трепете. Вскоре это стало невыносимо. Ведь в любой момент я могла сорваться и наделать глупостей.

Поэтому твердо решила: в следующий раз, когда Алексей появится в библиотеке (а это, скорее всего, будет завтра), я скажу ему, чтобы он больше никогда не приходил сюда! Алеша уже знает, что я тоже не одна. Правда, он не смеялся, когда слышал об этом. Погрустнел и произнес со вздохом:

– Как нам не повезло родиться в этот период истории! Возможно, родись мы на двадцать лет раньше, МОГЛИ БЫ СОЗДАТЬ ЧУДЕСНУЮ СЕМЬЮ, родить детишек и жить счастливо.

– Но наши дети все равно бы попали в это время, в революцию, – только и нашлась, что ответить, я. Его слова о счастливой семье очень взволновали меня.

Хотя я вроде рассказала ему о Матвее, о том, как познакомились и что уже женаты не первый год. Но о том, что жду ребенка, сказать ему не смогла. Боялась, что он обзовет

На следующее утро я была полна решимости осуществить задуманное. Но... Алексей не пришел. Не пришел он и на следующий день. И через день... И так в течение целой недели.

Я стала волноваться. Неужели Матвей узнал о наших встречах, проследил и сотворил что-то с ним?..

Но именно в тот день, когда уже вечером я собиралась задать Матвею прямой вопрос в лоб, в библиотеке с утра появился Алексей. Все случилось как обычно. Дверь открылась, звякнул колокольчик, я обернулась и увидела его. Он улыбался мне. А я, неделю прожившая на нервах, первое, что сделала, спросила:

– Алексей, что-то случилось? Почему вас не было целую неделю?

И тут же, глядя на его довольное выражение лица, прикусила губу: мне не следовало показывать ему, что я волновалась.

– Вы беспокоились обо мне? – радостно спросил он. – Ну, простите меня, Сашенька. Я и не думал, что имею такое влияние на ваше настроение.

«О! Знал бы ты, дорогой мой человек, КАКОЕ влияние ты на меня имел всегда!»

– Дело не в этом, Алеша. Просто я хотела поговорить с вами. А вас все нет и нет. Раньше вы ходили каждый день. Вот я и подумала, что могло что-то случиться.

– Нет, все нормально. Просто пролетарии подкинули срочную работу. Надо было все завершить вчерашним днем... А о чем вы со мной хотели поговорить?

Он уже подошел ко мне и взял мою руку. Поднес ее к своим губам и стал целовать мои пальцы.

– Алексей, подождите! – я почувствовала, что моя решимость с этими поцелуями тает как масло на сковородке. Поэтому довольно резко вытянула свою руку из его ладони. – Я как раз хотела вас попросить не приходить сюда больше.

Его брови удивленно взметнулись вверх.

– Вы ждали меня целую неделю, чтобы попросить больше не приходить сюда?

Он расхохотался, запрокинув голову назад. (Боже, он делает это специально!)

– Очень оригинально, Сашенька! Именно в вашем духе.

– Вы должны понимать, Алексей! Вы женаты, я замужем. Мой муж – не просто рабочий. И это может быть опасно для вас – если он и вы встретитесь.

– Опасно? Не понимаю.

– Он вас уже один раз спас. Он не сделает это снова, если узнает, что мы с вами встречаемся.

– Не понимаю..., - опять повторил Алексей и нахмурился. – Что вы имеете в виду?

– Тогда именно я попросила его помочь вам.

– Ааа, я вспомнил. Меня спросили о вас. Я сказал, что не слышал такое имя...

– Нам нельзя встречаться! – снова в отчаянии повторила я.

– Встречаться? Вы называете ЭТО «встречаться»? И потом... не понимаю... Кто меня спас? Ваш муж? А кто он?

В этот момент дверь открылась, звякнул колокольчик. И я вздрогнула от неожиданности: на пороге стоял Матвей.

Он зашёл в библиотеку. Дверь не придержал, и она за ним громко хлопнула. Я вздрогнула от этого звука, как от выстрела.

Матвей подошел. Посмотрел на меня, потом на Алексея. Сказал:

– Так я и знал. Без бывших ухажеров здесь не обошлось.

– Что вы имеете в виду? – спросил Алексей, и я заметила, что у него начала дергаться щека. – Я просто зашел в библиотеку.

Похоже, он сразу понял, кто такой Матвей.

Я молчала, тревожно наблюдая за мужем.

Матвей остановился напротив меня, посмотрел мне в лицо.

– Что молчишь, Саша? Нечего сказать в свое оправдание?

Я видела, что внутри у него все кипит, глаза полны гневом, и только усилием воли он себя сдерживает.

Алексей снова попытался вставить слово:

– Я не понимаю, почему вы ругаетесь? Я – просто посетитель.

Матвей обернулся к Алексею, сжав кулаки так, что косточки на пальцах побелели. Все задрожало во мне от плохого предчувствия: сейчас он его ударит – это в лучшем случае!

– Посетил? – переспросил Матвей сквозь зубы. – Теперь шел вон! А если узнаю, что ты хоть пальцем к ней притронулся...

Матвей именно так и сказал «шел». Это прозвучало настолько презрительно, что Алексея качнуло как от пощечины. Матвей не договорил, что будет, если... Но видимо, после тех испытаний, которые когда-то пришлось на долю Алексея, повторять второй раз не пришлось. «Моя любовь» побледнела, но попыталась горячо оправдаться:

– Верьте, я ничего не сделал плохого!

В моих ушах это прозвучало не как оправдание моих поступков, а как желание выбелить себя. В сердце кольнуло.

– Не слышал?! – не глядя на него, сквозь зубы процедил Матвей. – Убирайся!

Алексей даже мельком не взглянул на меня и торопливо зашагал к двери. Колокольчик звякнул, дверь за ним захлопнулась.

Я закрыла глаза. Мне было безумно страшно: и за тетю с Гертрудой, и за себя, и за Алексея. И за еще за неродившегося малыша. И за Елесю, которую Матвей может отобрать у меня, а я ничего не смогу сделать против. Что же я натворила! Ну, почему я сразу не сказала Алексею не искать встреч со мной?

– Пойдем, – устало сказал Матвей.

Я открыла глаза. Он не смотрел на меня. Стоял хмурый, ссутулившийся. Потом, повернувшись ко мне, взял за руку и повел на нашу половину.

Я не сопротивлялась. Покорно перебирала ногами, ведомая им. Устала я. Хочу уткнуться в подушку, укрыться с головой одеялом. И – спать, спать, спать, пока не закончится этот ужасный сон, называемый «настоящее»...

...Он усадил меня на кровать, сам встал напротив.

– Давно он сюда ходит?

У меня не было ни сил, ни желания отвечать, объяснять, оправдываться. Внутри гулкой болью звенела пустота. И страх.

– Нет, не очень... Это произошло случайно... Он зашел в библиотеку и узнал меня...

– Между вами было что-то?

– Нет, – покачала я головой. – И не могло быть.

– Почему? Ты ведь до сих пор любишь его! Так?

Он всё-таки запомнил, что я любила Алексея, – невольно отметил мой воспаленный мозг. Знал, но никогда не попрекал.

– Нет. Все прошло... Просто он – человек из прошлой жизни. И я была рада его видеть, – соврала я, не глядя на мужа.

– Не верю... Саша, посмотри мне в глаза.

Конечно же, он знал о моей слабости, что врать я не умею, особенно, если смотрю на человека.

Я не подняла голову. Тихо произнесла, оправдывая и Алексея, и себя:

– Он женат, Матвей. И я – замужем. Ты забыл, кто мой муж?

– Как будто это что-то меняет.

– Ты почему-то плохо думаешь обо мне. Я заслужила это?

Матвей вдруг опустился передо мной на колени, прижался головой к моим ногам, обхватил меня сзади за талию..

Я испугалась его порыву, вся напряглась, застыла.

Он взял мои ладошки, лежавшие на коленях, уткнул в них свое лицо. Я почувствовала, какое оно горячее. А потом поняла, что он... плачет!

– Саша... Ты – единственный мне родной человек... У меня нет ни родителей, ни братьев, ни сестёр. Ты, только ты – моя семья. Ты понимаешь, что мне очень больно сейчас? Я не вынесу твоего предательства...

Наверно, мой страх, основанный на том, что Матвей может забрать дочку, заморозил во мне сострадание к нему – я не почувствовала жалости. И даже хотела спросить его: а как же товарищи по партии, Ленин, рабочие всех стран? Но вовремя остановилась. Похоже, ему действительно сейчас было невыразимо плохо. Запоздалая жалость подкралась ко мне и сжала сердце. Ведь и я сама сейчас могу по пальцам пересчитать тех, кто действительно волнуется за меня, кому я искренне нужна.

– Я не предала тебя, – прошептала я, глотая комок, подкатившийся к самому горлу.

Мне вдруг стало трудно дышать. Что такое предательство? Когда любишь одного, а выходишь замуж за другого? Когда мечтаешь об одном, а рождаешь детей от другого? Когда хочешь быть с одним, а убеждаешь другого в том, что любимый человек для тебя ничего не значит?

И от своих собственных слов мне вдруг стало невыносимо тоскливо. Безысходность моего положения сжала все внутри с такой силой, что показалось: я сейчас умру.

«Может, и лучше?» – мелькнула трусливая мыслишка.

И тут же внутренний голос твердо заявил:

«Нет! Помни о дочке, о тете Тамаре и Гертруде. О родителях, Никитке. И еще о том малыше, кто тихонько растёт внутри. Им будет очень больно, если со мной что-то случится. Пусть родители не знают, где я и как живу. Они даже не знают о Еленочке. Но они очень хотят, чтобы со мной все было хорошо. По крайней мере, чтобы я была жива.»

Матвей между тем по-прежнему сидел, уткнувши нос в мои ладони, и ничего не

говорил. Потом раздалось тихое:

– Я тебе верю. И люблю тебя... Но пусть он больше не приходит. Хорошо?

– Хорошо... Я думаю, что он и сам понимает и не придёт больше.

Он сел рядом со мной, притянул к себе, поцеловал в губы. Я не ответила на его поцелуй. Матвей подавил вздох, встал.

– Пойду я. На работу надо.

Глаза у него были красные. Я промолчала и не попыталась удержать его.

Матвей вышел, не оборачиваясь и не прощаясь.

Мне не хотелось жалеть его, хотя внутри что-то тревожно гудело. Но я пыталась задавить ненужное чувство сострадания к Матвею. Он – чужой! Пусть, если хочет, любит. Но я не отвечу ему тем же ни-ког-да!

Я уткнулась лицом в подушку, натянула на голову одеяло.

Спать! И пусть все закончится, когда я проснусь! Уже проваливаясь в сон, я пробормотала:

– Уйду завтра к тете. Не хочу здесь находиться. Будем вдвоем растить детей и счастливо жить. И пусть только попробует меня вернуть обратно!

Потом я будто полетела вниз. Но это был приятный полет. Яркий солнечный день. Внизу – вода, я, как птица, приближаюсь к ней, расправив руки словно крылья. Мне весело, спокойно и радостно.

Нет тревог, нет забот, нет Матвея. Ничего плохого нет!..

Конец этой тетради.

Глава 15. Найденные дневники

Наши дни.

106

Когда закончился рабочий день, я отправилась искать тетю Мотю. Но ее нигде не было.

Увидев Романа у входных дверей музея, спросила:

– Не знаешь, Рома, Матрена Ивановна еще в музее?

– Нет, она уже домой ушла, – ответил Ромео и тут же включил свою пластинку: – Сеня, мне надо с тобой поговорить!

– Sorry, Ром, я опаздываю... Пока-пока, – и рысью побежала домой.

От событий сегодняшнего дня я чувствовала себя морально и физически истощенной. Операция под названием «Возвращение блудных картин» с треском провалилась. Конечно же, это изрядно меня потрепало. Но когда ты частенько попадаешь в разные передрыги, приходиться в чувства после подобных событий проще. К тому же, день еще не закончился. Так что просто продолжим решать проблемы, не впадая в депрессию и истерику.

Уже подходя к дому, в голову опять пришла та же мысль, которая посещала меня

недавно: «А что, если в квартире картин уже нет?» Полежали себе временно и отправились туда, куда нужно. Я была на работе достаточно долго, чтобы хватило времени их забрать... Это было бы замечательно. Хотя очень мне интересно все-таки узнать подробности этой истории. И особенно участие в ней Глеба. Но если бы мне сейчас предоставили выбрать между «узнать подробности» и «обнаружить, что картины исчезли из моей квартиры», без раздумий выбрала бы второе.

Я осторожно зашла в квартиру. Было тихо. Вроде бы все как прежде: вещи на своих местах, не чувствуется чужого запаха... Я на цыпочках прошла в зал.

Картины по-прежнему стояли у стены, и та, что неоднократно совершала сегодня со мной путешествие в музей и обратно, – тоже.

Увы, а воз и ныне там. Не всегда проблемы решаются самостоятельно.

Далее, я, в целях безопасности, опять проверила каждый угол в квартире, и только после этого, успокоившись, что, по крайней мере, никто не «сидит в засаде», закрыла входную дверь на все замки и потопала на кухню.

Решила приготовить что-то по-быстрому – устала за день, не до царских ужинов. Поставила кастрюльку с водой на плиту, бросила туда три картофелины прямо в кожуру: пусть будет сегодня картофель в мундире!

Между тем, мои мысли вернулись ко всё той же навязчивой идее, что за картинами кто-нибудь может прийти. До сих пор никто не позвонил в полицию, чтобы обвинить меня в краже, значит, моя квартира стала для кого-то вроде перевалочного пункта.

Если это так, почему же картины все еще у меня? Допустим, в выходные это было невозможно – я сидела дома безвылазно. Но сегодня я работала. Ну, только если утром пару раз появлялась в квартире на короткий период... Почему никто не пришел? Если этот кто-то с нашего музея, возможно, он (или она) не хотел (или не хотела), чтобы его (ее) подозревали. Значит, хорошо бы сделать так, чтобы завтра на работу не пойти, а в музей должны знать, что меня дома нет.

Я села на табурет, напротив плитки, на которой кипела в кастрюльке картошка, и задумалась.

Потом решительно встала и направилась в зал, к телефону: четкий план действий уже нарисовался в моей голове.

– Тимофей Борисыч?.. Добрый вечер! Извините за звонок домой, но мне только что позвонили из областного музея... Они нашли там документы, относящиеся к нашему городу. Просили приехать забрать. Не возражаете, если я завтра съезжу?

– Не возражаю, – дал согласие Рисыч. – Думаю, справимся без тебя, – и отключился.

В этом весь Рисыч. Все у него до предела коротко. Наши оперативки в музее длятся меньше трех минут. Директор берет бумажку, зачитывает, что кому делать и, облегченно вздохнув, отвечает:

– Я все сказал. Можете идти...

Ну что ж, замечательно! Итак, завтра на работе узнают, что дома меня не будет целый день. С утра, после девяти, я выйду из подъезда и притворюсь, что ухожу. Тот «некто» (если он из музея) будет знать, что я собираюсь отсутствовать минимум пять часов. У него появится достаточно времени прийти и забрать картины...

...Глотая приготовленную картошку и не чувствуя вкуса, я продолжала думать.

Все-таки обидно, если я не узнаю, КТО – главное действующее лицо в этой истории. Может, спрятаться где-нибудь да подсмотреть? Тем более, ехать в область мне на самом деле не нужно. Всё равно придется где-то по городу болтаться. Не ехать же в Полянск в самом деле.

Я подошла к окну и оглядела наш двор сверху. Мы жили на третьем этаже, поэтому видимость была прекрасная. У подъезда – стоянка (спонтанно организованная). Дальше – детская площадка. Не очень большая: песочница, горка, деревянный домик и качели. Еще две лавочки для мамочек... Стоп! Домик! Вот где я спрячусь! Конечно, он маловат для меня. Ну, ничего, заберемся! Главное, незаметно туда проскочить. Маленькое окошко домика смотрит прямо на мой подъезд. Увижу каждого, кто зайдет внутрь и кто выйдет наружу: с картинами или без.

Зазвонил телефон, вырвав меня из глубоко раздумья и детального рутинного планирования завтрашней операции.

Это была тетя Мотя.

– Сенечка, – заговорщическим голосом произнесла она. – Я договорилась с сыном. Он не против с тобой познакомиться. Как насчет завтрашнего дня?

– Спасибо, Матрена Ивановна! Я завтра еду в область и вернусь только вечером... Если часов в семь?

– Хорошо... Он предложил в кафе «Сюрприз». Ты согласна?

– Да мне без разницы... Пусть будет «Сюрприз».

Она засмеялась: то ли довольная перспективой стать в будущем моей свекровью, то ли от получившегося каламбура:

– ОКей, я передам ему...

Уже, когда мы рассоединились, я опять осознала, что забыла спросить имя ее сына. Может, это вовсе не Глеб... Ладно, сюрприз так сюрприз. К тому же, если это не Глеб, тетю Мотю, как подозреваемую, можно будет вычеркнуть из списка.

А ведь это очень даже хорошо, что она мне позвонила. Теперь целых два, то есть три, человека знают, что завтра меня дома не будет: Рисыч, она и ее сын (если это Глеб и именно он принес картины к нам домой). Почему бы не оповестить и остальных «подозреваемых»? Короче, я решила «сесть» на телефон. Позвонила Лерке. Сообщила. Набрала телефон Романа, но в последний момент отключилась. Не хочу ему звонить, а то подумает невеста что! Оставался дядя Ваня. Я порылась в телефонной книжке без всякой надежды. Ну, откуда у меня может быть его телефон? Нет, действительно не записан.

На этом звонки пришлось закончить. Я успокоила себя тем, что завтра утром и Рома, и дядя Ваня все равно узнают, что работница музея Арсения Ромашкина уехала в служебную командировку... Так что переживать насчет этого не стоит. Если им надо, любой из них всегда может отпроситься с работы на час. Даже Ромка. Ну, например, притвориться, что живот заболел, и побежать в аптеку...

Я сидела в зале и созерцала нарисованных виновников моих злоключений: девушку, сидящую у окна, мужчину приятной наружности и мальчика с собакой. Прошло только три дня с того пятничного вечера, когда я обнаружила их в своей квартире. А, кажется, целая вечность минула! Вот и сейчас картины стоят у стены так же, как стояли там в первый день, когда я их увидела... Хотя... Нет. «Мужчина» стоял последним. Непорядок!

Я встала, чтобы переставить картины. Это у меня явно уже нервное. Ну, какая разница, в

каком порядке они стоят? Так думала я, поднимая «Мужчину». И тут заметила трещину в рамке. Ох, совсем забыла, что грохнув картину об асфальт, я невольно сломала рамку! Попыталась соединить сломанное дерево. И тут заметила широкую щель между внутренней стороной картины и задней дощечкой рамки. Мне даже показалось, что там что-то лежит. Я с трудом протиснула ладонь в эту щель, нащупала что-то бумажное и медленно двигая кисть руки вверх, вытянула... старую тетрадь. Интересно, как она туда попала?

Я пролистала ее. Она вся была исписана красивым некрупным почерком. Аккуратные буквы, как бисеринки, были ровно «нанизаны» на строчки. Только в некоторых словах почему-то содержались «Ъ». Что это? Я открыла первую страницу и начала читать:

«Как хочется поплакаться кому-то в жилетку, сбросить с сердца камень, который мешает дышать легко и свободно... Но это невозможно... Время такое, что лучше помалкивать и никому не доверять. А родных мои жалобы только еще больше расстроят, ведь им тоже непросто...

Жизнь стала другой до неузнаваемости. Как будто каждый предмет, каждое лицо, каждое действие кто-то заменил на негатив: все белое стало черным. А всё черное? Наоборот, стало нормальным, повседневным: узаконенное убийство, предательство, хамство...

От меня, смешной наивной девочки, какой я была три года назад, ничего не осталось. Мало того, живу как в тумане. Ощущение, что я – это не я. И всё, что происходит со мной, ко мне никакого отношения не имеет...»

С первой же минуты стало понятно, что это чей-то дневник. И, судя по буквам «Ъ», ему уже немало лет! Если я правильно помню, твердые знаки на конце слов отменили в 1918 году... Вот это находка!

Время остановилось для меня. Мир вокруг исчез. Остались только мы с дневником. Я сидела на диване и читала. Остановиться не могла. Передо мной развернулась другая эпоха, другое время, другая жизнь...

Наступило утро.

Быстро позавтракав, я начала собираться якобы в служебную командировку. В свою (не мамину гигантскую) сумочку положила пару бутербродов с докторский колбасой и банан. Мне ведь предстояло сидеть в засаде неопределенное количество времени. Подумав об этом, добавила еще один банан и пару конфет.

Выйдя из подъезда, я пересекла стоянку для машин и детскую площадку. Шла независимо, не оборачиваясь. Так, как будто я действительно намерена уйти далеко и надолго. Мне уже казалось, что кто-то наблюдает за мной. Я прямо ощущала это каждой порой своей кожи. Хотя, каждый знает: когда думаешь, что кто-то за тобой следит, обязательно чувствуешь на своей спине тяжелый взгляд.

Когда зашла за угол соседнего дома, остановилась и, спрятавшись, оглядела свой двор. Ничего подозрительного вроде бы не было. Никто не пробирался за мной, прячась за деревья... Тогда, подождав пару минут – так, на всякий случай, – короткими перебежками я вернулась к детскому домику и, скрючившись в три погибели, на коленках протиснулась в узкую дверь.

Внутри домика была лавочка. Правда, очень низкая. И все равно, это было лучше, чем ничего. Я присела на нее, вытянув ноги. И почувствовала себя дядей Степой – ноги только что из окон не торчали – заняли пол в домике целиком.

Сквозь маленькое окошко мне хорошо была видна дверь в наш подъезд: как раз то, что мне нужно.

Сначала народ активно выходил из подъезда. Входили реже. И это понятно: люди шли на работу. Потом наступило затишье. Примерно с одиннадцати до двенадцати дверь открылась только дважды, выпуская пенсионеров в магазин.

Для меня самое главное время наступит с двух до трех – как раз у нас в музее обеденный перерыв. И, если мои предположения верны, кто-то из моих коллег может появиться здесь, у моего подъезда. Конечно, этот «кто-то» может прийти и раньше. Рискнуть, так сказать. Впрочем, думаю, вряд ли. Все работники музея находятся в данный момент под подозрением, и товарищ следователь Бегунов-Прыгунов может спросить, глядя на тебя взглядом человека, видящего насквозь: «Где вы были между...?»

...Время тянулось долго. Мои ноги начали затекать. О «пятой точке» вообще лучше не говорить. Сесть как-то по-другому в этом домике совершенно было невозможно. Самое большее, что я могла сделать – это сгибать и разгибать ноги в коленях. Чтоб юни совсем уж у меня не затекли.

Находясь, как вы понимаете, в стрессовом состоянии, я как-то незаметно слопала все свои запасы уже к двенадцати часам. Теперь мне совершенно нечего было делать. Единственным занятием оставалось безотрывное созерцание двери собственного

подъезда.

Наконец короткая стрелка часов указала на два, и я приготовилась к «сюрпризам».

Но первым был не тот «сюрприз», который я ожидала увидеть.

В окно домика неожиданно просунулась мужская голова со спутанными волосами и небритыми щеками. Голова спросила:

– А чё ты тут сидишь?

Я сначала растерялась и даже слегка испугалась. Но потом узнала местного пьянчужку по прозвищу Бутылек.

– В засаде сижу, не видишь что ли? Не мешай! – нагло ответила я ему.

– Аааа, – понимающе протянул он, и голова исчезла.

Я снова посмотрела на «объект» своего наблюдения – дверь, и увидела, как она... закрывается. Кто-то вышел или вошел (скорее всего, второе), а я это пропустила! Хватило какой-то минуты, чтобы все мое мучительное время сидения в этом кукольном домике оказалось напрасным! Кто знает, может, тот, кто мне был нужен, уже сделал свое дело.

Ох, Бутылёк- Бутылёк! Провалил мне операцию!

Или нет? Может, есть еще шанс?

«Подожду еще полчаса! – (наречие) решила я. – А потом пойду домой!»

Моя «вахта» наконец закончилась, и я свернула свою «кампанию». Выползла из домика. Ноги настолько затекли, что я не могла ни идти, ни даже подняться. Пять минут я стояла на коленях, держась за крышу домика. Со стороны наверно, я выглядела не лучше, чем наш Бутылек после своего удачного «рабочего» дня. Наконец, почувствовав прилив сил в ногах, прихрамывая, медленно потащила свое брненное тело к нашему подъезду.

Пока находилась в засаде, сломался лифт. Подтягивая себя на перилах, я с трудом поднималась вверх, автоматически считая ступени, количество которых знала точно, потому что прожила в этом доме всю мою жизнь. Когда достигла тридцать третьей ступени и повернулась на лестничной площадке для преодоления последнего пролета к моей квартире, я остолбенела, увидев невообразимое: у нашей двери стояла маленькая старушонка и копошилась с моим замком...

...Я онемела: смотрела на гангстершу снизу вверх и не могла ничего сказать.

Старушка была маленькая, чистенькая, аккуратненькая, седенькая. Таковую – на обложки детских журналов с надписью внизу «Добрая фея из сказки». А она стоит и пытается взломать чужую дверь.

Я кашлянула и сказала с язвинкой в голосе:

– Здравствуйте вам!

Она вздрогнула от неожиданности, уронила связку с ключами и испуганно воззрилась на меня.

– Вообще-то, это МОЯ квартира! – произнесла я медленно с нажимом на слове «моя».

Старушка виновато улыбнулась:

– Да я просто хотела...

– Что вы хотели?! – мой голос вдруг стал писклявым – верный признак того, что я

нервничаю или злюсь. В данном случае, было и то, и другое.

– Вы не волнуйтесь, милая леди! Я вам сейчас все объясню!.. Мы можем поговорить у вас дома?

Я поднялась на лестничную площадку.

Мне не показалось: старушка действительно была маленького роста – ниже моего плеча. Теперь она смотрела на меня снизу вверх и просительно-виновато улыбалась.

Какое-то время мы изучали друг друга глаза в глаза. Я думала о том, что она действительно похожа больше на волшебницу, чем на взломщицу. Мне даже пришла в голову мысль, что увиденное мной две минуты назад – как она пыталась открыть нашу дверь – показалось.

– Ну что ж, – неуверенно произнесла я, – давайте поговорим...

... Когда мы зашли в коридор, я вспомнила о выставленных в зале картинах. И хотя я уже не сомневалась, что она пришла именно за ними, все-таки пригласила ее не в зал, а на кухню. Предложила сесть, потом налила воду в чайник. Включила его. Делала это в молчании. Наконец я села с противоположной стороны стола и посмотрела на мою неожиданную гостью. (Она, между прочим, за это время тоже не обмолвилась ни словом).

Но встретившись со мной взглядом, тут же приветливо улыбнулась.

– Так что же вы хотели в нашей квартире? – не отвечая на улыбку, спросила я.

– Я просто хотела забрать то, что оставила здесь несколько дней назад.

Конечно же, я знала, ЧТО она имеет в виду. Меня захлестнуло возмущение. Еще бы! Я тут в последние дни, не переставая, тряслась от страха, прыгала из окошка, ползала по кустам, сидела, скрючившись, в детском домике... А эта бабулька так преспокойненько мне заявляет, что пришла забрать то, что оставила.

Видно, буря эмоций ярко отразилась на моем лице, потому что старушкина улыбка из приветливой опять преобразилась в виноватую.

– Вы волновались? – спросила она заботливо.

Я закипела одновременно с чайником:

– Вы что, издеваетесь? – прошипела я, потому что голос мой почему-то исчез.

– Ой, нет, что вы, дорогая! – заволновалась «гангстерша». – Я вам сейчас все объясню. Только успокойтесь, пожалуйста. Но сначала... Сначала я хочу посмотреть на НИХ... Где они?! – и не спрашивая разрешения, торопливо устремилась в зал.

– Гражданочка! – возмущенно завопила я. – Вы куда?

И хотел бежать за ней. Но чайник кипел – пришлось задержаться, чтобы выключить его (он у нас со сломанной кнопкой выключения).

Когда я заскочила в зал, бабушка стояла в центре и, не отрываясь, смотрела на картины.

– Господи! Какая красота!

Я тоже воззрилась на эту создавшую мне проблемы «красоту»: художественную и историческую.

– Я так рада, что они здесь: в целости, сохранности и безопасности! – прижав руки к сердцу, с чувством сказала старушка.

– Да?! – задохнулась я от возбуждения. – Это почему же?

Странная посетительница посмотрела на меня своими ангельскими глазами и нежно произнесла:

– Милая моя, дорогая девочка! Я вам сейчас все объясню!

– Да уж... извольте... пожалуйста! – с сарказмом протянула я. – Уж очень

хочется... Как я понимаю сейчас, эти картины здесь появились здесь не без вашего участия?

– Вы правы! Давайте присядем! – и она по-свойски уселась на диван. Ну, а я присела на краешек, как в гостях.

Вдруг старушка снова вскочила, подбежала к картинам и начала внимательно их осматривать, близоруко щурясь. Она осторожно трогала рамки...

– Вы ищете дневники? – спросила я. – Я нашла их.

Она вздрогнула от этих слов и медленно обернулась. Я увидела, каким взволнованным стало ее лицо.

– Где он? – спросила она тихо.

– Сначала объясните мне, пожалуйста, кто вы и что все это значит: вы – в моем доме, знаете об этих картинах, и вообще... как хоть вас зовут?

Она слабо улыбнулась и подняла руку, поправляя волосы. Я заметила, как дрожат ее пальцы.

– Меня зовут Мария Матвеевна Снегирёва. Это действительно *я* принесла картины в вашу квартиру... А вы читали дневники?

– Да. Интересно, как они туда попали? И кто эта девушка – их автор?

– Это моя мама...

110

– Да, это моя мама, – повторила старушка и грустно посмотрела на портрет девушки.

Мой гнев мгновенно улетучился. От него не осталось и следа.

Передо мной стояла женщина, которая для меня тут же стала чем-то особенным и важным. Та юная Сашенька, рассказывавшая о себе на страницах своего дневника, стала мне как подруга. Она поделилась со мной самым сокровенным, рассказала о своих радостях и горестях. Мне было жалко ее, потерянную и несчастную. Мне было жалко и Матвея, влюбленного и в нее, и в идею коммунизма. Трагедия того времени.

– А где Саша... то есть ваша мама... сейчас? Что с ней стало?

– Я так понимаю, что ты прочитала дневник? – спросила Мария Матвеевна.

Я смущенно кивнула:

– Извините, но так получилось... Я нашла тетради внутри рамки, начала читать... А потом просто не могла оторваться.

– Могу я взглянуть?.. А ты пока... вот...

Она достала из своей сумки толстую старую затрепанную тетрадку и протянула ее мне.

– Это тоже дневник моей мамы. Возможно, продолжение первого. Мама говорила, что старый дневник навсегда потерялся в России вместе с картинами. Но я нашла их! – и Мария Матвеевна гордо улыбнулась.

И вот мы уже обе погрузились в чтение: она читала ту часть дневника, которую нашла я. А у меня было продолжение именно с того момента, где я рассталась с Сашей, читая вчера ее историю жизни...

Произошло ужасное!

...Утром я проснулась. Матвея дома не было.

Я собрала вещи, оделась и направилась к тётке и Гертруде. Вчера уснула и даже вечером, после работы, не забрала от них мою Ёлочку.

...Неожиданно тетушка оказалась против того, чтобы я вернулась к ним. Я и плакала, и уговаривала ее. Ничего не помогло!

У неё был только один аргумент, который перевешивал всё: у тебя ребенок, и без Матвея вы с ним не выживите.

Я обиделась на непонимание родного человека и забежала по комнате, собирая детские вещи.

– Саша, оставь нам Еленочку, – неожиданно попросила тётя. – Решите свои проблемы сначала. Нечего травмировать ребенка...

Когда вернулась, в доме стояла полная тишина. Слышно было только тиканье часов в комнате. Похоже, и соседи отсутствовали. Я прошла по коридору, зашла в комнату. Шторы были наполовину раздернуты. Сквозь открытое пространство внутрь шли прямые солнечные лучи, похожие на прозрачные нити. Они освещали часть камина и кресло, стоявшее рядом. В кресле лежала открытая и перевернутая обложкой вверх книга со сказками.

Я вдруг представила детский смех, раздающийся здесь, представила Матвея, обнимающего ребенка, увидела их счастливые лица. Вдохнула. Ради счастья своей дочки я бы пожертвовала многим. Наверно, это моя судьба: жить здесь, в этом доме, с Матвеем. Жаль, что мои родители и брат далеко. Но если у них все хорошо, пусть будет так, а я должна попытаться быть счастливой там, где я есть.

Так думала я. И даже обрадовалась этому неизвестно откуда свалившемуся на меня философскому настроению. И повернулась туда, где на стене висели картины – я заметила, что они странным образом выполняли роль микстуры, действуя на меня успокаивающе.

Обернулась и... замерла. Стена была пуста. Картины исчезли.

Ноги подкосились. И я, нащупав рукой кресло, кулем опустилась в него.

Конечно же, это сделал Матвей. Большие некому. Решил проблему по-своему. И это в тот момент, когда я решила начать жить здесь и сейчас! А как картины-то жалко! Никитка там был как настоящий.

Я заплакала. Опять мир вокруг сузился и почернел.

Зачем он это сделал? Неужели он не осознавал, что таким образом принесет мне только боль? Могут ли изменить чувства картины, которые – с глаз долой. Но ведь не из сердца – вон. Это невозможно!

Дверь в коридоре хлопнула.

Вернулся.

И что сейчас? О чем говорить?

Я торопливо смахнула слезы: не хватало, чтобы он заметил мои слезы.

Поняла, что Матвей уже в комнате. Обернулась медленно. Стоит, смотрит на меня.

Я отвернулась.

Он подошел, встал рядом с креслом на колени, хотел встретиться со мной взглядом, но я закрыла глаза.

– Саша, – тихо произнес он. – Я был у Тамары Александровны..., – помолчал, видно, ждал моего ответа; не дождался, продолжил: – ...Она сказала, что ты хотела уйти к ним с дочкой, – снова тишина. – Давай попробуем начать все с начала... Я понимаю, что ты скучаешь по своей семье. Но я надеюсь, что наступит день, когда смогу помочь тебе...

Тут меня прорвало:

– Ты врешь! Ты все время врешь! Ты никогда не хотел мне помочь! И сейчас... Ты знал, ЧТО значат для меня эти картины! Но ты унес их. Где они?! Отвечай!

Я схватила его за ворот куртки и начала трясти.

– Эти картины нарисовал ОН. Поэтому они тебе дороги?

– Дурак! Там мой брат Никита! Там я! Там время, когда я была счастлива! Тебе никогда этого не понять. Твой мир – другой.

Матвей, однако, пропустил эти колкости мимо ушей.

– У тебя есть фотографии твоей семьи. Мы сделаем к ним рамочки, увеличим, если нужно, и повесим на стену. Это лучше, чем картина. Там – живые люди. На картине – копия. И не скажу, что удачная... Саш, сейчас – не это главное. У нас дочь. И мы еще можем быть счастливы...

– Ты ничего не понимаешь! – выкрикнула я и закрыла лицо руками; слезы душили меня.

– Ты зря так думаешь, – тихо сказал он, и в голосе почувствовалась боль. – Как раз я тебя понимаю, как никто другой. Любовь делает человека глупым. И мы не можем сопротивляться этому и поступать правильно... Так случилось со мной. Ты и я – мы и вправду из разных миров. Но я не мог и не могу заставить себя не любить... И не могу заставить ТЕБЯ полюбить меня... Хотя, иногда мне кажется, что и ты ко мне не так равнодушна, как хочешь показать...

– Глупости! – закричала я. Вскочила с кресла, оттолкнула его и побежала в коридор.

Я выскочила на улицу и пошла, куда глаза глядят. В голове моей все перепуталось. Я не знала, что делать и как дальше жить.

Уйти от Матвея или прислушаться к его словам и к тётиным, думать только о Еленке и будущем малыше?

Забыть прошлое или отстаивать своё право иметь хотя бы жалкие осколки того счастливого времени, и поэтому заставить мужа вернуть мне пропавшие картины?

Только хватит ли сил бороться за это право?..

Так я и пробродила до вечера по улицам. И только позднее узнала, что Матвей ходил за мной по пятам – оберегал меня от неприятных неожиданностей...

Мой животик потихоньку рос, но окружающим всё ещё был не заметен. Чувствовала я себя прекрасно, так что и общее физическое состояние не выдавало мою беременность. А мне удивительно приятно было хранить свой секрет и никому, даже тете, не рассказывать. К тому же, я все еще на нее обижалась, что она не поняла меня в тот день.

Алексей исчез. Я гнала мысли о нем из своей непутевой головы, заполняя их думами и разговорами с моим еще не родившимся малышом. И оказалось, это было не так трудно. Почему-то при мыслях о нем вспоминались его слово «бастрюки», оправдание «Верьте, я ничего не сделал плохого!» и торопливый уход без прощального взгляда на меня. «Всё – притворство! – думала я. – Не было никакой любви! По крайней мере, он меня не любил. Это я, как идиотка, мысленно сдувала с него пылинки и молилась, чтобы у него всё было хорошо. А он вспомнил обо мне только тогда, когда встретил в библиотеке. И ходить, опять же, начал не из-за любви ко мне, а, может, чтобы насолить своей пролетарке».

Но боли от таких мыслей, слава Богу, не было. Это как от долгой игры на гитаре: когда учишься, на подушках пальчиков появляются мозоли, и каждый раз, когда ты нажимаешь на струны, испытываешь боль; но проходит время, мозоли остаются, а боль при игре исчезает.

Да и в моем-то положении страдать из-за любви к мужчине было неразумно. Во мне зарождалась другая любовь: к тому, кто рос и развивался внутри меня. Каждый раз, думая о чуде внутри меня, губы растягивались в улыбке.

Кто там, интересно, мальчик или девочка?..

Матвей делал вид, что не помнит ничего о том событии с Алексеем и не замечает моих обид – я продолжала быть с ним отстраненно холодной, а он, как прежде, был внимательным, нежным, заботливым.

Хотя в душе к мужу уже сильной обиды не было – его тоже можно было бы понять, – однако картины мне было все равно очень жалко. Я обошла все незакрытые музеи в городе, спрашивала работников – поиск закончился ничем. Может, он просто на время убрал их куда-то, а потом вернет, когда удостоверится, что я не вспоминаю и не грущу по Алексею?

Сердце мое всё же стало оттаивать и успокаиваться. Матвей получал свою долю моего внимания и был счастлив. Он безумно любил дочку, и я не могла ненавидеть его уже даже за одно это.

Жизнь вроде как возвращалась в то же русло, какой была до моей последней встречи с Алексеем, когда произошло то, о чем я собираюсь сейчас рассказать...

Однажды вечером на улице я столкнулась с Тикуньей. Я не узнала ее, если бы она сама не подошла ко мне. Из вечно грязной и растрепанной тётки она превратилась в современную пролетарку: юбка едва закрывала костлявые колени, черная кожаная куртка объясняла ее общественную значимость, короткие подстриженные волосы небрежно торчали из-под повязанной на голове косынке...

– А, смотрю, все жива, – это была фраза, которой она меня поприветствовала.

Я опешила и испугалась. Эта женщина всегда вызывала у меня страх, но от её

бесцеремонной фразы я почувствовала себя на краю карниза. Ощущение было, что встретила колдунью на узкой дорожке, и она собирается сейчас сотворить свое зло, превратив меня в каменную статую.

Я молчала, ждала в ужасе, что будет дальше.

– Была недавно в одном приморском городке. И узнала преинтереснейшую вещь о твоих родителях. Ты у нас, оказывается, не сирота. А Матвей знает об этом? Обманула и увела такого парня!

Я продолжала молчать, с ужасом понимая, о чем идет речь.

– Что, я права?

Так она сомневается?

– Нет, это какая-то ошибка! – слишком торопливо ответила я.

Тикунья захихикала.

– Сегодня я тороплюсь. Но мы еще встретимся... И обсудим твое непролетарское происхождение.

Напоследок она смерила меня взглядом, полным презрения, и широкими неженскими шагами замаршировала прочь...

114

...Я не помню, как добралась до дома.

Что теперь будет? Меня убьют? А как же мои дети?

Матвей был на работе. Еленочка осталась ночевать у тети Тамары. И я уже была не рада тому, что очутилась одна в пустой комнате. Вдруг сейчас за мной придут, что я буду делать? И спрятаться некуда.

Я металась из угла в угол в поисках решения. Вдруг подумала, что лучше пойти к моим. Всё-таки буду не одна. Уже бросилась к двери, но тут же оцепенела в ужасе. А если за мной уже следят? И я приведу их к своему ребенку, к тётке Тамаре, к Гертруде? Здравомыслить в ту минуту я не могла – по крайней мере о том, что найти моих родственников могут и без моей помощи.

У меня сильно кольнуло в боку, и я испуганно присела на диван... Надо успокоиться. Пока еще ничего не случилось. Зачем паниковать раньше времени?

Я с нетерпением ждала прихода Матвея. Никогда ещё не ожидала его с такой силой и надеждой. Я выглядывала каждую минуту в окошко, подходила к двери, прислушиваясь.

Уже вернулись домой соседи: я слышала разговоры, звон посуды, шаги. А Матвея все не было...

115

Наконец звук открываемой ключом двери яснее ясного сообщил мне, что муж – дома. Он только зашел в комнату, а я уже бежала к нему. В недоумении Матвей глянул на меня – не баловала я его личными встречами – и сразу понял, что что-то случилось. Да у меня еще и ноги подкосились, и я повисла у него на шее, чтобы не упасть. Он подхватил меня, помог добраться до дивана.

...Я рассказала ему все, и только после этого расслабилась. Слезы брызнули из глаз, меня затрясло, даже зубы начали выстукивать дробь. Он тоже побледнел. Желваки на скулах побелели. Он обнял меня за плечи. Я уткнулась в его свитер.

– Я провожу тебя к Тамаре Александровне. А потом схожу в городскую управу, – тихо произнёс он. – Попробую встретить Тикунью.

– А что ты ей скажешь?

– Пока не знаю. Посмотрю на ее реакцию. Разберусь на месте...

...Дочка бросилась обнимать меня и Матвея. Она обхватила нас обоих за шеи – наши лбы столкнулись, – прижалась к нам и прошептала по-детски громко, наивно думая, что тетя не слышит:

– Папа, мама, я хосю домой.

Матвей поцеловал девочку в пухлую щечку:

– Потерпи немножко, – голос его вдруг стал хриплым. – У папы сегодня дела. Ты побудешь здесь. И мама будет с тобой. Я потом я вас заберу, мои девочки.

В этой фразе «мои девочки» было столько любви и боли, что я задохнулась от нового чувства, появившегося во мне. Все эти годы Матвей был рядом, несмотря на мое «непролетарское происхождение». Он игнорировал собственный риск. Кто знает, сколько раз ему приходилось отстаивать свою любовь ко мне там, среди своих...

Он торопливо ушел, отказавшись от ужина. После этого я тихонько рассказала тете и Гертруде о разговоре с Тикуньей; старалась говорить спокойно, чтобы не напугать дочь. Та, кряхтя, старательно натягивала пышное платье на старую фарфоровую куклу с длинными волосами и отбитым носиком. Новых игрушек у дочери не было. Какие нынче игрушки, кто их будет производить? И даже если бы в торговых лавках появились современные куклы, то не такие, какие продавались раньше, а обязательно похожие на Тикунью: в короткой кожаной юбке, с наганом и подстриженными волосами.

У тётки и Гертруды изменились лица.

– Что же теперь будет? – синими губами прошептала Гертруда.

Я закрыла глаза. Мне страшно было даже думать об этом.

...Вскоре Елеся заснула, а мы вдвоем уселись на старую кровать. Страх сковал нас, и разговаривать о чём бы то ни было мы не могли.

Время шло, Матвей не возвращался. Ждать его уже становилось невыносимо. Неизвестность пугала.

Часы показывали два часа ночи.

Вдруг кто-то поскрёбся в дверь...

По лицу Матвея я сразу поняла, что все плохо. Он был бледен, хмур. Казалось, мышцы лица окаменели, перестали двигаться.

– Вам придется уехать из города, – шепотом проговорил он. – Я на служебной машине. Собирайтесь очень быстро. Берите самое необходимое. Ничего лишнего. Вам придется Лену держать по очереди на руках. Так что много не набирайте.

Женщины засуетились, а я стояла рядом с Матвеем и ждала объяснений.

Он тяжело задышал, каменная маска сломалась, но на меня не смотрел и молчал.

– Матвей, – не выдержала я. – Куда мы поедем?

– Мой очень хороший друг, железнодорожник, возьмет вас на поезд. Поедете по транссибирской магистрали, до Харбина. А оттуда, за границу. Помогать вам будет некому. Теперь, Саша, действительно, надежда только на Бога.

Я обмерла. Расстояние, которое нам предстояло преодолеть, было настолько огромным, что ужас поглотил меня. Как мы выживем: маленький ребенок, беременная и две пожилые женщины?

– Я понимаю, что звучит ужасно. Но это – только единственный шанс – выжить. Иначе, каторга или расстрел.

Я прижалась к плечу Матвея: мне было страшно. Он уткнулся в мои волосы. Я почувствовала его легкий поцелуй. Понимание того, насколько защищенными мы были все эти годы, с запозданием пришло ко мне. А вот теперь судьба освобождает меня от мужа, которого я не хотела и от которого совсем недавно стремилась навсегда уйти к родственникам. Что ж, жизнь предоставила мне такую возможность – правда, в каком-то жутком, совершенно неправильном, варианте.

Мне хотелось спросить:

«А как же ты?»

Но показалось, что вопрос мой будет фальшивым и неуместным.

– Сашенька моя, – прошептал он. – Я надеюсь, что вы доберетесь до Харбина. А там уже – проще. Там по-другому работает почта – письмо можно отправить через Китай в Европу. Я слышал, в Харбине немало бывших белогвардейцев, эмигрантов. Надеюсь, там ты сможешь связаться со своими родными. А я потом найду вас... Не знаю, как... Надеюсь... Когда-нибудь...

Но в его голосе уверенности не было, и я тихо заплакала. Прошептала ему:

– Прости меня! Я была плохой женой...

– Ты была самой лучшей женой на свете! И я счастлив, что встретил тебя.

Но я все равно чувствовала себя безмерно виноватой перед ним – впервые за столько лет. Прижалась к нему, не в силах остановить слёзы.

– Саша, пора! – он мягко отодвинул меня и подошел к кровати, где спала дочка, осторожно приподнял Еленку, завернул в ватное одеяло...

...Мы не рискнули выходить через коридор. Страх быть услышанными соседями заставил нас осторожничать. Если нас начнут искать, первыми, кто будет опрошен, станут именно они. Кто знает, что последует после этого.

Город не освещался уже много лет. Поэтому шанс не быть замеченными был большим. Мы еще в комнате договорились: ни слова на улице, ни звука. Но все равно – сильно рисковали: нас мог заметить ночной патруль.

Матвей вылез первым – через окно, принял на руки Елесю, помог выбраться нам. Он пошёл вперед, неся дочку на руках. Мы бесшумно шли следом.

Когда сели в автомобиль, муж исчез в темноте. Через минут семь появился из двери дома, на крыльце. Уже по дороге объяснил, что сделал это из предосторожности. Пусть

думают: он привел жену и дочь к родственникам, а сам отправился на работу. Так уже было раньше; если кто его и заметил, вряд ли удивился.

Теперь окно было закрыто изнутри... Если нас хватятся, будет загадка для «товарищей», как мы испарились из комнаты.

Матвей привез нас не на станцию, а на какой-то железнодорожный пункт, где стояли только товарняки. У одного из паровозов мы остановились.

Матвей передал безмятежно спавшую Еленку в руки тете, потянулся к закрытой двери и пару раз стукнул. Та тут же открылась. Тихим голосом муж произнес:

– Это я.

И тут же, подхватив Гертруду под мышки, посадил на высокую подножку. Следом взял из тетиных рук дочку, заглянул в ее личико, легко поцеловал, прижался на мгновение щекой, а затем торопливо протянул ребенка вверх. Чьи-то руки приняли девочку. Потом последовала тетина очередь...

И вот мы остались вдвоем на платформе. В моем горле запершило, и я почувствовала, что слезы бесшумно полились по щекам. Но было так темно, наверняка Матвей этого не заметил. Что творилось в моей душе, описать трудно. Столько разных чувств смешалось воедино... Страх, тоска, беспомощность, вина... И еще что-то новое, проснувшееся во мне к Матвею – чувство неизбежности, бессилие перед разлукой. Я поняла, что впервые в жизни совсем не хочу расставаться с ним, не хочу уезжать без него!

То, о чем думала, о том и сказала:

– Матвей! Поехали с нами.

– Нет, Сашенька! Мне еще вас прикрывать надо. Если и я исчезну, боюсь, начнут искать. А так... Я попробую притвориться, что вы уехали к родственникам. А ты – береги себя, и Леночку... Пора, Саша. Опасно здесь стоять. Давай ... прощаться.

Он прижал меня к груди, потом поднял голову, поцеловал в губы. Крепко-крепко.

Сердце мое билось, как сумасшедшее. Мне тяжело было дышать. Я обхватила его за шею и прошептала свою тайну:

– У нас будет ребенок!

– Что?! – он услышал, но переспросил.

– Надеюсь, мальчик. Я назову его Никитой. Ты не возражаешь?

Он мотнул головой, прижал меня к себе и прошептал:

– Теперь я просто обязан выжить!

Из паровоза показалась голова. В темноте разглядеть лицо было невозможно. Но голос показался знакомым:

– Матвей, время! Скоро светать начнет. Рабочие придут в депо.

Матвей оторвал меня от себя, подхватил на руки и посадил наверх.

– Я найду вас, – были последние его слова.

Машинист отодвинул меня вглубь и торопливо закрыл двери. Я бросилась к окну...

Матвей стоял внизу, с задранной вверх головой. Потом только раз махнул рукой и тут же зашагал прочь. Наверно, он боялся, что кто-то может увидеть его здесь. Прижавшись к холодному стеклу, я смотрела в маленькое, грязное окошко до тех пор, пока он не исчез в

темноте.

Потом закрыла глаза. Почувствовала, что состав тронулся, медленно, а потом все быстрее и быстрее застучали колеса по рельсам.

– Сашенька! – услышала я голос тети и вернулась в реальность. Обернулась. Увидела, что мы в будке машиниста. Он не смотрит на нас – занят, стоит, повернувшись к нам спиной, а лицом к лобовому стеклу. Тетя держит на руках Елесью. Рядом стоит Гертруда и смотрит на меня.

– Все наладится!.. Я надеюсь...

Таким образом, она попыталась успокоить меня, хотя в ее голосе сильной надежды я не ощутила.

– Нам предстоит трудный и долгий путь. Мы должны быть сильными, – тихо произнесла тетя...

119

Каково же было моё удивление, когда я узнала в машинисте Васю Краюшкина! Вот кто оказался Матвеев друг! Всё же мир тесен – разве можно было даже предположить, что я встречу своего друга детства при таких обстоятельствах?..

Вася пояснил нам, что ему пришлось отказаться от напарника, когда Матвей попросил, никому не сообщая, взять на поезд его семью. Напарнику было сказано, что Вася неожиданно получил ученика – обучать профессии машиниста. Его постоянный помощник вдруг обрадовался: у него как раз тёща расхворалась, а жена была на сносях – вот-вот родить должна. Оставлять семейство почти на полмесяца, а то и больше, без мужика в доме ему бы не хотелось...

– Так что, Сашенька, придется тебе научиться управлять этой машиной.

– Мне? – испуганно переспросила я, догадавшись, что мой друг детства говорит о поезде.

– Не волнуйся. Мне твоя помощь нужна будет только для того, чтобы отсыпаться. Я же не могу ехать несколько суток пути без сна!.. Там, в подсобке, одежда моего напарника. Переоденься. Мы испачкаем тебе лицо в саже, чтобы никто не догадался, что ты – девушка. На станциях старайся играть мужскую роль: будь поглубже, меняй голос. А твои будут сидеть в подсобке безвылазно. Придется потерпеть без свежего воздуха. Им показываться наружу никак нельзя...

120

Так началось наше путешествие к городу Харбину.

Впервые мне пришлось работать физически и очень тяжело. Но я терпела. Единственное, чего боялась – потерять ребенка, о котором до сих пор не знали ни тетя, ни Гертруда. И действительно, опасения были не напрасны. В кабине машиниста было очень пыльно. Я, интуитивно чувствуя, что это может навредить малышу, закрывала нижнюю часть лица влажным лоскутом ситца, чтобы хоть как-то прочистить воздух. Но Вася со своей работой научился спать по чуть-чуть и, проснувшись, немедленно

подменял меня.

Чтобы не пугать Гертруду и тетю Тамару, я решила повременить сообщать им свою секретную новость.

Пока я работала, мои мысли были с Матвеем. Где он сейчас? Жив ли? А вдруг нас уже ищут? С опаской выглядывала на станциях из окна: вдруг увижу вооруженных людей, идущих суровой толпой к паровозу!

Вася на некоторых станциях закрывал кабину паровоза и бежал купить продуктов. Старался набирать сразу побольше, чтобы оставлять нас одних как можно реже. Мы сидели тихонечко: и в окна не выглядывали, и на любые стуки в дверь не отвечали.

...Однажды я спросила друга детства:

– Вася, а почему ты согласился помочь Матвею? Ведь ты нам помогаешь, а мы, вроде как, сейчас враги советской власти...

– Если бы я знал, что ты его жена – ни минуты бы не промедлил согласиться. А так, честно говоря, сначала засомневался. Но Матвей – он хороший. Он не из тех, кто за спиной плохое сделает...

Он помолчал, а потом стал говорить, и стало понятно: выговаривается он мне о давно наболевшем:

– ...Знаешь, многое, что сейчас делается, мне не нравится. Не так я представлял себе новую жизнь. Вот и согласился потому, что Матвей – из таких, кто действительно должен строить светлое будущее. Он честный, порядочный, не подставит тебя, не предаст...

Мне было приятно слышать такие слова о своем муже.

– А о плохом он попросить меня бы не мог, – продолжал Вася.

– Ты изменился, Вася, – почти шепотом сказала я, глядя в лицо своего друга детства.

Оно действительно полностью поменялось. Я даже сейчас удивлялась, как вообще могла его узнать. Это было лицо взрослого мужчины, повидавшего в жизни много такого, отчего детство и юность уходят безвозвратно. Обозначились морщины вокруг глаз и на лбу. Щеки впали, и из-за этого вокруг рта образовались складки... А ведь ему только двадцать один год.

– Ты тоже, Саша. Если бы я тебя встретил на улице, наверно, не узнал.

Я даже испугалась. Неужели и я выгляжу как взрослая женщина?

Вася продолжал:

– Ты очень сильно похудела. Щечки с румянцем исчезли, в глазах искринки погасли... Ты когда в последний раз улыбалась?

– Недавно... когда тебя увидела, – пошутила я, и мы тихо засмеялись....

Тетя нашла мой дневник. И попросила сжечь его.

– Не дай Бог, кто-то найдет. Я так понимаю, что ты сюда все откровенно записывала?

Выбрасывать мне эту тетрадь жалко. Она как частица моей жизни. Пусть –

грустная. Но моя.

Поэтому спрячу-ка я дневник получше. А дальше – видно будет...

* * *

Эта запись была последней...

– Какая грустная история! – сказала я, дочитав тетрадь до конца. – Значит, это ваша мама? Но здесь опять не всё. Что же с ней дальше случилось?

Старушка оторвала глаза от страницы и приложила палец к губам:

– Позволь и мне дочитать, – попросила она, и я увидела слёзы в бороздках ее глубоких морщин на лице.

И снова квартира погрузилась в тишину, только листочки дневника шуршали, когда Мария Матвеевна перелистывала их.

Я, предоставленная себе, задумалась. А почему она Мария? Ведь дочку Саши звали Еленой. Но она «Матвеевна». Значит, все-таки дочь Матвея... Ладно, спрошу позднее.

Я посмотрела на «Девушку у окна». Похожа ли Мария на свою мать? Перевела взгляд на старушку. Лицо покрыто морщинами, красные от слез щеки, седые волосы... Очень трудно понять. Старость полностью меняет внешность человека.

Сколько у меня вопросов – не сосчитать! Ох, как трудно дожидаться возможности начать задавать их.

...Наконец Мария Матвеевна подняла голову. Поглядев на портрет молодой матери, тяжело вздохнула каким-то своим мыслям. Потом перевела взгляд на меня. По ее туманному взору было понятно, что она все еще думает там, в двадцатом веке, когда её мама Саша была молодой. Я не стала торопить старушку, понимая, *что* она чувствует...

Она заговорила первой:

– Моя мама как-то рассказала историю о картинах, подаренных ей в молодости. Она не объясняла, *кто* их подарил. Просто поведала, что там, в России, остался ее дневник в рамке картины. Я начала расспрашивать маму. Понадобилось немало времени, чтобы выудить из нее хотя бы часть информации...

Мария Матвеевна вздохнула:

– Это произошло так давно! Я была молодой, энергичной... Мне во что бы то ни стало захотелось найти дневник и узнать все мамины тайны... Но на это ушли годы!.. И вот я нашла и картины, и дневники. Я так счастлива!

Меня очень подмывало спросить: *как* она украла картины и *что* собирается с ними делать? Но начала я с более тактичного вопроса:

– Мария Матвеевна! А что вы собираетесь делать с картинами?

Она посмотрела на меня своими ясными честными глазами, улыбнулась легкой мечтательной улыбкой и ответила:

– Отвезу их домой, в Швейцарию!

– Но как?!

Этот вопрос включал в себя несколько подвопросов, которые я тут же выдала:

– В Швейцарию? Вы там живете? А как же вы собираетесь пересекать границу? С

ворованными картинами... Забыли о таможне?

Но Мария Матвеевна все еще была в своем мире грез.

На мои вопросы ответила легко, нисколько не задумываясь:

– На машине... Я на машине сюда приехала.

Ничего себе бабуля! Ворует картины, ездит за рулем. Прямо Джеймс Бонд в юбке. Только с седыми волосами и с морщинистым лицом. Ох, как бы мне хотелось в старческом возрасте иметь такой же характер!

– Но если вы в не курсе... картины разыскивает полиция! Я понимаю, что для вас эти картины – семейная реликвия. Но для полиции данное происшествие – без вариантов – называется воровством. Тем более, что картины пропали из музея. Ну, а то, что хранится в музее, является исторической или художественной ценностью и принадлежит государству.

– Я понимаю, дорогая моя! Но они – часть истории нашей семьи. Да, мой отец в порыве чувств отнёс их однажды в музей и оставил в коридоре. Вы же читали об этом. Но они всё равно по праву принадлежат нам... Вот только эту картину я не возьму, – она ткнула пальцем в автопортрет художника. – Пусть остаётся в музее. Дарю!

«Кто, интересно, ее туда отнесёт?» – нервно подумала я, вспомнив свои недавние злоключения.

Резко зазвонил телефон, и мы обе вздрогнули...

Я взяла трубку.

– Алло!

– Сенечка! Это – Матрена Ивановна!.. Ты не забыла о свидании? Через час мой сын ждет тебя в кафе «Сюрприз»... Ну, пока. Потом поболтаем. Мне некогда.

И она тут же отключилась.

Все произошло слишком быстро. Я даже сначала не сразу сообразила: какая Матрена Ивановна, с каким сыном она договорилась (в моей голове в данный момент были необычная бабулька и украденные ею картины). Потом вспомнила. Глеб!.. (Или не Глеб?)

Как я могла вообще подумать, что Глеб – участник преступления! Конечно же, нет! Все это – глупая и неприятная ошибка! А виновница всего – вот эта старушка-одуванчик, которая сидит на нашем диване и выжидательно, с улыбкой, смотрит в мою сторону... Странно, но меня это больше не злит...

– Я – сейчас! – сказала я и помчалась в ванную.

Мне нужно было хотя бы пять минут побыть одной, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию.

Итак, виновница найдена. Что с ней делать теперь – ума не приложу. И что делать с картинами, которые, как не крути, музейные экспонаты, тоже не знаю. Ладно, сейчас я пойду на свидание. Оставить мне бабульку в нашей квартире или нет? А почему бы и нет? Честно сказать, я бы уже с удовольствием свернула эту приключенческую эпопею. Всем известно, пусть редко, но иногда случается, что проблемы решаются самостоятельно, без нашего участия. Вдруг за время моего отсутствия исчезнут и картины, и старушка. А дальше пусть полиция делает свою работу – то есть ищет преступников. Ну, просто идеальное решение созрело в моей голове!

Я, окрыленная, вылетела из ванны.

– Мария Матвеевна! Мне нужно отбежать на час или два... А может, на три... Вы тут располагайтесь, не стесняйтесь.

– А вы куда, дорогая? – приветливо улыбаясь, спросила она.

(Ох, уж это старое поколение! «Вы»... Но как приятно звучит!)

– Мне нужно встретиться с одним человеком.

– Свидание с женщиной?

Я слегка смутилась:

– Ну, вроде того.

– По твоей реакции вижу, что он тебе нравится...

Я убежала в спальню переодеваться, оставив бабушку сидеть на диване в зале.

Если тот, к кому я иду на свидание, – Глеб, мне абсолютно не все равно, как я буду выглядеть.

Начала примерять все мои лучшие платья. После пятой примерки наконец определилась. Достала также новые босоножки.

Вышла из спальни к большому зеркалу в зале. Бабушка Мария Матвеевна с любопытством посмотрела на меня, преобразившуюся. Так как спросить было больше некого, я обратилась к ней:

– Как вы думаете: не очень бледно?

– ТВОЙ мужчина заметит тебя любой: и бледной, и яркой. Ему важно другое.

«Много вы понимаете! – с досадой подумала я. – Времена изменились. Сейчас мужчины обращают внимание только на ярких. Если перед их носом не помахать красной тряпкой, они даже не заметят».

Но вслух, разумеется, ничего не сказала...

Как я была потрясена – можете себе представить? – когда за столиком в кафе «Сюрприз» я действительно обнаружила Глеба. Он сидел, нервно постукивая ложечкой по столу, и читал меню. Я замерла у двери в зал, рассматривая издали его красивый профиль, его темные прямые волосы, знакомую до боли осанку. Я пыталась унять волнение: совсем не хотелось, чтобы он увидел меня трясущейся осинкой с бледными щеками и дрожащими руками.

Наконец, немного уняв сердцебиение, я направилась к столику. Тут еще обнаружила, что у меня и колени дрожат. Так и шла с внутренним звоном на своих полусогнутых.

Глеб почувствовал, что я остановилась у стола, и, оторвавшись от чтения, с любопытством оглядел мою персону, насколько ему позволял стол, прикрывавший меня от пояса и ниже. Я поняла: он меня не вспомнил. Может, и к лучшему? Знакомство с нуля предпочтительнее, чем воспоминания о прыщавой девчонке подросткового возраста: вдруг в его воспоминаниях я – хуже, чем мне кажется?

– Садитесь! – предложил он, обволакивая меня своей обаятельной улыбкой. Но не встал навстречу мне.

Я присела на самый краешек стула напротив него. Мне было неловко рядом с ним. Я боялась сделать или сказать что-то не то.

– Значит, вы – Арсения? – спросил он. – Моя мама вас давно рекламирует. Говорит: в музее у нас работает очень хорошая девушка. Вот мы наконец-то и встретились... Маме уж очень хочется, чтобы я был обязательно женат.

И вдруг он захохотал, откинув голову назад. Это был так обворожительно. И... Догадались, кого я вспомнила в тот же момент? Конечно, Алексея, предмет любви Сашеньки. Наверно, и она в какой-то момент не устояла вот перед таким приемом завлекать глупых юных барышень.

Я выжала из себя улыбку, опуская глаза.

О чем с ним говорить, я совершенно не знала. Надо было по дороге сюда не трястись от страха, а подумать о темах для разговора. Теперь он решит, что я – глупая, и разговаривать со мной абсолютно не о чем.

Вот и сейчас он смотрит на меня в ожидании моей реакции на его слова. А я, правда, не знаю, что сказать!

– Вы разговаривать умеете? – вдруг спросил он, и хотя улыбка по-прежнему была на его лице, в глазах промелькнуло разочарование. Или раздражение? Я не успела понять, какое из этих чувств.

– Да, – наконец вымолвила я свое первое слово.

– Ну, слава Богу! – он картинно облегченно вздохнул и вытер предполагаемый пот со лба.

После этого я еще больше потеряла дар речи от сильного смущения за саму себя.

Глеб, не дождавшись от меня ни звука, решил восполнить пробелы собственной речью:

– Я вижу, что вы девушка скромная. Наверно, в женском монастыре воспитывались?.. Что ж, бывает. Скромность, она, конечно, украшает женщину. Права русская поговорка. Но я, честно говоря, и сам теряюсь, о чем говорить с такого типа девушками. Трудно, понимаешь?

Я отметила, что он перешел на «ты», и не знала, радоваться этому или не стоит. И чем больше он говорил, тем больше я чувствовала себя не в своей тарелке.

Подошел официант, протянул мне корочки с меню. Я уткнулась в них, усиленно изучая написанное.

Через минуту Глеб спросил:

– Что выбрала?

– Мороженое, – отозвалась я охрипшим голосом.

– Какое?

И хотя я предпочитала с шоколадом, побоялась показаться слишком разборчивой, и пожав плечами, отозвалась:

– Любое.

Глеб заказал мороженое с орехами и чай. (Я подумала, что надо запомнить на всякий случай, какое мороженое он любит. Хотя захочет ли он встречаться со мной в следующий раз: не каждый выдержит еще один такой же вечер с ней!).

Официант удалился.

Глеб снова повернулся ко мне. Я уже чувствовала исходившую от него волну равнодушия. Но, видимо, вежливость заставляла его закончить вечер, чтобы не было стыдно перед своей мамой.

«Соберись! – говорила я себе. – Ты же можешь быть интересной! Сколько людей тебе говорили о том, что общение с тобой – огромное удовольствие. Я столько исторических

фактов знаю, которых даже еще в журналах не написали! Что б ему такое рассказать? Что его может зацепить?.. А вдруг ему слушать мои истории будет абсолютно неинтересно? Надо было все-таки сказать ему, что мы в одной школе учились. По крайней мере, повспоминали бы учителей и тех, кто учился с нами».

Молчание затягивалось.

И тут меня спас его мобильник. Он вдруг запел где-то в кармане его пиджака.

Глеб полез за ним, нажал кнопку и прижал трубку к уху:

– Слушаю!.. Что?!.. Во сколько они были?.. И о чем спрашивали?.. Какую фотку показывали?!.. Как им это удалось?.. Не приходить домой?!.. А куда же мне?!.. Ну, хорошо. Я понял... Ладно, пока...

Я во время разговора исподтишка наблюдала за его красивым лицом: оно менялось от спокойного и самоуверенного до испуганного и растерянного.

Разговор закончился, и Глеб убрал телефон в карман. Бросил на меня быстрый взгляд. И вдруг... изменился до неузнаваемости.

– Арсения! – промурлыкал он, глядя на меня влажными глазами и лучезарно улыбаясь. – Как мне с тобой комфортно! Как будто знаю тебя сто лет!

Я расширила глаза от неожиданности. Какое чудо случилось за последние три минуты, что он вдруг разглядел во мне что-то значимое для себя? Может, это случилось раньше? Просто я не заметила...

Принесли мороженое. Я скромно, маленькими ложечками, начала есть его. Глеб же уплетал лакомство без особого стеснения. Успевал между делом разговаривать:

– Я, когда тебя увидел, у меня сразу возникло ощущение, что мы с тобой уже были знакомы...

«Если бы ты знал, насколько твое чувство верно!» – подумала про себя я, но ничего вслух не сказала.

– ...Когда такое чувство возникает между людьми, это не просто так. Это, знаешь, что такое?

(Моя левая бровь в раздумьи поднялась вверх).

– Это – СУДЬБА! – торжественно-пафосно закончил он. – Скажи, а у тебя тоже возникло такое ощущение, когда ты меня увидела?

Я проглотила кусочек мороженого, только что положенный в рот, и напряжённо кивнула.

– Вот видишь! – воскликнул Глеб. – Судьба! Мы просто обязаны продолжить знакомство!

Я подавилась и закашлялась. Он, смеясь, бросился на помощь: стал со смехом стучать меня по спине, выбивая то, что угодило в «не то горло».

...Кажется, именно этот его поступок сблизил нас.

Мы вышли из кафе и не спеша пошли по улице. Он осторожно взял меня за руку. Мое тело, в том числе, и сердце оттаяло: я наконец-то почувствовала себя комфортно. Разговор начал получаться. Но больше говорил Глеб, а я слушала его с превеликим удовольствием,

глядя в красивое лицо.

Он рассказывал анекдоты, какие-то смешные истории. Я смеялась и просила еще.

Время остановилось. Счастье заполнило все пространство вокруг. Я ничего и никого не замечала.

Вдруг Глеб остановился, повернулся ко мне, взял меня за обе руки и предложил:

– Давай еще где-нибудь посидим!

– Давай! – радостно согласилась я.

Он полез в карман брюк, достал бумажник и заглянул внутрь.

– Ой, нет, – отказался он от своей идеи. – Что-то я мало денег взял с собой. Прости. Просто погуляем. Не против?

– У меня есть деньги! – радостно сообщила я ему.

– Ты что! – оскорбился он. – Я денег с девушек не беру!

– Глупости! – заверила я его.

– Нет! – твердо заявил он. – Ну, вот если ты пригласишь меня к себе...на рюмочку чая, – и засмеялся сам своей шутке.

– Конечно! – счастливо отозвалась я...

...И только рядом с моим домом я сообразила: это же невозможно пригласить его сейчас к себе! Во-первых, там у меня – картины, во-вторых, бабушка. И вообще... Тут я вспомнила фотографию, которую мне показал Прыгунов. Глеб – в числе подозреваемых! (Хотя поверить в это не могу. Здесь наверняка какая-то ошибка).

Мои мысли металась между двумя «столбами»: оставить Глеба на улице и сбегать домой, чтобы подготовиться к встрече – спрятать картины, предупредить Марию Матвеевну о том, что она на время становится моей родственницей, – или отказаться от этой идеи совсем и не приглашать Глеба в свой дом? Но как я могу отказаться? Ведь отказ может сжечь мосты, и наши отношения разрушатся, еще не построившись...

Короче, выиграло первое: я решила рискнуть и пригласить Глеба в свою квартиру.

Глеб между тем обратил внимание на мои внутренние терзания. Скорее всего, трудно было не заметить тот поток чувств, который пробежал бурной рекой по моему лицу.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет, все в порядке. Пойдем... Только... Ты посидишь во дворе с полчасика: я проверю, что там дома.

Он рассмеялся и ничего не ответил. Только согласно кивнул.

(Боже мой, какой он все-таки милый!)

Глеб уселся рядом с тем легендарным домиком, в котором мне пришлось сидеть сегодня утром в засаде, а я помчалась домой...

Я влетела в коридор как ракета, и на ходу принялась объяснять Марии Матвеевне, какую роль ей предстоит сыграть.

– Ко мне сейчас придет гость. Пожалуйста, притворитесь моей родственницей. Ладно?

– Ладно. А кем именно?

– Все равно... Ну, например, моей двоюродной бабушкой... Так, куда бы нам с вами

картины спрятать?

– А зачем? Пусть тут стоят.

– Ну, что вы! Они же в розыске! – округлила я глаза и, схватив «Девушку у окна», помчалась с ней на лоджию. – Помогайте!

...Через три минуты все три картины были там. Но тут вдруг мне это разунравилось. А вдруг Глебу захочется выйти на лоджию?

И я торопливо стала перетаскивать картины в спальню.

– Мария Матвеевна! Спальня будет как бы вашей комнатой. Так что никого туда не впускайте!

– Хорошо! – согласилась бабушка, торопливо семеня за мной с картиной «Мальчик с собакой»...

Наконец «улики» были спрятаны. Я облегченно вздохнула и отправилась за Глебом. Проходя зеркало в коридоре, критически себя оглядела. Слишком критически! Снова во мне проснулись недавние комплексы. Но я решительно тряхнула головой и отправилась на улицу, к мужчине своей мечты...

И вот миг, когда мечты сбываются, наступил: Глеб переступал порог моей квартиры. Я, разумеется, с ним.

Он уже был предупрежден, что мы будем не одни, что ко мне на несколько дней приехала родственница. У него на лице мелькнуло разочарование. Я бы и сама предпочла побыть с ним один на один. Ну, что тут поделаешь. Может, в другой раз...

...Я открыла дверь, мы шагнули через порог и оба услышали шаркающие шаги, раздававшиеся со стороны кухни. Через минуту пред нашими глазами предстала во всей своей красе Мария Матвеевна.

Тут случилось что-то очень странное и непонятное.

Сначала произошла немая сцена: оба – Глеб и моя новая знакомая – смотрели друг на друга, вытаращив глаза. По их реакции я поняла, что у обоих – удивлению нет предела.

– Вы?! – первой вымолвила Мария Алексеевна, и голос ее дрогнул. – Что вам здесь нужно?

– Это вы что здесь делаете? – сдавленным голосом произнес Глеб, сдерживая ярость. – Это все ваших рук дело?

(Именно ярость отразилась на лице у моего любимого мужчины. Это чувство не спутаешь ни с каким другим.)

– Моих? Вы о чем?

Я переводила взгляд с одного на другую и была удивлена не меньше их. Находясь в легком шоке, что они знакомы и, кажется, не питают симпатии друг к другу, я попыталась встрять:

– Что ты имеешь в виду, Глеб? Мария Матвеевна, вы знакомы?!

Но они даже не обратили на меня внимания.

– Где картины? – вдруг процедил сквозь зубы Глеб и шагнул к старушке.

Мой шок стал еще больше. Я ничего не понимала. Откуда он знает о картинах? Ах, да... Он же сам пытался их снять со стены в музее... (Значит, на фотографии был всё-таки

он?) Но откуда он знает о Марии Матвеевне? И почему он ее спрашивает, где картины, если сам же их забрал из музея?

Мое непонимание мне не нравилось. И вообще, мне все не нравилось. Мое романтическое свидание трансформировалось в уравнение с двумя неизвестными. И, кажется, собирается превратиться в трагедию, судя по тому, с какой нелюбовью смотрят друг на друга моя псевдо-родственница и мужчина, в которого я влюблена.

Еще одна вещь мне жутко не понравилась: я впервые увидела свою любовь с таким перекошенным от злости лицом. Мурашки забегали по коже от такого зрелища. Это был уже не Глеб, а совершенно посторонний мужчина.

Вообще, по жизни не люблю слишком агрессивных людей. Я их просто боюсь! Однажды я стояла рядом, когда два мужика чуть не убили друг друга в драке. Это было ужасно страшно!!! Я и в кино на такие сцены стараюсь не смотреть. Ну, а увидеть подобное в жизни – врагу не пожелаешь. Может, мне Глеб и понравился именно за то, что всегда был невозмутимым, если вспомнить и сравнить его с моими одноклассниками, которые вечно, как петухи, выясняли друг с другом отношения... А тут Глеб и – агрессия... Брр!

И вдруг его недобрый взгляд воззрился и на меня.

– А вы что, родственники?

Я еще не успела ничего ответить, как он, чеканя каждое слово, процедил сквозь зубы:

– Тогда все понятно! Договорились заранее? Удачненько! Одна в музее работает, второй картины нужны. Отличненькая комбинация! В таком случае, мне бояться нечего: сами украли, сами отвечайте! Ха-ха-ха!

В книжках я встречала фразу «произнес ядовито». Сейчас я действительно поняла, что это значит. Точно, он говорил именно так: брызгая ядом. А я вздрагивала от каждого его слова. Мое сердце распадалось на осколки! Глаза вдруг открылись навстречу правде. Я увидела совсем другого человека. И вовсе он был не такой уж красивый. Как я могла страдать из-за него? Точно: любовь зла и слепа! А еще: от любви до ненависти – один шаг.

В этот момент мне было на все начхать: и на украденные картины, и на следователя Бегунова-Прыгунова, и на эту свалившуюся на мою голову бабуся. У меня любовь умирала! Что может быть ужаснее?

Я уже была на грани слезного потока, как вдруг Глеб обернулся ко мне и восторженно заявил:

– Я сам вас отведу в полицию! – глаза его при этом блестели злой радостью. Что-то хищное было в его улыбке. – Это будет доказательством моей невиновности... Но сначала я должен посмотреть на картины. Где они?!

Он вдруг схватил меня за плечи (когда-то я мечтала об этом!) и тряхнул так, что внутри меня что-то булькнуло.

– Не трогайте девушку! – услышала я голос Марии Матвеевны как будто издалека. – Зачем вам нужны картины? Они абсолютно не представляют для вас никакой ценности.

Он выпустил меня и повернулся к старушке:

– Очень даже представляют. Ваша сестра мне рассказала о бесценности этих картин.

– Я не понимаю, – встряла я. – Почему вы знакомы? – наконец-то я смогла задать главный вопрос!

– Этот молодой человек снимал у нас в доме комнату пять лет назад. У нас есть домик в Испании. Около моря. Мы всегда принимали там только русских туристов. Сестре Елене очень хотелось пообщаться с соотечественниками... Но я вас убеждаю, – это было уже для

Глеба, – что ничего ценного для вас эти картины не могут представлять. Моя сестра ввела вас в заблуждение. Для НЕЕ они были ценными как память о маме и отце. Для нее, а не для вас.

– Это вы сейчас специально так говорите... Чтобы я отцепился... А может, мы с вами договоримся? – его глаза заблестели. – Толкнем картины, а вырученные деньги разделим: мне – семьдесят процентов, вам – по пятнадцать. Это ведь справедливо, не так ли? Это лучше, чем я бы решил сдать вас полиции.

Не знаю, чем бы вся эта сцена закончилась, как вдруг в дверь позвонили.

– Кто это? – испуганно спросил Глеб, переходя на шепот. – Вы заманили меня, чтобы сдать полиции?

– Сейчас узнаем, кто это, – ответила я как можно спокойнее, хотя мое сердце все еще танцевало кадрили. – А вы пройдите, пожалуйста, в зал...

128

На пороге стояла Лерка. Вот уж точно: черт принес. Только ее тут не хватало!

Первая мысль о причине, почему она неожиданно появилась здесь, была такой: узнать больше о моем ухажере, которого нет. Но оказалось, что причина ее появления – другая. С порога прозвучала фраза, которую так любят использовать киношники в сценах о ревнивых женах и неверных мужьях:

– Где он?!

– Кто? – абсолютно искренне удивилась я.

– Не притворяйся! – прошипела она.

И, не дожидаясь приглашения, перешагнула через порог моего дома и захлопнула за собой дверь.

– Кто-кто? – противным голосом передразнила она меня, повернувшись ко мне. – Глеб – вот кто!

Я удивилась еще больше:

– Глеб?!

– Только не говори мне, что его здесь нет. Я за вами от самого кафе иду.

И она, не разуваясь – вот наглая, в уличной обуви! – бесцеремонно отодвинула меня в сторону и протопала в зал. Я просеменила за ней.

Сегодня был день сюрпризов или ...дешевых мелодрам.

Сцена номер два представляла из себя следующее.

– Ты?! – совершенно искренне удивился Глеб.

– Я!!! – злорадно подтвердила Лерка.

– А что ты тут делаешь? – повысив голос, гневно спросила моя «уже почти сдохшая» любовь.

– А ты? – тоже на тон громче переспросила Лерка.

– Я первый спросил! Ты что, следила за мной? – Глеб явно не хотел уступать и перешел почти на крик.

До меня наконец дошло: Лерка действительно тогда говорила о Глебе как о ее новой пассии. Они встречаются! А он, негодяй, еще и меня решил в список своих девушек

записать. Подлец!

– Может, вы в другом месте будете разбираться, кто кого больше обманывал? – в гневе, стараясь прокричать громче, чем они, вместе оба взятые, спросила я. Не хватало еще, чтобы их отношения – всякие там шуры-муры – в деталях всплыли сейчас и обрушились на мой и без того воспаленный мозг.

И тут в дверь снова зазвонили...

– Это какой-то сумасшедший дом! – воскликнул Глеб. – Кого еще принесло?

– Может, еще особа женского пола за тобой следила? – съязвила я. – Лично я не удивлюсь!

– Еще кто-то? – возмутилась Валерия и в бешенстве шагнула к Глебу.

– Ребята, – закричала я. – Не вздумайте здесь драться! А то точно придется вызывать полицию. Материальные потери мне ни к чему. Достаточно моральных.

Кажется, вернулось мое «я». Стеснения исчезли.

Пошла открывать.

Внутри бушевала буря. Я чувствовала себя ужасно уязвленной. Мало того, что разочаровалась в Глебе, как в человеке выдержанном и вежливом – именно таким он мне всегда казался, – так я узнала, что он одновременно может ухаживать не за одной девушкой. Противно!!!

Все еще в гневе, я решительно распахнула дверь.

На пороге стоял Роман. Вид у него был очень виноватый, глаза часто моргали. Ну и, разумеется, при виде такого «зайчика» я вылила на него ушат злости, накопившийся во мне – спасибо Глебу:

– Что те-бе нуж-но?!!

Ромео, как подбитый танк, беспомощно топтался на пороге, мучительно формируя в голове мысль, с которой пришел. Наконец выдавил:

– Сеня, мне бы поговорить с тобой...

– Сейчас?! – спросила я так, как будто он знал заранее о моей занятости и пришел нагло кланчить аудиенцию.

– Сеня, я давно пытался с тобой поговорить, но ты избегала этого... А ЭТО очень важно!

Я представила себе, как сейчас три пары ушей наострились и подслушивают наш с Ромкой разговор. Конечно же, интересно! Пришел товарищ выяснять отношения: люблю я его или нет. Ведь так? Зачем еще мог прийти ко мне этот Ромео?

Вечно несгорающее чувство – Ромкина любовь.

Обижать его вдруг расхотелось. Хоть кто-то любит меня так преданно и долго. Это надо ценить, а не отвергать. Особенно в такой период жизни, как у меня сейчас. И все же...

– Ром, у меня сейчас гости, – начала ему втолковывать я. – Давай мы поговорим с тобой, но не сейчас.

– Понимаешь, я боюсь, что это может стать поздно.

Мелькнула мысль, что он заговорил как-то уж очень поэтично. По-книжному: «...может стать поздно...» Роман между тем продолжал:

- И это становится опасно для твоей... репутации...
 - Чего? – не поняла я. – При чем здесь моя репутация?
 - Вот именно это я и должен тебе объяснить, – вздохнул наш охранник.
- Я посмотрела назад. В зале было тихо: сидят, ловят каждое слово.
- Хорошо, пойдем прогуляемся...

Я заглянула в зал. Мои гости сидели на диване так мирно и спокойно, как будто каких-то пять минут назад не было ссор и ругани.

- Я – ненадолго, – объявила я. – Не передеритесь тут без меня...

Рома, смущаясь и краснея, поведал мне следующее:

- Как раз накануне дня, когда пропали картины, ближе к вечеру, ко мне подошла Валерия. Тебя в этот день, если помнишь, на работе не было...

- Да, я ездила в командировку.

– Ну, вот. Я тоже был в этом абсолютно уверен, но Лерка сказала мне обратное. Она заявила, что ты ждешь меня в парке и жаждешь поговорить о чем-то очень важном. Мне пришлось напомнить ей, что я вроде как на службе, но она легкомысленно махнула рукой: «За полчаса ничего не случится. Если хочешь, я понаблюдаю». Она заметила, что я по-прежнему сомневаюсь, и заявила: ей, ну, то есть Валерии, кажется, что ты собираешься поговорить со мной о наших отношениях. Вроде как я тебе нравлюсь, и ты хочешь мне в этом признаться...

Ромка смущенно покраснел и отвернулся, выдавливая из себя кашель. Наверно, чтобы скрыть свое стеснение от сказанного.

Мои щеки тоже стали красными. Однако я еще рассердилась и на Лерку, которая вечно лезет не в свои дела. Опять сводничество?

- Именно это ты мне хотел рассказать? – уточнила я, собираясь возвращаться. – Я поговорю с Валерией. Она больше такого не сделает...

- Дело не в этом, Сеня, – торопливо проговорил Рома, боясь, что я убегу. – Я поверил ей и пошел в парк. Но там тебя не было...

- Разумеется! – гневно резюмировала я.

- ...А, когда вернулся и хотел спросить Леру, что все это значит, оказалось, что она отпросилась у Рисыча и ушла домой.

- Негодная!

- ...Во время последнего, вечернего, обхода, мои мысли крутились вокруг ...тебя, и я не заметил, что стена, где висели картины, опустела. А обратил на это внимание только на следующее утро. Ну, и сразу вызвал полицию.

Я разинула рот.

- Что? Ты думаешь: Лерка к этому причастна?!

- Я не знаю... Может, кто-то зашел в мое отсутствие и снял их со стены...

Я задумалась, сопоставляя факты.

- Нет, не похоже, – наконец вымолвила я. – Я уже знаю, КТО украл картины. Скорее всего, Лерка была помощницей... Пошли! – я решительно взяла Ромку за руку и повела к себе.

- Куда? – все-таки уточнил он.
- К нам. Я познакомлю тебя с вором...

Дома было тихо. Или почти тихо: кто-то негромко разговаривал в зале. По крайней мере, ругань отсутствовала.

Глеб и Валерия, хмурые, сидели на диване в зале и о чем-то тихо совещались.

– Ну, что, Валерия, – начала я без вступлений, – объясни мне, пожалуйста, для какого такого разговора я приглашала Рому в парк?

Лерку вопрос застал врасплох: она не сразу сообразила, о чем это я. Наконец по смене выражения ее физиономии – с удивленной на смущенную – стало понятно, что до нее дошло, о чем речь.

– Ааа, ты об этом, – кокетливо махнула она рукой и хихикнула. – Это я разыграла Ромку. Он стоял такой серьезный на своем посту. И в то же время такой одинокий – бедный оловянный солдатик...

Ромка икнул, выпучив глаза, когда услышал, с кем его сравнили.

– Разыграла, значит, – подытожила я.

– Ага, – кивнула она, страшно довольная собой.

– А в это время твой пособник Глеб Сидоров украл картины.

– Но-но, – возмутился Глеб. – Выбирай выражения.

– Как тут ни выбирай выражения, вы, господа голубчики, совершили кражу! – словно в заседании суда строго объявила я.

– Ха-ха-ха! – сказал Глеб, серея от злости. – Если мы совершили кражу, где то, что мы украли?

– Вот этого уже я не знаю, – нагло заявила я. – Здесь дело полиции – найти пропажу.

От этих слов Лерка с Глебом одновременно побледнели и переглянулись между собой. Потом Глеб нервно поднялся с дивана, подошел слегка подпрыгивающей походкой к открытому окну (без меня похозяйничали!) и выглянул на улицу. Наверно, посмотрел, нет ли около подъезда полицейской машины... Видимо, не было. Он облегченно вздохнул, расправил плечи, одарил меня взглядом орла, благополучно миновавшего охотника, и сказал:

– Доказательств – нет!

– Есть! – хором выпалили мы с Ромкой.

Глеб поднял вверх брови и изучающе стал нас рассматривать.

Ромка уточнил:

– Ты был заснят на камеру внутреннего наблюдения. Полиция уже тебя ищет... Точнее, не тебя, а похожего на тебя. Потому что полиция не в курсе, как зовут человека с фотографии.

Целая гамма чувств отразилась на лице Глеба. Он решил стоять на своем:

– Это был не я, а кто-то на меня похожий.

– Смелое заявление! Особенно если несколько человек знают, что это был ты.

– Какие «несколько»? Это только все ваши подозрения.

Дебаты между Романом и Глебом могли превратиться в целую передачу “Hard Talking”.

Меня, по большей части уже не интересовало, КТО украл картины и ЗАЧЕМ. Имелись вопросы поинтереснее.

– Послушайте, Глеб, – приступила я к своему интервью. – А зачем вам понадобились эти картины?

– О, обратно на «вы»? Чудесненько!

Меня начинала раздражать его привычка добавлять везде, где можно, суффикс «еньк».

– Видите ли, дорогая, вы, как понимаю, с удовольствием работаете музейным жуком и получаете за это удовольствие жалкие гроши...

– Ну-ну, – вознегодовал Рома, шагнул к Глебу. – Попрошу без оскорблений!

– Ничего, Рома! Мне даже интересно, что Глеб знает о музейных жуках.

– Что? – не понял Глеб, о чём это я.

– Неважно, – довольная собой, отозвалась я. – Продолжайте...

Не думаю, что Глеб в курсе: «музейный жук» действительно существует и живет в музеях. Его любимое блюдо – кожаные обложки и переплеты книг.

– ...А я хочу жить красиво! – высокопарно продолжал Глеб. – Однажды я поехал в Испанию, где, как вы знаете, снимал комнату в домике у русских иммигрантов. Старушка, с которой я там познакомился, рассказала мне, что много лет назад в России была потеряна их семейная реликвия – бесценные картины. Это сильно заинтересовало меня. Я вызвался помочь бабке найти их. Но для этого мне нужны были мельчайшие подробности об утерянных картинах. Рядом с бабушкой все время была младшая сестра Мария. Она тоже присутствовала при наших разговорах. Мой живой интерес и желание помочь понравились ей. Она перерыла весь семейный архив, даже ездила в Швейцарию, где у них тоже дом. Оттуда она привезла фотографии своей матери, когда та была молодой. А также ее брата. Именно их портреты были изображены на картинах... Я понял: это мой шанс. Я не только заработаю на том, что буду искать картины и получать за это гонорар. Я решил: когда найду их, продам по хорошей цене.

– Глупый! – выразила я свое мнение, и Глеб стал покрываться пятнами от моей чрезмерной откровенности. – Тебе же сказали, что картины ценны только для семьи. Сам посуди: художник неизвестен, техника любителя... Ну, кто их купит?!

– Не верю! – упрямо сказал Глеб.

– Ну, как говорится, дело твое!.. Только я бы на твоём месте не рисковала. Я сама лично видела твою фотографию в руках следователя...

Пятна на лице Глеба стали бледнеть. И он – вместе с ними.

– Да, Глебушка, – встряла Лерка, – мне тоже следователь показывал фотографии. Тебе надо спрятаться на время, пока все не утихнет. Я даже знаю, где.

Ох, Лерка, Лерка! Вижу: и ты в сетях любви. Готова рисковать, не раздумывая.

Глеб, погруженный в свои мысли, походил по комнате туда-сюда.

– А как же эти? – остановившись, спросил он Лерку и кивнул на нас.

– Я не собираюсь ничего предпринимать против вас, – сказала я, – если вы расскажете мне, как все провернули... Итак, Глеб, ты нашел картины – не спрашиваю, как; наверно, это было не так просто, – а что было дальше? Расскажи, я сгораю от любопытства. Обещаю: я – ни-ни....

Глебу, похоже, нравилось быть рассказчиком. Он расправил плечи, взгляд его стал увереннее. Но в последний момент вспомнил о Романе.

– А он?

– Ромка, ты ведь никому не скажешь?

Ромео неопределенно повел плечами.

– Видишь, он не скажет, – ответила я Глебу.

– Ну что ж... Картины я действительно нашел достаточно быстро. Елена Матвеевна, так звали бабульку, у которой я снимал комнату в Испании, дала мне почти точные координаты. Они жили в Полянске во время революции, и именно оттуда картины пропали. В Интернете я нашел весь список областных музеев и решил посетить каждый. Но мне даже не пришлось обходить все музеи области: я пришел в тот, в котором работала мать и увидел там картины...

– Твоя мама знала о..., – начала я вопрос.

– Нет, конечно, – ответил Глеб. – Зачем такое знать родителям?

Потом продолжил:

– Здесь я сделал ошибку. Меня одолевали некоторые сомнения, эти картины или нет, и я позвонил в Испанию. Оказались, они... Но кто знал, что младшая сестра заказчицы – тоже бабулька – примчится сюда...

Глеб задумчиво посмотрел в окно, потом снова заговорил:

– Короче, в вашем музее я встретил Валерию...

– Он влюбился в меня с первого взгляда! – вставила сияющая Лерка фразу в разговор.

– Ну да! – ровным голосом отозвался Глеб и продолжил: – Мы встретились в кафе вечером. Потом еще встречались... Я рассказал Лере о картинах. Она была удивлена, что никто не знает об их ценности... В общем, раз никто не знает, – решили мы, – волноваться не будут. Валерия согласилась мне помочь... Ну, а дальше – очень просто: Роман уходит со своего поста, причем мы рассчитываем время так, чтобы это было очень близко к закрытию – посетители уже покинули здание, новые вряд ли придут. Я уже в это время сижу в машине недалеко от музея. Лера делает мне знак. Я захожу в музей. Лера остается в холле перед входом. Дальше – все легко. Снимаю первую картину, несу в туалет. Там лежат веревки, связанные так, чтобы можно было легко вставить в петлю картину. Делаю это. Открываю окно. Аккуратно опускаю картину вниз, на асфальт. Окно туалета снаружи закрыто густыми высокими кустами. Риска быть замеченным – никакого. Иду за второй картиной... И так далее. Полчаса – и все в порядке... Но, когда я вышел на улицу, обошел здание и подошел к окну туалета, картин внизу не было... Вот и вся история. Где они сейчас, я не знаю. Но подозреваю, что без этой бабульки – Марии Матвеевны – здесь не обошлось... Кстати, а где она?... А впрочем, какая разница, – неожиданно махнул рукой Глеб. – Пора завязывать с этим. Нет картин – нет преступления!

Он хмыкнул...

...Через минуту в доме стало тихо: Валерия и Глеб удалились восвояси. Ромка смущенно потоптался, поглядывая на меня. Спросил:

– Я тоже пойду?

– Хорошо! – согласилась я.

Кажется, он был разочарован моим ответом, но беспрекословно послушался.

Я закрыла за ним дверь и только после этого пошла посмотреть в спальню, там ли Мария Матвеевна. «Гангстерша», мило посапывая, спала на моей кровати. Картины стояли напротив нее у стены...

Только когда старушка проснулась, я умерила свое любопытство и задала все вопросы, ответы на которые пока не знала.

...Оказывается, в отличие от своей сестры Елены, Мария Матвеевна смогла усмотреть коварство в намерениях Глеба. После его звонка с вопросами по описанию картин она села за руль своего автомобиля и поехала в Россию. В девяностые ее мама настояла, чтобы дочь сделала себе российский паспорт. Поэтому границу Мария пересекла без проблем.

Женщина знала название города и музей, где находились картины. Приехав на место, она наняла частного сыщика и с его помощью быстро убедилась в том, что была права: Глеб действительно собирался присвоить картины себе с целью продажи. Он даже нашел покупателя. Судя по тому, что цена была предложена высокой – так сообщил сыщик – покупатель не знал, что в картинах нет ничего ценного.

После этого младшая дочь Сашеньки и Матвея разработала свой план хищения картин. Мария Матвеевна доверилась одному из работников музея...

– Кому? – поспешила спросить я.

– Он представился Иваном.

– Дядя Ваня?!

– Он проникся симпатией и пониманием. «Семейные реликвии – это святое, – глубокомысленно сказал он. – Особенно, если они вызывают бурю эмоций у пожилой женщины. Пусть в последние годы жизни картины рядом греют ее душу». Мы договорились, что он поможет мне. Когда Глеб выбрасывал картину из окна и удалялся за другой, Иван брал ее и тащил к машине, где ждала его я. Автомобиль был поставлен в тихий переулок, где практически никого не было. Так что никто не заметил наши действия с Иваном... Представляю, как удивился Глеб, когда пришел вниз, а картин – нет! – она, довольная собой, хихикнула.

Я чувствовала себя так, как будто осваивала новую науку: чем больше узнавала, тем больше понимала, что белых пятен не уменьшается.

– Мне только одно интересно: как он нашел дурака, пожелавшего купить картины за хорошие деньги? Обычно те, кто скупают краденое, – большие специалисты в своем деле.

– А мне интересно другое, – серьезно заявила я. – Почему картины были принесены в мою квартиру? Кто украл ключи из моей сумки? Дядя Ваня?

– Что ты, дорогая! – горячо сказала Мария Матвеевна. – Никто ничего не крал. Это просто совпадение.

– Совпадение?!

– Ну да... Когда-то в этой квартире жил мой отец... Уже один, без семьи. Ключи странным образом сохранились в нашем доме, и я даже знала адрес...

– Матвей?! Тот, о котором Саша писала в своем дневнике?

– Да.

– Просто удивительно. Вы знаете, я ведь историк. И наверно, самое поразительное в моей работе то, что я лучше других осознаю: мы живем в мире, где когда-то точно так же жили другие. И частички их душ с нами. Мы об этом не думаем, но иногда чувствуем. По каким-то странным случайностям, совпадениям. Мне даже кажется, и приведения – это не выдумка. Просто в некоторых местах прошлое проявляется значительно сильнее, чем в

других.

Мария Матвеевна с улыбкой смотрела на меня и легонько кивала головой.

– Я тоже уснула здесь, как в раю. Может, именно потому, что когда-то тут жил мой папа, – грустно проговорила она.

Я вдруг насторожилась.

– Мария Матвеевна, послушайте, но ведь они с Сашей жили в доме Алексея. В ДОМЕ не в квартире.

– Они жили в Полянске. После того, как моя мама с ее тетей, Гертрудой и моей старшей сестрой Еленкой уехали, папа оказался в очень сложной ситуации. Нужно ведь было как-то объяснить неожиданную пропажу родственников. Время было тяжелое. Легко могли расстрелять – хоть чужого, хоть своего. Но одно событие спасло папу. Как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло... Два дня он сидел дома, притворившись больным. Папа искал способ объяснить окружающим, куда пропали его жена и ребенок. Заявить об этом в милицию было невозможно. Там бы быстро могли понять, что те ударились в бега. И тут старая постройка рынка развалилась – крыша придавила несколько десятков людей. Потом внутри случился пожар: из-за печек, которые обогревали продавцов. Только несколько человек успели выскочить. Остальных спасти не удалось. Среди погибших – и покупателей, и продавцов – было много тех, кого не опознали. Матвей воспользовался этим. Ему пришлось разыгрывать горе. Однако ему поверили. К счастью, встретить Тикуню был маленький шанс. И видимо, попугав маму, она успокоилась. По крайней мере, ничего не случилось. Папа все-таки решил подстраховаться. Объяснив своему начальнику, что в этом городе всё напоминает ему о погибшей семье, он попросился, чтобы его перевели в другое место. Так он оказался здесь, в этом маленьком городке...

Старушка задумчиво улыбнулась каким-то своим воспоминаниям, потом озвучила – возможно, именно это:

– Папа рассказывал, что он часто ходил в ваш музей и смотрел на портрет мамы – Сашеньки. Впервые он смог простить Алексея, и только за то, что благодаря ему мог часто видеть жену. Пусть даже только на картине.

– Безумно интересно! – произнесла я с чувством...

Эпилог. Наши дни

Вот и закончилась эта история. Мария Матвеевна уже дома. Картины – вместе с ней. Правильно ли я поступила, не знаю. Но совесть моя молчит. Разве могут прочувствовать бюрократы, придумывающие правила и законы, что такое людская привязанность к семейным вещам-реликвиям? С одной стороны, Мария Матвеевна действительно совершила кражу. Но с другой, она взяла то, что по праву принадлежит ее семье. Кто это поймет?

Единственное: внезапно исчезнув, она, увы, сдержала свое обещание, оставив у нас в квартире картину «Автопортрет», где был изображён Алексей, человек, которого когда-то любила юная Сашенька.

Я приняла «подарок» как данное: раз вляпалась в эту историю, придется мне ставить в конце ее жирную точку самой, найдя путь избавиться от картины.

Хотя... тут мне помог Ромка: мы все-таки запихнули картину в архив музея – она до сих пор стоит там, в углу, не обнаруженной.

Каждый раз, когда я прохожу через зал в музее, где когда-то висели картины, я невольно останавливаюсь и смотрю на стену. Она, конечно же, никогда не пустует. После пропажи портретов мы помещали сюда то репрессированного Грамовича, то другие экспонаты. Но для меня в этом углу музея не стало той капельки истории, в которую я совершила «заочное» путешествие.

Изменился не только этот зал в музее. Изменилась и я, поверив в то, что никогда не надо унывать в трудные моменты жизни. Ведь у кого-то такие минуты бывают в разы и опаснее, и труднее. Если задуматься, мне даже повезло, что я всего лишь «вляпалась» в историю с пропавшими картинами, а не родилась во времена революций и красного террора.

Ну, а в целом, почти ничего не изменилось.

Какое-то время мы с Валерией дулись друг на друга. Но совместная работа заставила нас забыть обиды. Конечно, приязнь между нами пропала, однако это делу не мешает.

Матрена Ивановна расстроилась, что у нас с Глебом не срослось. Почему – я, разумеется, ей объяснять не стала. Глеба с тех пор я не видела ни разу. И честно говоря, мне неинтересно, где он и с кем.

С Ромкой мы сдружились. Нет, не подумайте, что между нами что-то серьезное. Просто общаемся. И я верю, что в трудную минуту он не подведет.

Директор наш – все тот же, любимый нами Рысич. После кражи в музее он поставил сигнализацию на несколько экспонатов. Тимофей Борисович – единственный действительно переживал, что картины были украдены...

Вот и все. Ставлю точку.

Хотя...

Недавно я встретила Митяева. Помните такого? Помощник следователя.

Он очень обрадовался нашей встрече, как будто встретил старого друга. Предложил посидеть в кафе. Я не отказалась.

На улице уже стояла осень: холодно, ветрено, дождливо. А внутри, в кафешке, оказалось тепло и уютно. Я никогда раньше не была здесь, и мне сразу понравилось. На столах горели золотистые свечи, на окнах висели красные шторы. Красота!

– Как тебя зовут? – спросила я, потому что не помнила его имя. А может, его начальник следователь Бегунов-Прыгунов и не назвал его.

– Дмитрий! – ответил он, и кончики его ушей покраснели.

– Ой, как здорово! – засмеялась я. – Дмитрий. Дима. Митя. Митя Митяев!

Уши Мити Митяева покраснели еще больше.

– Прости! – тут же остановилась я. – Просто неожиданно.

– Я знаю. Ты не первая, которая это замечает. В принципе, я уже привык.

Мы пили чай и болтали обо всем на свете. Митя оказался хорошим собеседником.

Наверно, атмосфера помогла разговориться Митяеву. Он вдруг вспомнил его первое «дело», которое расследовал в нашем музее.

– К сожалению, оно стало «висяком». Но это никак не повлияло на мою карьеру... А ты знаешь, что я узнал недавно? Помнишь моего начальника – Прыгунова?

– Конечно. Такого трудно забыть, – съязвила я.

– Так вот. Я случайно узнал, что он был лично заинтересован в том, чтобы найти картины.

– Ну, понятно. Он же следователь. Это его работа.

– Нет-нет! Лично для себя! Оказывается, эти картины рисовал его дед!

– Не может быть! – ахнула я.

– Да!!! Он уже знал об этом, когда пришел в музей, чтобы расследовать преступление.

«Расследовать преступление» звучало как-то слишком сурово. Я даже закашлялась от этих слов.

Митя ничего особенного не заметил и продолжал:

– Когда он понял, что кто-то спер... ой, прости, это его выражение... картины его деда, он был в гневе. «Я носом землю буду рыть, но картины найду!» – кипятился он. Но Андрей Филиппович – умный следователь. Он разместил в газете объявление, что купит дорого старые картины. И вор клюнул. Это был именно тот вор, который был нам нужен, потому что шеф спросил, ЧТО на картинах. Описание в точности совпадало с тем, что мы искали...

Я представила себе довольную мордашку Глеба, распределявшего по кучкам деньги, которые он получит за картины.

– ...Они уже договорились с вором о встрече, а тот на условленном месте не появился.

«Вот глупый Глеб! – подумала я. – Если бы Мария Матвеевна не переукрала картины, сидеть бы ему уже в тюрьме!»

– Понятно, – сказала я. И мне действительно все стало понятно. Теперь я знала, КТС собирался «купить» украденные картины.

Эпилог. Прошлое

Александра сидела у открытого окна и читала книгу. Периодически она поднимала голову и смотрела на улицу. Ей были видны часть маленького садика около их дома и забор. В саду, в беседке, сидели Матюша и Еленочка. У этих двух с самого раннего детства находились общие секреты. Они ужасно любили сидеть рядышком и шептаться. Наблюдать за этим было забавно: таинственные личики, громкий шепот, широко расширенные глаза. Сейчас, конечно, они выросли. И просто сидят рядом, очень тихо говорят о чем-то. Может, и не секретничают, а просто общаются. Услышать их невозможно, хотя беседка всего в пяти метрах от окна.

Александра никогда не пыталась выведать, какие секреты могут быть у детей от матери. Тем более, сейчас, когда Елене уже двадцать пять, а Матвею – двадцать один.

На небе собирались тучи. Дождя не избежать. Целый день погода стояла душная, тяжелый воздух заполнял пространство в доме.

И вот подул ветер, черные тучи сгрудились над городком. Где-то в отдалении загремел гром.

Саша не любила грозы. Они напоминали ей далекие годы в России и ночи, когда она вместе со своей тетей и Гертрудой тряслась от страха, с ужасом ожидая, что выстрелами разобьют окна.

Бедная Россия! Сколько испытаний на ее долю! Революция, гражданская война, большевистский террор. А вот теперь и еще одна война. Слава Богу, закончилась. Но сколько народу убито, покалечено физически и морально! Сколько предстоит усилий, слез, боли, пока забудутся потери, пока зарубцуются душевные раны! Это, если не думать о разрушенных городах, разоренных полях...

Александра оторвала глаза от неба и посмотрела на детей. Краем глаза заметила, что кто-то появился у забора. Перевела взгляд туда. Зрение ее упало за последние годы, и, хотя она читала без очков, дальние объекты уже трудно было разглядеть. Но не настолько плохо, чтобы понять: стоявшим за территорией их сада был мужчина – с седыми волосами, высокий, одетый просто, по крайней мере, не в костюме. Александра сощурилась, чтобы помочь глазам и понять, кто там: может, кто-то из соседей? Не поняла. Казалось, мужчина тоже смотрит на нее. В душе шевельнулась тревога. Она невольно обернулась к детям. Сказала негромко:

– Еленочка, Матвей! Перебирайтесь домой. С минуты на минуту начнется дождь.

Заметила, что человек по-прежнему стоит, не уходит. В чем же дело? Кто он? Увидела, что мужчина теперь повернул голову в сторону Матвея и Елены. Саша привстала, торопливо схватила очки для дали с книжной полки и нацепила их на переносицу. Сразу все стало четко видно: даже белые волосинки на голове у незнакомца...

Нет, не у незнакомца.

Александра тяжело опустилась на стул. Не узнать мужчину было нельзя. За забором стоял постаревший, но узнаваемый... Матвей...

Конец книги.

Дорогие друзья! Спасибо вам за то, что вы поддерживали меня чтением этой книги, лайками и комментариями.

Приглашаю вас на свой новый проект с названием "Ужасы зимней рыбалки, или Тайна

острова Шапка". Я запущу его со дня на день. Это роман, в котором тайны, приключения, выживание в трудных условиях, а также любовь и отношения между молодыми мужчиной и женщиной: ревность, обиды, любовь, примирения и ссоры. Буду рада вашей поддержке!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net